ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

ISSN 2312-0312

№ 3 (71) 2025

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, № 3 (71) 2025

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Соучредители – Государственное бюджетное научное учреждение при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Марийский государственный университет»

Редакционный совет:

Григорьева Людмила Яковлевна, председатель ред. совета, канд. филол. наук, директор МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Акшиков Александр Геннадьевич, секретарь ред. совета, канд. ист. наук, зам. директора-ученый секретарь МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Агранат Татьяна Борисовна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва)

Воронцов Владимир Степанович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН (г. Ижевск)

Муллонен Ирма Ивановна, д-р филол. наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Карельского НЦ РАН (г. Петрозаводск)

Косинцева Елена Викторовна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск)

Крыласова Наталья Борисовна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Пермь)

Куршева Галина Александровна, д-р ист. наук, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Лехтинен Илдико, д-р философии, доцент Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия)

Ошаев Алексей Григорьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории историко-филологического факультета Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Пустаи Янош, профессор, д-р философии, председатель Ассоциации финно-угорских литератур, директор Института Collegium Fenno-Ugricum (г. Бадачоньтомай, Венгрия)

Ракин Анатолий Николаевич, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)

Сергеев Олег Арсентьевич, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Тендер Тыну, д-р философии, директор Института эстонского языка (г. Тарту, Эстония)

Чузаев Родион Иванович, канд. ист. наук, директор Института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Редакционная коллегия:

Ипакова Марина Тимерьяновна – главный редактор, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Свечников Сергей Константинович – зам. главного редактора, отв. редактор направления «Этнология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Пенькова Мария Викентьевна – отв. за выпуск журнала, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Акилбаев Александр Владимирович – отв. редактор направления «Археология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кошкина Ольга Анатольевна – отв. редактор направления «История», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Орлова Ольга Викторовна – отв. редактор направления «Социология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Сибатрова Серафима Сергеевна – отв. редактор направления «Лингвистика», канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Федосеева Надежда Александровна – отв. редактор направления «Литературоведение и фольклористика», канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Абукаева Любовь Алексеевна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Иванов Ананий Герасимович – д-р ист. наук, профессор Марийского государственного университета

Ключева Мария Аркадьевна – канд. искусствоведения, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кудрявцева Раисия Алексеевна – д-р филол. наук, профессор Марийского государственного университета

Молотова Тамара Лаврентьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Никитина Татьяна Багишевна – д-р ист. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Шкалина Галина Евгеньевна – д-р культурологии, профессор Марийского государственного университета

Эрцикова Галина Алексеевна – канд. филол. наук, зам. директора по научной работе МарНИИЯЛИ

Мнения, высказанные в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ, 2025
© Авторы статей, 2025

FINNO-UGRIC STUDIES, No. 3 (71) 2025

Scientific journal
The journal is founded in 1994 (February).
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Co-founders – State Budget Scientific Institution under the Government of the Republic of Mari El "V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History",
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Mari State University"

Editorial Review Board:

Grigoryeva L.Ya., Candidate of Philology, Director of the Mari Research institute, Chairperson of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Akshikov A.G. Candidate of History, Deputy Director-Academic Secretary of the Mari Research Institute Secretary of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Agranat T.B., Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Vorontsov V.S., Candidate of History, Senior Researcher at the Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk)

Mullonen I.I., Doctor of Philology, Professor, RAS Corr. Fellow, Chief Researcher at the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk)

Kosintseva E.V., Doctor of Philology, Associate Professor, Chief Researcher of Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk)

Krylasova N.B., Doctor of History, Chief Researcher at the Institute of Humanitarian Studies of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm)

Kursheva G.A., Doctor of History, Director of the Research Institute of Humanities affiliated to the Governmet of the Republic of Mordovia (Saransk)

Lehtinen Ildiko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Oshaev A.G., Candidate of History, Associate Professor of the National History Chair, Faculty of History and Philology, Mari State University (Yoshkar-Ola)

Pusztay János, Doctor of Philosophy, professor emeritus universiteta Loranda Eötvösa (Budapest), Chairman of the Association of Finno-Ugric Literatures, Director of Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary)

Rakin A.N., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar)

Sergeev O.A., Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute (Yoshkar-Ola)

Tõnu Tender, Doctor of Philosophy, Director of the Estonian Language Institute (Tartu, Estonia)

Chuzaev R.I., Candidate of History, Director of the Institute of National Culture and Intercultural Communication (Yoshkar-Ola)

Editorial Board:

Ipakova M.T., Editor-in-Chief, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Svechnikov S.K., Deputy Editor, Executive Editor of the series «Ethnology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Penkova M.V., Executive Editor, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Akilbayev A.V., Executive Editor of the series «Archaeology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Koshkina O.A., Executive Editor of the series «History», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Orlova O.V., Executive Editor of the series «Sociology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Sibatrova S.S., Executive Editor of the series «Linguistics», Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Fedoseeva N.A., Executive Editor of the series «Literary Studies and Folklore Studies», Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Abukaeva L.A., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Ivanov A.G., Doctor of History, Professor of the Mari State University

Klyucheva M.A., Candidate of Art History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Kudryavtseva R.A., Doctor of Philology, Professor of the Mari State University

Molotova T.L., Candidate of History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Nikitina T.B., Doctor of History, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Shkalina G.E., Doctor of Culturology, Professor of the Mari State University

Ertsikova G.A., Candidate of Philology, Deputy Director for Scientific Work of the Mari Research Institute

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

Бакула В.Б. История внедрения саамской письменности на Кольском Севере 7

Сажина С.А. Языковые изменения в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка 19

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Бердникова В.В., Бояринова Г.Н. Художественное своеобразие рассказов Феликса Майорова 30

Устьянцев Г.Ю. Герои удмуртских преданий в локальной культурной памяти современников 42

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Пислегин Н.В. Жители починка У речки Убыти и деревни Зянбулатовская к середине XVIII века: начало оформления татарской деревни Палагай и бесермянской деревни Гулекшур 54

Свечников С.К. Российские ученые XVIII – первой половины XIX века об уровне социального развития марийцев XV–XVI веков 66

Шабыков В.И. Православный компонент в религиозном сознании мари (этносоциологический ракурс) 80

ПЕРСОНАЛИИ

Бикейкин Е.Н., Пахмутова Е.Д. Лаптева Ирина Валерьевна – ученый, общественный деятель и творческая личность из Мордовии 93

Молотова Т.Л. К юбилею Н.С. Попова 98

РЕЦЕНЗИИ

Максимов В.Н. Рец.: Максимов С.А. Лексика бесермян: наследие Т.И. Тепляшиной / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2024. 816 с. 105

Сажина С.А. Рец.: Жеребцов И.Л., Мусанов А.Г. Населённые пункты на территории современного Койгородского района (историко-демографический справочник). Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2024. 226 с. 109

ХРОНИКА

Иванов В.А., Попова Е.В. III Всероссийская научная конференция «Язык, история, культура бесермян: современные социокультурные практики» 112

CONTENTS

ARTICLES

LINGUISTICS

Bakula V.B. The history of the introduction of the Sami writing system in the Kola North 7

Sazhina S.A. Language **c**hanges in the Upper Kama dialect of the Komi-Permian Language 19

LITERATURE STUDIES AND FOLKLORE

Berdnikova V.V., Boyarinova G.N. Artistic originality of Felix Mayorov's short stories 30

Ustyantsev G.Yu. Heroes of Udmurt legends in the local cultural memory of contemporaries 42

HISTORY AND ETHNOLOGY

Pislegin N.V. The inhabitants of the small settlement of U Rechki Ubyti and the village of Z'anbulatovskaya by the middle of the XVIII century: the beginning of the Tatar village of Palagai and Besermyan village of Gulekshur..... 54

Svechnikov S.K. Russian scientists of the 18th - first half of the 19th centuries on the level of social development of Mari people of the XV-XVI centuries 66

Shabykov V.I. Orthodox component in the religious consciousness of the Mari (ethno-sociological perspective) 80

PERSONALIA

Bikeikin E.N., Pakhmutova E.D. Irina V. Lapteva - a scientist, a public figure and a creative personality from Mordovia 93

Molotova T.L. On the anniversary of N.S. Popov..... 98

BOOK REVIEWS

Maksimov V.N. Review: Maksimov S.A. Vocabulary of Besermyan: the legacy of T.I. Teplyashina / Federal State Budgetary Institution of Science "Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Izhevsk, 2024. 816 p. 105

Sazhina S.A. Review: Zherebtsov I.L., Musanov A.G. Settlements on the territory of modern Koigorodsky district (historical and demographic reference book). Syktyvkar: Federal Research Center "Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences", 2024. 226 p. 109

CHRONICLE

Ivanov V.A., Popova E.V. III All-Russian scientific conference "Language, history, culture of the Besermyan people: modern social and cultural practices"... 112

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.511.1
DOI 10.51254/2312-0312-2025-3-71-7-18

ИСТОРИЯ ВНЕДРЕНИЯ СААМСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ*

© 2025 г. В.Б. Бакула

Введение. Статья посвящена исследованию процесса создания саамской письменности на Кольском полуострове в конце XIX и в 30-е годы XX века. **Цель исследования** – выяснить причину неудачи внедрения саамской письменности на первых этапах ее создания. **Материалы и методы.** В качестве материалов использовались труды известных историков, этнографов и специалистов по изучению культуры саамов, а также архивные документы Государственного архива Мурманской области. В работе использованы конкретно-исторический и описательный методы. **Результаты исследования, обсуждение.** Исследование показало, что, несмотря на неоднократные попытки создать письменность для российских саамов начиная с конца XIX века, ни одна из них не привела к положительным результатам. Сегодня возникает необходимость проанализировать накопленный опыт в данном направлении. **Заключение.** Неудачи создания письменности и формирования саамского литературного языка были обусловлены объективными причинами.

Ключевые слова: саамский язык; диалекты; саамская письменность; литературный язык.

Введение

Период 2022–2032 годов объявлен Международным десятилетием языков коренных народов, основной целью которого является привлечение внимания мирового сообщества к критическому состоянию многих языков мира. Стратегия действий, в зависимости от ситуации с каждым языком, предполагает

* Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР №124041100057-3.

либо возрождение, либо сохранение, либо популяризацию. Однако применительно к саамскому языку речь идет исключительно о возрождении, поскольку он входит в число исчезающих языков. Одна из ключевых проблем сохранения саамского языка связана с отсутствием эффективной системы академической передачи знания: изучение языка в школах ограничивается лишь факультативными занятиями и ведется преимущественно в устной форме. Современные учебно-методические пособия безнадежно устарели, ощущается острая нехватка квалифицированных преподавателей. В сложившейся ситуации закономерно возрастает интерес к прошлому опыту создания и распространения саамской письменности.

Цель исследования состоит в выяснении причин неуспеха внедрения саамской письменности на начальном этапе её создания.

Материалы и методы

Основой исследования стали научные публикации ведущего саамоведа Г.М. Керта, краеведческие изыскания В.В. Сорокажердьева, отчёт инспектора народного образования Н. Козмина о состоянии саамских школ, «Материалы по развитию языков и письменности народов Севера в Мурманском округе», а также архивные материалы Государственного архива Мурманской области. В ходе исследования применены конкретно-исторический и описательный методы анализа.

Результаты исследования, обсуждение

Формирование саамской письменности прошло несколько этапов развития.

Первый относится к концу XIX века и принадлежит священнику К.П. Щеколдину, который написал «Азбуку для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии» на нотозерском диалекте с использованием кириллицы (1895), первый саамский учебник.

С начала 1886 года К.П. Щеколдин начал обучение саамских детей чтению и пению самых употребительных молитв с использованием саамского языка и таким образом выучил 24 человека, которые, в свою очередь, после этого обучали взрослых. Однако до революции вопрос об обучении коренного населения на родном языке не стоял: главной целью перевода книг духовного содержания на саамские диалекты стало распространение христианства и обучение на русском языке. Кроме того, создание саамской письменности затруднялось существованием разных диалектов, значительно отличавшихся друг от друга. Азбука К.П. Щеколдина была написана на нотозерском – самом западном диалекте восточных саамов.

В то же время первый опыт обучения саамских детей дал возможность сделать некоторые выводы для будущего: оказалось, что особенности хозяйственного календаря саамов, их сезонные перекочевки, связанные с традиционными промыслами, значительно сокращали учебный год для

саамских детей (с ноября-декабря по март-апрель) и негативно сказывались на качестве их учебы [Козмин, 1912, с. 10]. Эту проблему решили с помощью так называемой «передвижной школы» Щеколдина, когда обучение саамских детей проходило то в летнем становище[1], то в зимнем погосте[2], что значительно увеличило продолжительность учебного года.

В 1911 году инспектором училищ Николаем Козминым была проведена проверка начальных церковно-приходских школ Лапландии. В своем отчете он описал трудности организации учебного процесса, а также обосновал необходимость устройства при школах постоянного общежития для детей-школьников, чтобы сделать более продолжительным учебный год [Козмин, 1912, с. 10], что отличалось от «передвижных» школ Щеколдина и стало прообразом школ-интернатов.

Второй этап создания письменности для саамов был связан с революционными преобразованиями и культурной революцией в России, которая ставила задачи ликвидации неграмотности; создания новой системы народного образования; культурно-просветительных учреждений; создание и усовершенствование литературных языков; новых видов письменности; новой системы вузов и т.д.

В 20-е годы XX века подавляющее большинство саамов продолжало вести кочевой образ жизни. По данным первой Всесоюзной переписи населения грамотных среди них было 12,5 %, т.е. всего лишь 213 человек умели кое-как читать и писать по-русски. На территории Кольского полуострова саамы говорили на четырех диалектах: кильдинском, нотозерском, бабинском и йоканьгском, в состав которых входило по несколько говоров. Диалекты отличались друг от друга настолько, что носители одного не понимали носителей других, что стало причиной разногласия относительно того диалекта, который должен лечь в основу литературного языка саамов.

В 1933 году при Мурманском окрисполкоме была организована комиссия по созданию литературного саамского языка и Комитет содействия развитию языка и письменности народов Севера (Комитет нового алфавита), который возглавил З.Е. Черняков, этнограф, языковед, научный сотрудник Института народов Севера, знаток различных диалектов саамского языка, составитель саамского букваря. В работе Комитета и выпуске саамского букваря на латинской графике участвовал В.К. Алымов, краевед, один из создателей Мурманского окружного (ныне – областного) краеведческого музея (17.10.1926), а также А.Г. Эндюковский, лингвист, специалист по финно-угорскому языкознанию, лопарист, преподаватель в Институте народов Севера, помогали преподавателям студенты саамского отделения.

[1] Место поселения саамов в летний период.

[2] Место поселения саамов в зимний период.

В основу литературного языка Кольских саамов был положен кильдинский диалект, что не было случайностью. В 1931 году уполномоченный Комитета Севера при Мурманском окрисполкоме[3] В.К. Алымов в записке в Комитет Севера при ВЦИК для 1-й Всесоюзной конференции по развитию языков и письменности народов Крайнего Севера высказывал свое мнение «относительно диалекта, который нужно было бы избрать для литературного лопарского языка»: однозначно кильдинский, поскольку он понятен всем группам саамов, кроме того, группа носителей кильдинского диалекта была самой многочисленной (49 % всего саамского населения против 20 % носителей иокангского диалекта, 26 % – нотозерского, около 5 % – бабинского). Важной причиной, по мнению Алымова, был более богатый словарный запас кильдинской группы (менее всего финских заимствований) и «тенденция к упрощению в отношении фонетики (например, дифтонги превращаются в монофтонги)» [Сорокажердьев, 2004, с. 16].

Мнение В.К. Алымова расходилось с мнением З.Е. Чернякова, который предложил положить в основу литературного саамского языка нотозерский диалект, мотивируя это тем, что он будет понятен зарубежным лопарям. В научной дискуссии с ним В.К. Алымов выразил несогласие и обосновал свою точку зрения [Там же, с. 16].

Саамская письменность этого периода создавалась на латинской графике, что имело свои причины. В 1920–1930-х годах по стране прокатилась волна латинизации алфавитов, и в конкретных исторических условиях (первые годы Советской власти) 7 августа 1929 года Президиумом ЦИК СССР (Центральный исполнительный комитет) и СНК СССР (Совет народных комиссаров) было принято постановление о введении нового, латинизированного алфавита, за которым признавалось «особое культурно-экономическое значение» [Исаев, 1978, с. 221].

В 1933 году «Букварь» З.Е. Чернякова на кильдинском диалекте с учетом особенностей нотозерского, иокангского и бабинского вышел в свет и был признан в общем удовлетворяющим требованиям преподавания языку для начинающих, вслед за ним в школы были направлены учебники, переведенные на саамский язык: книга для чтения первого года обучения, арифметика для первого и второго классов.

Следующим шагом к созданию литературного саамского языка была задача по внедрению письменности на родном языке в массы народов Севера.

11 сентября 1933 года вышло Положение «О комитете содействия развитию языков и письменности народов Севера при Президиуме Мурманского Окрисполкома (Комитет нового алфавита округа)», в котором были определены

[3] Окрисполком – окружной исполнительный комитет.

задачи Комитета, в число которых входило «развитие письменности на языках народов Севера как одного из основных орудий культурной революции», в связи с чем очерчен круг серьезных и обширных обязанностей Комитета: планирование и руководство местной национальной периодической (газеты) и непериодической печати (брошюры, листовки) с целью «соблюдения принципов единого литературного языка» – т.е. без использования местных диалектов; научная поддержка внедрения письменности народов Севера совместно с научно-исследовательской ассоциацией ИНСа (НИА ИНС), подготовка кадров для введения нового алфавита в учебных заведениях. Все эти мероприятия подлежали строгому контролю, поэтому планировались регулярные совещания для проработки вопросов продвижения письменности в широкие массы народов Севера. Все задачи Положения были конкретизированы в Постановлении «О практических мероприятиях по внедрению письменности на родном языке народов Севера» от 22 сентября 1933 года в целях создания единого литературного саамского языка [Материалы по развитию языков … , 1934, с. 21–22]**.**

К выполнению этих задач были привлечены различные учреждения как на местах, так и на федеральном уровне.

В выписке из протокола № 139 Президиума Ленинградского Облисполкома (областной исполнительный комитет) от 5 декабря 1933 года «О введении письменности на саамском языке» говорится: «Учитывая национальные особенности саамского населения Мурманского округа (Ловозерский, Кольско-Лопарский, Полярный и Понойский районы) в целях обеспечения его культурного подъема, Президиум Леноблисполкома постановляет:

1. Ввести для саамов письменность на родном языке на латинизированном алфавите.

2. Принять к сведению заявление Комитета нового алфавита Облисполкома и ОблОНО (областной отдел народного образования) о том, что эта письменность, согласно постановлению Комитета Севера при ВЦИКе (Всероссийский центральный исполнительный комитет), разработана, издан букварь на языке саами и подготовлено 20 человек культработников.

3. Предложить Отделу Нацмен[4], Комитету нового алфавита и ОблОНО обеспечить дальнейшую подготовку кадров националов, издание необходимых учебников и дальнейшую разработку словаря. Институту Народов Севера оказать Комитету нового алфавита и ОблОНО необходимую в этом деле помощь» [Р-194, Оп. 1, д. 3, л. 86].

[4] Лицо, принадлежащее к какому-нибудь национальному меньшинству (составлено из сокращения слов национальный и меньшинство). https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/878914

Возникла необходимость широкого привлечения общественности, окружной и районной печати и радиовещания к этому процессу. Остро встал вопрос кадров. Нужны были специалисты в области педагогики, и надежды возлагались на выпускников Института народов Севера в Ленинграде и Мурманского педтехникума, где в то время обучалось 30 саамов – будущих педагогов, а также проводилась работа по переподготовке учителей саамских школ. Внедрение письменности должно было привести к созданию литературного языка для кольских саамов, что являлось главной задачей Комитета нового алфавита. Планировалось организовать курсы по переподготовке учителей и ликвидаторов неграмотности на саамском языке, необходимую полиграфическую базу: издавать на саамском языке плакаты, листовки, брошюры, национальную страницу в газете; создать условия для научно-исследовательской работы по изучению различных диалектов саамского языка.

В Мурманске в сентябре 1933 года и в январе 1934 года были проведены курсы подготовки учителей для саамских школ округа. Цель – изучение учителями саамской грамоты, овладение первоначальными сведениями по саамской грамматике, ознакомление с языковой политикой советской власти в области национальных культур народов Севера. Всего было охвачено курсами 12 учителей. Состав кадров учителей по национальности был такой: русских – 10, карелов – 1, украинцев – 1 чел. [Материалы по развитию языков … , 1934, с. 31]. Как видим, первые кадры были из представителей не саамской национальности. Продолжительность курсов первой очереди – 10 дней (40 часов), второй – 18 дней (65 часов) [Там же, с. 32].

Несмотря на краткосрочность курсов (10–18 дней), первый опыт по подготовке учителей для саамских школ, работающих на родном языке, дал реальные результаты. «Курсанты первого набора обеспечили на местах овладение школьниками саамской грамоты в школах: Кильдинской и Пулозерской – Кольско-лопарского района и Семиостровской – Ловозерского района. Результаты работы первых двух школ были проверены специальным обследованием, которое отметило, что учащиеся хорошо читают по-саамски. Курсами второй очереди обеспечен переход школ на саамский букварь в следующих пунктах: в Нотозере и Бабинском – Кольско-Лопарского района, в Лумбовке и Сосновке – Понойского района и в Ловозерской ШКМ – Ловозерского района» [Там же, с. 32]. Занятия на краткосрочных курсах переподготовки для учителей вели З.Е. Черняков и А.Г. Эндюковский. «С 1933 по 1936 год такие курсы открывались дважды в Мурманске и один раз в Ленинграде» [Керт, 2007, с. 11].

На тот момент (к 1934 году) школ с чисто саамским контингентом учащихся было пять: Воронежская – 30 чел; Семиостровская – 22 чел. из 24;

Йоканьгская – 27 чел. из 30; Лумбовская – 23 чел.; Кильдинская – 18 чел. В Нотозерской обучалось 38 детей (50 % учащихся). С начала 1933/1934 учебного года обучение в школах проводилось русскими учителями, получившими специальную подготовку в Мурманске. Это позволило ввести обучение грамоте на родном языке в семи школах [Материалы по развитию языков … , 1934, с. 38–39].

Для саамов, обучающихся в национальных школах, разработали три варианта учебных программ: оленеводческо-кочевую, оседло-рыболовную и охотничью. Начались занятия шестимесячных курсов преподавателей саамского языка. Для внедрения саамской письменности в тундру выехали восемь студентов педтехникума. Вышли первые книги на саамском языке: «Что дала Октябрьская революция трудящимся саамам» и «Что такое индустриализация страны» Л.М. Валерштайна в переводе на саамский язык З. Чернякова.

Однако вопрос подготовленных кадров оставался очень острым, ему уделялось большое внимание на всех уровнях власти, руководящих внедрением письменности. В Мурманском архиве сохранился ответ Комитета нового алфавита округа Комитету Севера при Президиуме ВЦИК в лице тов. А.Е. Скачко: «Комитет нового алфавита на телеграмму от 16.03.34 года сообщает, что охват саамского населения ликбезработой[5] тормозится вследствие недостатка кадров ликвидаторов неграмотности и неудовлетворительного руководства со стороны ОкрОНО. <…> Как исключительная мера, по согласованию с ОблОНО были командированы в районы студенты старшего подготовительного отделения педтехникума. Из 7 человек, командированных на места, возвратились обратно 5 человек. 2 человека находятся сейчас в Понойском районе вместе с членом КНА т. Осиповым И.А. <…> Возвратившимися студентами были охвачены 66 человек саамов ликбезработой. Не охвачены 16 человек. Результаты ликбезработы признаны удовлетворительными. Пройдена и усвоена букварная часть, а в некоторых случаях и послебукварная часть саамского букваря» [Р-194, Оп. 1, д. 3, л. 115]. Об этом же говорили и отчеты о проведенных в Мурманске в сентябре 1933 года и в январе 1934 года курсах подготовки учителей для саамских школ округа по учебному плану на 40 часов [Материалы по развитию языков … , 1934, с. 31], отчет З.Е. Чернякова о проверке букваря [Там же, с. 18].

Трудности введения преподавания на родном саамском языке были связаны также с полукочевым образом жизни саамов из-за их основного занятия –

[5] Ликбезработа – работа по массовому обучению неграмотных взрослых чтению и письму в Советской России и СССР.

оленеводства и рыболовства и вследствие этого – «неполного учебного года, доходящего иногда до 4 месяцев вместо 9 обычных в школах. Это приводило к большому отставанию в успеваемости саамских детей и пребыванию в одной и той же группе по несколько лет» [Материалы по развитию языков …, 1934, с. 6]. Мешала огромная разбросанность поселений – более 40 отдельных пунктов на громадной территории и отсутствие подготовленных учителей-националов. Для решения этой проблемы, особенно у саамов, живущих на побережьях, велась «работа по проектированию, а затем и постройке бота для обслуживания саамского населения северного и восточного берега Кольского полуострова и прилегающих к нему мест с саамским населением» [Там же, с. 6]. Целью постройки «КРАСНОГО БОТА» было обслуживание саамов, живущих на побережье (985 чел. – 54,8 % от всего населения округа), сообщение между погостами которых было затруднено (Мотовский, Иоканьгский, Лумбовский, Сосновский, к этому еще Кильдинский погост, туломские саами, Воронежский и Семиостровский погосты). С помощью красного бота планировалось проведение культмассовой работы на местах (кинопередвижка, радиоприемник, библиотека, небольшой краеведческий музей) [Там же, с. 33].

В целях создания единого литературного языка была организована научно-исследовательская работа по изучению различных диалектов саамского языка [Там же, с. 21–22], которая проводилась под руководством НИА ИНСа в лице З.Е. Чернякова и А.Г. Эндюковского, научные командировки на места, в результате которых удалось перевести на саамский язык (кильдинский диалект) книгу для чтения для 1 года обучения, составить грамматический очерк пулозерского, воронежского, нотозерского, каменского и кильдинского говоров, словарь социально-технической терминологии, перевести на саамский язык учебники по арифметике и чтению [Там же, с. 11–12]. Назрела необходимость перевести исследовательскую работу из экспедиционной в постоянную на месте, при КНА Мурманского округа, для чего было намечено создание научно-практической базы НИА ИНСа.

Однако создание саамской письменности на латинице, по мнению контролирующих этот процесс, не оправдало себя, причем основные причины были как раз в концепции подхода к созданию литературного языка: латинизированный алфавит усваивался детьми с трудом и не способствовал их грамотности, а литературный саамский язык использовал черты всех диалектов, в результате чего «терялся системный характер языка» [Керт, 2007, с. 9–16]. Такое положение дел не устраивало специалистов и население. Качество учебы было низким, «учителя убеждались, что более успешно обучение саамов идет на русском языке, тем более что почти все дети умели разговаривать по-русски» [Киселев, 1987, с. 94]. С 1935 года в Советском Союзе начался процесс перевода языков на кириллицу.

В отчете Восточно-Сибирского обкома ВКП(б) о работе за 1936 год перед ЦК партии видно, как изменилась языковая политика: со всей остротой был поставлен вопрос о письменности северных народов, отмечалось, что «единый северный алфавит (EGA), выработанный Ленинградским институтом народов Севера на основе латинского алфавита для всех 26 народов Севера, и единый литературный язык (эвенкийский) – плод явно формалистического творчества» (*ЦПА НМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 21, д. 1146, л. 77*). Север буквально «наводнен» латинизированной литературой, особенно на эвенкийском языке, и эти «латинизированные книги некуда девать». Эвенки не могут пользоваться этими печатными изданиями из-за их «искусственного словотворчества» (*Там же, с. 77-78*). Говорящие на разных диалектах, но почти повсеместно владеющие русским языком эвенки разбросаны по огромной территории Советского Севера группами от 300 до 2000 человек, поэтому проще и целесообразнее для письменности этой народности взять за основу русский алфавит, чтобы облегчить трудящимся эвенкам овладение письменностью обоих языков – родного и русского (*ЦПА НМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 21, д. 1146, л. 73*)» [Исаев, 1978, с. 221]. В начале 1937 года саамская письменность тоже переводится на русский алфавит.

Был издан новый букварь, составленный А.Г. Эндюковским на кириллице, в его же переводе вышли учебники арифметики и книги для чтения, однако в том же 1937 году преподавание на саамском языке прекратилось из-за политических репрессий и сфабрикованного «саамского дела».

В 1938 году органами Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) Ловозерского района В.К. Алымов и А.Г. Эндюковский были признаны руководителями «Саамской националистической повстанческой диверсионно-вредительской организации», вымышленной контрреволюционной организации на Кольском полуострове, дело по которой было сфабриковано самими сотрудниками НКВД. В.К. Алымов обвинялся в попытке создания «Саамской республики». 27 февраля 1938 года В. К. Алымова арестовали, а 22 октября того же года расстреляли в Левашовской пустоши под Ленинградом. Реабилитирован он 4 мая 1957 года военным трибуналом Северного военного округа. А.Г. Эндюковский расстрелян в октябре 1938 года. Реабилитирован в 1954 году. Вместе с В. Алымовым по «саамскому делу» проходили и были расстреляны Никон Герасимов, Яков Осипов. Создание и внедрение саамской письменности прекратилось на долгие годы [Сорокажердьев, 2004; 2007].

Заключение

Таким образом, создание саамской письменности на первых двух этапах не было доведено до конца: в конце XIX века это были попытки обучения саамов на родном языке с целью христианизации коренного народа, первая

письменность создавалась на одном диалекте, а диалектная раздробленность саамского языка затрудняла ее распространение. На втором этапе цель создания литературного языка не была достигнута в силу многих причин, в числе которых отсутствие преподавательских кадров, букварь на латинице с использованием разных диалектов. Не было методики преподавания саамского языка, достаточной учебно-методической литературы. Процесс создания письменности носил, как отмечают исследователи, искусственный характер. И всё же главная причина – политические репрессии в результате надуманного обвинения, уничтожение специалистов по саамскому языку, первой саамской интеллигенции – учителей, ученых. Литературный язык саамов не успел сформироваться. Однако опыт создания, внедрения алфавита и обучения письменности сохранился богатый, он был принят во внимание на следующем этапе – в 80-е годы XX века, когда снова встала задача дать саамам письменность. К сожалению, и она не увенчалась успехом: сегодня саамский язык относится к группе исчезающих языков, прервался процесс межпоколенческой передачи, в школах преподавание родного языка проходит только в форме факультатива и устно, что не обеспечивает достаточных знаний у подрастающего поколения для умения создавать тексты на саамском языке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Государственный архив Мурманской области (далее – ГАМО), Р-194, Оп. 1, д. 3, л. 115.

ГАМО Р-194, Оп. 1, д. 3, л. 86.

Исаев М.И. О языках народов СССР. М.: Наука, 1978. С. 221. URL: https://www.litmir.me/br/?b=274426 (дата обращения 06.09.2024).

Керт Г.М. Проблемы возрождения, сохранения и развития языка и культуры кольских саамов // Наука и бизнес на Мурмане: Науч.-практ. журнал. Мурманск: Кн. изд-во, 2007. № 5. С. 9–16.

Киселев А.А., Киселева Т.А. Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск: Кн. изд-во, 1987. 208 с.

Козмин Н. По школам Лапландии (Дневник наблюдателя). СПб., 1912. 31 с.

Материалы по развитию языков и письменности народов Севера в Мурманском округе. Вып. 1. Мурманск: Издание Комитета Нового Алфавита, 1934. 44 с.

Сорокажердьев В.В. По страницам следственного дела № 46197 // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск, 2004. № 2. С. 47–64.

Сорокажердьев В.В. У истоков саамской письменности // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск, 2007. № 5. С. 22–24.

Victoria Bakula

THE HISTORY OF THE INTRODUCTION OF THE SAMI WRITING SYSTEM IN THE KOLA NORTH*

Introduction. The article is devoted to the study of the process of creating the Sami written language on the Kola Peninsula in the late 19th and 1930s. **The purpose** of the article is to determine the reason for the failure to introduce the Sami written language in the early stages of its development. **Materials and methods.** The works of famous historians, ethnographers, and specialists in Sami culture, as well as archival documents from the State Archives of the Murmansk Region, were used. The research is based on historical and descriptive methods. **Results, discussion.** The study revealed that despite several attempts to create a written language for the Russian Sami since the late 19th century, none of them has produced positive results. Today, it is necessary to analyze the accumulated experience in this area. **Conclusion.** The failures in creating a written language and developing a literary Sami language were due to objective factors.

Keywords: the Sami language; dialects; Sami writing; literary language.

REFERENCES

Gosudarstvennyj arhiv Murmanskoj oblasti. Fond R-194. Opis'1. Delo 3. List 115 [State Archives of the Murmansk Region. Fund R-194. Inventory 1. File 3. Sheet 115]. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Murmanskoj oblasti. Fond R-194. Opis'1. Delo 3. List 86 [State Archives of the Murmansk Region. Fund R-194. Inventory 1. File 3. Sheet 86]. (In Russian).

Isaev M.I. O jazykah narodov SSSR [About the Languages of the Peoples of the USSR]. Moscow, Nauka, 1978, p. 221. URL: https://www.litmir.me/br/?b=274426 (accessed 6 September, 2024). (In Russian).

Kert G. M. Problemy vozrozhdenija, sohranenija i razvitija jazyka i kul'tury kol'skih saamov [Problems of revival, preservation, and development of the Kola Sami language and culture]. *Nauka i biznes na Murmane*, 2007, no. 5, pp. 9-16. (In Russian).

Kiselev A.A., Kiseleva T.A. Sovetskie saamy: istorija, ekonomika, kul'tura [Soviet Saami: History, Economy, and Culture]. Murmansk, Murmanskje knizhnoe izdatel'stvo, 1987. (In Russian).

Kozmin N. Po shkolam Laplandii (Dnevnik nabljudatelja) [In Lapland Schools (Observer's Diary)]. Sint Petersburg, 1912, 31 p. (In Russian).

* The research was conducted within the independent research and development project No124041100057-3.

Materialy po razvitiju jazykov i pis'mennosti narodov Severa v Murmanskom okruge [Materials on the Development of Languages and Writing of the Northern peoples in the Murmansk region]. Murmansk, Izdanie Komiteta Novogo Alfavita, 1934, iss. 1, 44 p. (In Russian).

Sorokazherd'ev V.V. Alymov i Komitet Severa [Alymov and the Committee of the North]. *Nauka i biznes na Murmane*, 2004, no. 2, pp. 12-16. (In Russian).

Sorokazherd'ev V.V. Po stranicam sledstvennogo dela № 46197 [Pages from Investigation File No. 46197]. *Nauka i biznes na Murmane*, 2004, no 2, pp. 47-64. (In Russian).

Бакула Виктория Борисовна
доктор филологических наук,
профессор кафедры филологии,
межкультурной коммуникации
и журналистики
ФГАОУ ВО «Мурманский
арктический университет»,
г. Мурманск
e-mail: museum-vs@yandex.ru

Victoria Bakula
Doctor of Philological Sciences,
Professor of the Department of Philology,
Intercultural Communication and Journalism
of Federal State Educational Institution
of Higher Education
"Murmansk Arctic University",
Murmansk
e-mail: museum-vs@yandex.ru

УДК 811.511.13
DOI 10.51254/2312-0312-2025-3-71-19-29

ЯЗЫКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ВЕРХНЕКАМСКОМ НАРЕЧИИ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА*

© 2025 г. С.А. Сажина

Введение. В статье рассматривается проблема языковых изменений на материале верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка, формирование и развитие которого происходило в условиях изолированности от основного ареала распространения коми и коми-пермяцких диалектов, а также интенсивного воздействия русских говоров. **Цель работы** заключается в изучении ряда изменений, произошедших в данном идиоме в области фонетики и грамматики, обусловленных как влиянием извне, так и внутренними процессами развития языка. **Материалы и методы.** Материалом исследования послужил корпус языковых данных, собранных автором во время диалектологических экспедиций в Афанасьевский район Кировской области. В процессе написания работы применялись описательный и сравнительный методы. **Результаты исследования, обсуждение.** Значительная доля изменений в изучаемом идиоме обусловлена языковыми контактами с русскими говорами. В частности, фонетика исследуемого идиома отличается расширенным усвоением русских согласных звуков *ф, х, ц, р'*, что выделяет этот диалект среди других коми-пермяцких говоров; воздействием русского языка могла быть вызвана субституция аффрикат *дз, дж, тш* щелевыми согласными. Изменения на морфологическом уровне выражаются в структурных изменениях форм выражения некоторых морфологических категорий, заимствовании русских морфологических формантов. На синтаксическом уровне наблюдаются нарушения порядка слов и употребление заимствованных союзов. В верхнекамском наречии наблюдаются также явления, которые не могут быть объяснены исключительно межъязыковыми контактами. Например, выход из речевого обихода посессивных суффиксов множественного числа вызвал трансформации в словоизменении

* Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

усилительно-личных местоимений. Языковые изменения могут наблюдаться и на уровне идиолектов, не затрагивая идиом в целом. **Заключение.** Функционирование языка кировских пермяков в течение нескольких веков в особых исторических и социальных условиях оказало значительное влияние на его языковую специфику. Проведенное сравнение исследуемого идиома с соседними коми-пермяцкими и южными зырянскими диалектами показало, что изменения наблюдаются на всех уровнях языковой системы. Языковые данные, введенные в научный оборот в настоящей работе, могут стать дополнительным источником для изучения актуальной для современного языкознания проблемы системных изменений в языках.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык; диалектология; верхнекамское наречие; языковые изменения; фонетика; морфология; грамматика.

Введение

Верхнекамское наречие коми-пермяцкого языка – говор небольшой этнической группы коми народа, проживающей в верховьях Камы, в нескольких населенных пунктах Афанасьевского района Кировской области. Его формирование происходило в условиях языкового острова в результате отрыва от основного этнического массива и сильного воздействия окружающих русских говоров. Положение, в котором находится исследуемый идиом сегодня, можно охарактеризовать как ситуацию языкового сдвига, при котором происходит постепенное вытеснение языка и переход его функций доминирующему языку. Анализ возрастного состава носителей верхнекамского наречия свидетельствует о том, что передача родного языка в семье была окончательно прервана примерно во второй половине XX века (60–70-х годы). Сегодня носителями диалекта являются немногочисленные представители старшего и пожилого возраста, при этом они неоднородны с точки зрения языковой компетенции. По последней Всероссийской переписи 2020–2021 годов в Кировской области к коми-пермякам[1] отнесли себя 294 чел. (105 чел. – городское население, 189 – сельское). Из них используют язык в повседневной жизни 161 чел. (13 чел. в городской местности, 148 – в сельской)[2].

В условиях языкового сдвига в рассматриваемом идиоме произошли системные преобразования, являющиеся предметом рассмотрения в настоящей

[1] В итогах переписи в группу ответов «Коми-пермяцкий» включены коми-пермяки и коми-язьвинцы.

[2] Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_ yazykami (дата обращения: 15.06.2025).

статье. Теоретической основой послужили работы, в которых рассматриваются социолингвистические и лингвистические аспекты языкового сдвига в языках различной типологии [Вахтин 2001; Викторова, 2007, с. 59–85; Груздева, 2007, с. 188–212; Муслимов, 2007, с. 225–251; Перехвальская, 2007, с. 252–281 и др.].

Цель исследования – рассмотрение некоторых изменений в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка в области фонетики и грамматики, которые были вызваны как внешними, так и внутренними причинами.

Материалы и методы

Основной эмпирической базой исследования послужили полевые материалы, собранные автором во время диалектологических экспедиций в район проживания кировских пермяков в 2002, 2007, 2009, 2012 годах. По причине того, что исследуемый идиом является бесписьменным, изменения в нем прослежены путем сравнения с другими коми и коми-пермяцкими диалектами. При подготовке работы использованы описательный и сравнительный методы.

Результаты и обсуждение

1. Языковые изменения, как результат языковых контактов

Контакты между народами и, как следствие, взаимодействие контактирующих языков приводят к значительным изменениям в структуре языка. Начало заселения Вятского края русскими историки относят к XII–XIII векам. [Макаров, 2001, с. 30; ЭЗВ, 2004, с. 14]. Активная колонизация северо-восточных районов Кировской области, к которым относится территория проживания носителей верхнекамского наречия, началась в середине XVI столетия. Интенсивный приток русского населения из центральных Вятских уездов начался только в конце XIX – начале XX века [Долгушев, 2006, с. 25]. Таким образом, русско-коми языковые контакты в исследуемом регионе восходят к середине XVI века и продолжаются уже более четырех с половиной веков. Несомненно, данный фактор, наряду с другими причинами (отсутствие письменности, преподавания языка в школах и др.), обусловил специфику трансформаций на всех уровнях языка.

Результатом контактной ситуации, как правило, является заимствование языкового материала, языковых моделей из одного в другой [Груздева, 2007, с. 191]. Прежде всего такие изменения прослеживаются на уровне лексики (лексические заимствования, переключение и смешение кодов), и они более очевидны, однако модификации наблюдаются и на других уровнях языковой структуры.

1.1. В области фонетики язык кировских пермяков характеризуется более широким усвоением русских согласных *ф, х, ц, р'* по сравнению с другими коми / коми-пермяцкими диалектами. В исследуемом наречии практически

не происходит субституция фонем *ф, х, ц,* исконными *п, к*: *куфайэчка*[3]*, анфиса*, *сарафан, марфа, н'эохота, кӧзлуха* ‘коза’*, хӧт'* ‘хоть’*, колхоз* ‘колхоз’*, жӧн'их* ‘жених’*, хлопӧдӧ* ‘хлопает’, *ухват*, *троица, бол'н'ицаын* ‘в больнице’, *продавец, цыганйас* ‘цыгане’, *мэс'эц, цэлӧй*; замечены лишь редкие случаи употребления *ч* вместо *ц*: *богород'ича* ‘богородица’*, чэрква* ‘церковь’*, крыл'эч* ‘крыльцо’, *чид'итны* ‘цедить’, *жэрэбэч* ‘жеребец’, *мэс'эч* ‘месяц’, *гӧлбыч* ‘голбец’. В ряде случаев зафиксировано даже замещение исконного *к* русским *х*: *ырхыд* (< к., кп. *ыркыд*) ‘похладный, прохладно’, *юхва* (< к. кп. *юква*) ‘уха’, *пыхтыны* (< к., кп. *пыктыны*) ‘распухнуть’.

В отличие от других коми диалектов *р'* может встречаться не только в начале и середине слова, но и в абсолютном конце: *р'адышком* ‘рядышком’, *кор'ушка* ‘корь’, *кудр'авӧй* ‘кудрявый’, *тр'апйоыс* ‘тряпье-то’, *бэр'остоыс'* ‘из бересты’*, л'эхар'* ‘лекарь’, *звэр'* ‘зверь’.

1.2. В верхнекамском наречии в сравнении с другими коми / коми-пермяцкими диалектами снижена употребительность аффрикат *дз*, *дж, тш* в результате их перехода в ряде случаев в щелевые согласные *з', ж, ш*: *кӧз'ыд* (< к. *кӧдзыд*, кп. *кӧдзыт*) ‘холодный’, *лӧз'* (< к., кп. *лӧдз*) ‘овод’, *жэныд* (к. джэныд, кп. джэныт) ‘короткий’, *ужалны* (к., кп. *уджалны*) ‘работать’, *шӧктыны* (к., кп. *тшӧктыны*) ‘велеть’, *сэшӧм* (к., кп. *сэтшӧм*) ‘такой’ и др. На наш взгляд, переход указанных аффрикат в щелевые мог быть обусловлен влиянием русского языка, для фонологической системы которого чужды эти согласные. Отметим, что рукопись «Матеріалы для сравнительнаго словаря зюздинскаго пермяцкаго и глазовскаго вотскаго нарѣчій и бесерменскаго говора», время создания которой относится предположительно к началу 90-х годов XIX века, уже фиксирует данный процесс [Матеріалы].

1.3. Системные изменения на морфологическом уровне проявляются структурной перестройкой формы выражения уже существующих морфологических категорий и заимствованием русских морфологических показателей.

К таким явлениям, например, относится модель образования суперлатива прилагательных посредством частицы *самӧй*: *самӧй ыжыд* ‘самый большой’; *самӧй гырыс'* ‘самый крупный’. Исконные способы образования суперлатива посредством приставки *мэд-* и частицы *мэдс'а*, широко бытующие в коми-зырянских и некоторых коми-пермяцких диалектах, верхнекамским наречием утрачены.

В парадигме склонения личного местоимения 3 лица единственного числа вызывают интерес специфические формы, развившиеся под влиянием русского

[3] Языковые примеры в статье приведены в фонематической транскрипции на кириллической основе, принятой в коми диалектологии.

языка. Так, аккузатив в языке кировских пермяков представлен формой *эвӧ / йэвӧ*, заимствованной в форме аккузатива < *его*. Примеры: ***эвӧ*** *ужэ армийаӧ бос'тисӧ* ‘его уже в армию забрали’; *н'этшкамӧй ми* ***эвӧ*** ‘рвем мы его (про лен)’; *до войны* ***эвӧ*** *жугӧдисӧ* ‘до войны её (часовню) разрушили’. Замечены случаи экспансии данной основы на инструменталь: ***эвӧн*** *качал'ис'* ‘на них качались’; *бӥош* ***эвӧн****, палканас* ‘бьешь их, палкой’. Аналогичная форма характерна и для верхнесысольского диалекта коми-зырянского языка, в котором *йэвӧ / йӧвӧ* закрепилось в качестве местоименной основы 3 лица единственного числа и имеет полнопарадигматическое падежное словоизменение [Жилина, 1975, с. 102–103].

Для одного из говоров наречия характерна специфическая форма датива местоимения 3 лица единственного числа *сыму* ‘ему’, представляющая собой контаминацию исконного корня *сы-* и русской дативной формы местоимения 3 лица единственного числа *ему*: *мыччылӧ* ***сыму*** ‘показывает ему’; *мэ* ***сыму*** *подайу, сийа збивайэт* ‘я ему подаю, он отбивает’; *шӧйс'ат чэтырэ* ***сыму*** *вӧлин* ‘шестьдесят четыре ему было’; *мэ* ***сыму*** *нӧбали* ‘я ему отнес’.

Неопределенные местоимения в наречии чаще всего образуются посредством частицы *-тӧ*, заимствованной из русского языка: *кин-тӧ* ‘кто-то’, *мыл'а-тӧ* ‘почему-то’, *кышӧм-тӧ* ‘какой-то’. В других коми диалектах (пермяцких и зырянских) функционирует неопределенная частица *кӧ*.

1.4. На уровне синтаксиса воздействие русского языка проявляется в нарушении исконного порядка слов, использовании заимствованных союзов, вводных слов.

В большинстве коми диалектов устойчивым является исконный порядок слов в атрибутивных сочетаниях: определение, выраженное прилагательным + определяемое слово, при этом прилагательное является неизменяемым. В языке кировских пермяков прилагательное в функции атрибута может находиться в постпозиции по отношению к определяемому слову и согласовываться с ним в числе, падеже, определенно-притяжательной форме: *прин'имал'и* ***картошкайассӧ косйассӧ*** ‘принимали сухой картофель’; *пос'т'эл'айасыс соломэнн'ӧййасыс* ‘соломенные постели’; ***кол'л'экт'ивйасыс пэрмйацкӧййасыс*** *пэс'н'айасс'ӧ с'ылисӧ тожно* ‘пермяцкие коллективы песни пели’. Наблюдаются также случаи согласования препозитивного определения с определяемым словом во множественном числе: *пэстрэд'иннӧй****ӧс'*** *дубасйас* ‘холщовые сарафаны из пестряди’; *кӧз'ыд****ӧс'*** *оййас* ‘холодные ночи’.

Для исследуемого идиома характерно широкое использование заимствованных союзов *штӧ* ‘что’, *штӧбы* ‘чтобы’: *тӧда,* ***штӧ*** *сийа старинӧй праз'н'ик* ‘знаю, что это старинный праздник’; *мас'тан,* ***штӧбы*** *кожураыс вэс' ус'ис* ‘мнешь, чтобы кожура вся отошла’; *шуӧнӧ,* ***штӧ*** *колӧ чапкыны* ‘говорят, что нужно выбросить’.

2. Внутриструктурные изменения

Ряд языковых изменений не могут быть объяснены исключительно контактами с русским языком; они являются результатом внутриструктурных изменений.

2.1. В результате взаимодействия языков возможно устранение грамматических отношений, существующих в одном языке по причине их отсутствия в другом. Так, для верхнекамского наречия характерна утрата ЛПС и их замена конструкцией с генитивом личных местоимений. Аналогичное явление свойственно также для южных коми-зырянских идиомов: верхнесысольского диалекта и лузского говора [Жилина, 1975, с. 61–62; 1985, с. 39]. Однако верхнекамские говоры процесс разрушения категории лично-притяжательных суффиксов затронул наиболее глубоко: исконный инвентарь посессивных суффиков в нем не сохранился: из шести форм функционируют лишь две – 2 и 3 лица единственного числа: Px2Sg (*-ыд*), Px3Sg (*-ыс*). Суффикс 1 лица единственного числа и суффиксы коллективного обладания вышли из употребления. Следует констатировать факт постепенного исчезновения исконного морфологического способа выражения посессивности в исследуемом идиоме. Сохранившиеся суффиксы чаще всего выступают в функции маркера определенности, а основным средством выражения посессивности являются притяжательные местоимения, в роли которых выступают генитивные и аблативные формы личных местоимений. Возможно, определенную роль в этом сыграл русский язык, в котором притяжательность также выражается с помощью специальных местоимений.

Вымывание из речи лично-притяжательных суффиксов множественного числа привело к определенной перестройке в системе местоимений исследуемого идиома. Как известно, в коми языке широко развита система личных местоимений (собственно-личные, усилительно-личные, обобщенно-определительные (кроме кз. *став, ставӧн, ставыс, быдӧн*; кп. *быдӧн, быдӧс*), счетно-личные и взаимно-личные местоимения). Отсутствие в идиоме форм коллективного обладания привело к тому, что обобщенно-определительные (*вэс’, вэс’ӧн, быкӧб / бикӧб*) и взаимно-личные (*мӧда-мӧд / мӧна-мӧд*) местоимения не образуют личных форм и относятся к группе неличных местоимений. А счетно-личные местоимения в рассматриваемых говорах практически утрачены, зафиксирован лишь единичный пример употребления местоимения *ӧтнас* ‘он один’. Местоимения данного разряда заменяются наречием *ӧткӧн* ‘в одиночку’.

2.2. Отсутствие в идиоме лично-притяжательных форм коллективного обладания, посредством которых в коми, коми-пермяцком языках и диалектах образуются формы множественного числа усилительно-личных местоимений (к., кп. *ас’-ным* ‘мы сами’, к. *ас’-ныд* / кп. *ас’-ныт* ‘вы сами’, *ас’-ныс*

‘они сами’), повлекло за собой перестройку системы их словоизменения в верхнекамском наречии, в частности привело к выравниванию форм единственного и множественного числа, образованию плюральных форм посредством субстантивного суффикса множественности. Исконные формы множественного числа в исследуемом идиоме сохранились лишь в номинативе: *ачыным / ас’ным* ‘мы сами’, *ачыныд / ас’ныд* ‘вы сами’, *ачыныс / ас’ныс* ‘они сами’. Хотя и здесь замечены случаи образования плюральных форм посредством показателя множественности существительных *-йас*: *ачымйас* ‘мы сами’, *ачыдйас* ‘вы сами’, *ачысйас* ‘они сами’. Такие верхнекамские инновации обнаруживают сходство с усилительно-личными местоимениями северноудмуртских диалектов (*ачимэс ~ ачымэс* ‘мы сами’, *ачидэс ~ ачыдэс* ‘вы сами’, *ачизэс ~ ачызэс* ‘они сами’), образованных присоединением к формам местоимений показателя множественного числа *-ос*. [Карпова, 2015, с. 82–83].

В косвенных падежных формах в функции форм множественного числа выступают сингулярные формы, либо множественность выражается суффиксом множественного числа существительных: *аслыд* ‘тебе самому, вам самим’ (ср. к. *аслыд* / кп. *аслыт* ‘тебе самому’; к. *аслыныд* / кп. *аслыныт* ‘вам самим’), *ачым ас’ӧс* ‘(я) себя’ – *ачым ас’**йас**ӧс* ‘(мы) себя’ (ср. к., кп. *ачымӧс* ‘(я) себя’ – *ас’нымӧс* ‘(мы) себя’) и др.

В исследуемом идиоме развились также специфические формы некоторых объектных и местных падежей, представляющие собой составные конструкции. Они состоят из двух форм усилительно-личных местоимений и могут быть образованы двумя способами: 1) форма номинатива единственного числа + форма в косвенном падеже (в соответствии с занимаемой синтаксической позицией) либо 2) форма генитива единственного числа + форма в косвенном падеже (в соответствии с занимаемой синтаксической позицией). Данные конструкции в верхнекамском наречии являются регулярными, в отличие от таковых в других коми диалектах, представляют собой синтаксическое целое и единую интонационную группу с ударением на второй форме: *мэ **ачым ӓс’ӧс** з’эркалӧын адздза вон* ‘Я вижу себя в зеркале’; 2) *мый тэ мэнӧ вэл’ичитан? **аслад ӓс’тӧ** вэл’ичай!* ‘Что ты меня величаешь? Себя величай’; *мэ полз’и **аслам ӓс’ыс’*** ‘Я испугался самого себя’ и др.

2.3. Следует отметить, что языковые изменения наблюдаются и на уровне идиолектов, не затрагивая идиом в целом, но могут являться своего рода индикатором будущих языковых изменений. К таким примерам индивидуальных изменений можно отнести функционирование в речи двух носителей разных говоров с высокой степенью владения языком специфического варианта комитатива *-кӧг* вместо *-кӧд* (к. *-кӧд*, кп. *-кӧт*): *коми**кӧг*** ‘с коми’; *жӧн’их**кӧг*** ‘с женихом’; *мужик**кӧг** мэжду* ‘с мужем’; *папа**кӧг***

‘с папой’. Данный идиолектный вариант мог развиться под влиянием каритива на *-тӧг*, полярного по своему грамматическому значению комитативу.

В одном из идиолектов нами зафиксированы примеры, в которых наблюдается ассимиляция на стыке основы на твердый согласный и суффикса множественного числа существительных *-йас*: *с’ин**н**асыд* < *с’ин**й**асыд* ‘твои глаза’; *зон**нас**сӧ* < *зон**й**ассӧ* ‘сыновей’; *дӧрӧм**мас*** < *дӧрӧ**мй**ас* ‘рубахи’. В целом для идиома характерен процесс уподобления инициального *й* форманта *-йас* предшествующему мягкому согласному: *кӧлӧкӧл’э**чч**ас* < *кӧлӧкӧл’э**чй**ас* ‘колокольчики’; *лӧ**з’з’**ас* < *лӧ**з’й**ас* ‘оводы’; *па**с’с’**ас* < *па**с’й**ас* ‘шубы’. Немногочисленные примеры ассимиляции инициального *й* предшествующим твердым согласным могут демонстрировать следующую ступень трансформации суффикса множественного числа. Сравните, в большинстве коми-пермяцких говоров начальный *й* суффикса множесственного числа ассимилируется любым конечным согласным основы: *поннэз, шыррэз, кан’н’эз*. В.И. Лыткин отмечал, что явление уподобления *й* предшествующим твердым согласным, наблюдаемое в коми-пермяцких формах множественного числа, нельзя считать обычным для пермских языков. В связи с этим ученый высказал предположение о появлении форм с ассимиляцией йота после твердых согласных под влиянием примеров, в которых *й* уподобляется конечному мягкому основы [Лыткин, 1961, с. 43]. Возможно, верхнекамские примеры подтверждают гипотезу ученого.

Заключение

Функционирование языка кировских пермяков в течение нескольких веков в условиях языкового острова и сильного иноязычного воздействия оказало большое влияние на его языковую специфику. Сравнение исследуемого идиома с коми-пермяцкими и коми-зырянскими диалектами показало, что изменения наблюдаются на всех уровнях языковой системы и связаны с действием различных факторов (контактное влияние, внутриструктурная перестройка, языковая компетенция говорящего).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

к. – коми язык, кп. – коми-пермяцкий язык

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.

Викторова К.В. Языковой сдвиг как социолингвистическое явление // Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб.: Нестор, 2007. С. 59–85.

Груздева Е.Ю. Комплексное представление языковых изменений в условиях языкового сдвига (на материале нивхского языка) // Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб.: Нестор, 2007. С. 188–212.

Долгушев В.Г. Лексика вятских говоров в ареальном и ономасиологическом аспектах: дис. … д-ра. филол. наук. М., 2006. 645 с.

Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975. 268 с.

Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985. 272 с.

Карпова Л.Л. Специфика словоизменения усилительно-личных местоимений в удмуртском языке (на материале северных диалектов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. №1 (43): в 2-х ч. Ч. I. С. 81–84.

Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М.: Академия наук СССР, 1961. 228 с.

Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск: Удмуртский университет, 2001. 141 с.

Матеріалы – Матеріалы для сравнительнаго словаря зюздинскаго пермяцкаго и глазовскаго вотскаго нарѣчій и бесерменскаго говора. Государственный архив Кировской области. ф. 170, оп. 1, ед. хр. 140, 32 л.

Муслимов М.З. Языковой сдвиг и изменения в прибалтийско-финских языках и диалектах Западной Ингерманландии // Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб.: Нестор, 2007. С. 225–251.

Перехвальская Е.В. Диалектные различия как результат языкового сдвига (бикинский диалект удэгейского языка) // Языковые изменения в условиях языкового сдвига / Институт лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Нестор, 2007. С. 252–281.

ЭЗВ – Энциклопедия Земли Вятской: в 10 т. Киров: Вятка, 2004. Т. 4: История. 523 с.

Svetlana Sazhina

LANGUAGE CHANGES IN THE UPPER KAMA DIALECT OF THE KOMI-PERMIAN LANGUAGE*

Introduction. The paper considers the problem of systemic linguistic changes based on the Upper Kama dialect of the Komi-Permian language, the formation and development of which took place in isolation from the main distribution area of Komi dialects and the strong influence of surrounding Russian dialects. **The purpose** of the article is to study a number of changes that have occurred in the Upper Kama dialect of the Komi-Permyak language in the sphere of phonetics and grammar, caused by both external influences and internal processes of language development. **Materials and methods.** The material was a corpus of linguistic data collected by the author during dialectological expeditions to the area of residence of the Kirov Permians. This research combines descriptive and comparative

* The publication was prepared within the framework of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, state registration No. of the project 121042600252-7 “The Permian languages in the linguistic and cultural space of the European North and the Urals”.

methods. **Research results, discussion.** A large number of changes in the studied idiom are the result of linguistic contacts with Russian dialects. Thus, in the field of phonetics, the language of Kirov Permians is characterized by a wider assimilation of the Russian consonants *ф, х, ц, р'* compared to other Komi / Komi-Permian dialects; the influence of the Russian language may have caused the transition of the affricates *дз, дж, ти* into fricative consonants. Changes at the morphological level are manifested by the structural reorganization of the form of expression of existing morphological categories and the borrowing of Russian morphological indicators. At the syntactic level, the impact of the Russian language is manifested in the violation of the original word order, the use of borrowed conjunctions, introductory words. Moreover, there are also changes in the Upper-Kama dialect that cannot be explained solely by contacts with the Russian language. For example, the destruction of the grammatical category of personal-possessive suffixes led to a certain reorganization in the system of pronouns of the studied idiom, and also caused significant changes in the declination system of intensifying personal pronouns. Linguistic changes are also observed at the level of idiolects, without affecting idioms as a whole. **Conclusion.** The functioning of the language of the Kirov Permians for several centuries in special historical and social conditions had a significant impact on its linguistic specifics. Comparison of the idiom under study with neighboring Komi-Permian and southern Zyryan dialects showed that changes are observed at all levels of the language system. The linguistic data introduced into scientific circulation in this work can become an additional source for studying the problem of systemic changes in languages, which is relevant for modern linguistics.

Keywords: Komi Permian language; dialectology; Verkhnekamsk dialect; language changes; phonetics; morphology; grammar.

REFERENCES

Vahtin N.B. Jazyki narodov Severa v XX veke. Ocherki jazykovogo sdviga [Languages of the peoples of the North in the twentieth century. Essays on language shift]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin, 2001, 338 p. (In Russian).

Viktorova K.V. Jazykovoj sdvig kak sociolingvisticheskoe javlenie [Language shift as a sociolinguistic phenomenon]. Jazykovye izmenenija v uslovijah jazykovogo sdviga. Saint Petersburg, Nestor, 2007, pp. 59-85. (In Russian).

Gruzdeva E.Ju. Kompleksnoe predstavlenie Jazykovyh izmenenij v uslovijah jazykovogo sdviga (na materiale nivhskogo jazyka) [A comprehensive presentation of language changes in the context of language shift (based on the Nivkh language))]. Jazykovye izmenenija v uslovijah jazykovogo sdviga. Saint Petersburg, Nestor, 2007, pp. 188-212. (In Russian).

Dolgushev V.G. Leksika vjatskih govorov v areal'nom i onomasiologicheskom aspektah [Vocabulary of Vyatka dialects in areal and onomasiological aspects]. Doctor's degree dissertation. Moscow, 2006, 645 p. (In Russian).

Zhilina T.I. Verhnesysol'skij dialekt komi jazyka [The Upper Sysola dialect of the Komi language]. Moscow, Nauka, 1975, 268 p. (In Russian).

Zhilina T.I. Luzsko-letskij dialekt komi jazyka [Luza-Letka dialect of the Komi language]. Moscow, Nauka, 1985, 272 p. (In Russian).

Karpova L.L. Specifika slovoizmenenija usilitel'no-lichnyh mestoimenij v udmurtskom jazyke (na materiale severnyh dialektov) [Specifics of inflexion of the intensifying personal pronouns in the Udmurt language (based on the material of the northern dialects)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 2015, no.1 (43), vol. 1, pp. 81-84. (In Russian).

Lytkin V.I. Komi-jaz'vinskij dialect [The Komi-Yazva Dialect]. Moscow, Akademija nauk SSSR, 1961, 228 p. (In Russian).

Makarov L.D. Drevnerusskoe naselenie Prikam'ja v X–XV vv. [Old Russian population of the Kama region in the 10th-15th centuries]. Izhevsk, Udmurtskij universitet, 2001, 141 p. (In Russian).

Materialy – Materialy dlja sravnitel'nago slovarja zjuzdinskago permjackago i glazovskago votskago narѣchij i besermenskago govora [Materials for a comparative dictionary of the Zyuzdin Permyak and Glazov Votsky dialects and the Besermyan dialect]. *Gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti. Fond 170. Opis' 1. Edinica hranenija* [State Archives of the Kirov Region. Fund 170. Department I. Storage unit 140]. 32 p. (In Komi, in Udmurt, in Russian).

Muslimov M.Z. Jazykovoj sdvig i izmenenija v pribaltijsko-finskih jazykah i dialektah Zapadnoj Ingermanlandii [Language shift and changes in the Baltic-Finnic languages and dialects of Western Ingria]. Jazykovye izmeneniJa v usloviiah jazykovogo sdviga. Saint Petersburg, Nestor, 2007, pp. 225-251. (In Russian).

Perehval'skaja E.V. Dialektnye razlichija kak rezul'tat jazykovogo sdviga (bikinskij dialekt udegeiskogo jazyka) [Dialectal differences as a result of language shift (Bikin dialect of the Udege language)]. Jazykovye izmeneniia v usloviiah jazykovogo sdviga. Saint Petersburg, Nestor, 2007, pp. 252-281. (In Russian).

Enciklopedija Zemli Vjatskoj: v 10 t. Tom 4. Istorija [Encyclopedia of the Vyatka Land: in 10 vol. Vol. 4. History]. Kirov, Vjatka, 2004, 523 p. (In Russian).

Сажина Светлана Александровна
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН,
г. Сыктывкар
e-mail: sazinas@rambler.ru

Svetlana Sazhina
Candidate of Philological Sciences,
Leading researcher of the Institute of Language, Literature and History
of the Komi Research Centre the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar
e-mail: sazinas@rambler.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 821.511.151.0
DOI 10.51254/2312-0312-2025-3-71-30-41

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗОВ ФЕЛИКСА МАЙОРОВА

© 2025 г. В.В. Бердникова, Г.Н. Бояринова

Введение. В статье рассматриваются рассказы марийского писателя Феликса Майорова, вошедшие в сборник «Ший сӱан» («Серебряная свадьба»), изданного Марийским книжным издательством в 2016 году. **Цель исследования** – раскрыть художественное своеобразие малой прозы Ф. Майорова. **Материалы и методы.** Материалами послужили произведения прозаика, вошедшие в сборник «Ший сӱан» («Серебряная свадьба»). Основной метод исследования – структурно-семантический. **Результаты исследования, обсуждение.** Прозаик Ф. Майоров внес весомый вклад в марийскую художественную словесность. Он автор повестей, биографического романа «М. Шкетан» в двух книгах, множества рассказов, очерков, статей. К сожалению, исследований о его творчестве, по сути, нет. Писатель-реалист опирался на творчество марийских и русских классиков, он племянник писателя-классика марийской литературы, одного из ее основоположников М. Шкетана. **Заключение.** Рассказы Ф. Майорова в основном затрагивают деревенскую тематику, он пишет о том, что хорошо знает, для его творчества характерна жизненная достоверность. В изображении характеров и обстоятельств он прибегает к романтической приподнятости, его проза не лишена лиричности. Проза Феликса Майорова изображает жизнь марийского народа второй половины XX века, он много пишет о тружениках колхоза, воспевает красоту труда, его главный герой не идеализирован, он не лишен недостатков. Внимание свое прозаик фокусирует на человеческих характерах. Его лучшие рассказы обогатили национальную прозу новыми темами и образами, открыли новые человеческие глубины. Творчество писателя и сегодня сохраняет непреходящую нравственно-эстетическую ценность.

Ключевые слова: рассказ; тема; характер; композиция; язык; герой.

Введение

Творчество Феликса Майорова представляет собой уникальное явление национального искусства слова. Оно существенно раздвинуло эстетические горизонты марийской прозы, подняло ее на качественно новый уровень. Социальная острота и психологическая достоверность, эпическая масштабность и лирическая проникновенность сделали книги писателя важнейшей частью духовного наследия народа мари.

Художественный мир Феликса Майорова – это всегда напряженный диалог национального и общечеловеческого, социального и экзистенциального, конкретно-исторического и вечного. Писатель одним из первых в марийской прозе сумел поднять частную тему до уровня большого философского обобщения, наполнить острым публицистическим звучанием. Это и определяет непреходящее значение его творчества, сохраняет читательский интерес к нему в наши дни.

Не будет преувеличением сказать, что Феликс Майоров открыл новую страницу в истории национальной литературы. Его повести и рассказы не только отразили сложные, переломные этапы народной жизни, но и предложили их глубокий художественный анализ. Мастерство психологического портрета, драматизм сюжетных коллизий, насыщенность и многозначность подтекста – все эти черты прозы Майорова оказали мощное влияние на дальнейшее развитие марийской словесности.

Обращение к книгам этого самобытного художника побуждает еще раз задуматься о сложности и красоте человеческой души, о вечном противостоянии добра и зла, о высоком назначении литературы. Каждое произведение Ф. Майорова – это не только яркая картина национального бытия, но и приглашение к размышлению, к постижению глубинных законов жизни. И в этом – непреходящая ценность художественного опыта писателя, его подлинное величие и бессмертие.

Феликс Майоров – мастер короткого рассказа. Он в малой форме умеет раскрывать глубокие темы, показать сложность человеческих отношений, глубину народного характера. Можно смело утверждать о том, что его проза философична, в ней органично соединяются бытовые зарисовки с размышлениями о вечных вопросах бытия.

Цель исследования – выявление ключевых тем, сюжетно-композиционных и языковых особенностей, а также характеристика персонажей, определение авторской концепции.

Материалы и методы

В работе использованы имеющиеся опубликованные исследования по жизни и творчеству писателя [Артамонов, 1992; Ахметова, 2017; Виноградов, 1992; Дюкова, 1990; Зайниев, 2006, 2011; Иванов, 1985; Иванова, 1994;

Калашникова, 2019; Кудрявцева, 2008, 2011; Любимов, 1990; Романов, 1989; Эман, 1987; Юксерн, 1981]. Примененный структурно-семантический метод позволил классифицировать рассказы по тематике, выявить характерные стилистические черты малой прозы Ф. Майорова.

Результаты исследования, обсуждение

Сборник «Ший сӱан» («Серебряная свадьба», 2016) демонстрирует зрелость писательского мастерства Ф. Майорова, его умение создавать яркие характеры, строить динамичный сюжет, точно передавать атмосферу времени. Каждый рассказ – это законченная художественная картина, раскрывающая определенную грань народной жизни.

Особенно важно отметить гуманистическую направленность прозы Ф. Майорова. В центре внимания художника слова всегда находится человек с его радостями и горестями, надеждами и разочарованиями. Писатель утверждает высокие нравственные ценности: любовь к родной земле, уважение к труду, верность долгу, способность к состраданию.

Важное место в прозе Ф. Майорова занимает тема преемственности поколений. В рассказе «Чеверын, авай!» («До свидания, мама!») автор показывает, как меняются человеческие отношения, как непросто складывается диалог между разными поколениями. Молодое поколение может иметь свой взгляд на мир, который отличается от ожидания старших. Это создает динамику между желанием сохранить наследие и стремлением к новизне. Возьмем для примера рассуждение о материальных ценностях: «Йогор не подает и звука. – Не слышишь, что ли, что я говорю? Деньги, говорю, совсем не экономишь. «Деньги, – подумал сын – ты, видимо, и во сне деньги считаешь. Как раз деньги-то мою жизнь и разрушили» (Здесь и далее перевод наш. – *В.Б, Г.Б.)* [Майоров, 2016, с. 93]. Данный рассказ актуален и для нашего времени. По автору, деньги – это не главное в жизни. Человек должен жить не для богатства, он должен радоваться малому, любить, жить полноценной жизнью. И Егор уходит из дома, он готовится строить новые семейные отношения с любимой женщиной.

В рассказе «Марина» писатель раскрывает тему профессионального становления молодежи, показывает формирование характера молодой трактористки: «Вот на большом поле, находящемся рядом с оврагом, работают пять «Белорусов». На одном из них весенним ветром развевается красный флажок. Хозяйка этого трактора – Марина, миловидная, с изящной, как молодая береза, фигурой» [Там же, с. 16]. Марина возглавляет бригаду девушек-трактористок, они соревнуются с бригадой парней, возглавляемой Каври. Образ Марины писатель раскрывает через призму взаимоотношений как Каври, так и молодого летчика Сергея. Девушка влюблена в Сергея, парень отвечает ей взаимностью. Тему труда и личных взаимоотношений, сердечных чувств писатель рассматривает параллельно.

Особого внимания заслуживает мастерство Ф. Майорова в создании женских образов. Его героини – сильные, волевые натуры, способные преодолевать жизненные трудности. Такова героиня рассказа «Ший сӱан» («Серебряная свадьба»), которая, несмотря на все испытания, сохраняет человеческое достоинство и веру в справедливость: «Восемь лет Орина жила вдалеке. В то время ее жизненный путь менялся по-разному. После отъезда из деревни она ездила на стройпоезде по разным городам, восстанавливая их после военной разрухи. В первые дни она скучала по деревне, потом благодаря дружному рабочему коллективу она быстро привыкла, и время начало течь быстрее» [Майоров, 2016, с. 75].

В рассказе «Мургаб» писатель поднимает тему ответственности человека за свои поступки. История буйного быка становится метафорой неуправляемой силы, которая может быть опасной: «Раньше его видели в толпе шабашников, строящих гараж. Был чуть-чуть пьян, – утром механизаторы сказали его жене» [Там же, с. 12]. Тема пьянства часто звучит в рассказах писателя. В данном произведении она становится одной из центральных. Эта история встречи Романа с быком имеет последствия: колхозник-снабженец Митьой тоже перестает пить.

Феликс Майоров умело использует прием психологического параллелизма, когда состояние природы созвучно душевному состоянию героев. Особенно ярко это проявляется в рассказе «Каныме пӧртыштӧ» («В доме отдыха»). Автор передает перипетии любовного чувства между двумя отдыхающими людьми: Аней и Владимиром – в санатории «Пӱнчер» («Сосновый бор»): «Вдруг налетел сильный ветер. Он прогнал нависший над озером туман. Лес начал шуметь, ветер подул еще сильнее…» [Там же, с. 60]. Данное описание готовит читателя к дальнейшим сюжетным интригам.

В рассказах сборника большое место занимают описания природы, они всегда связаны с развитием сюжета и раскрытием характеров героев. Писатель тонко чувствует красоту родного края и умеет передать ее в художественном слове.

В них немалую роль играют пейзажные зарисовки, которые не только создают фон действия, но и помогают раскрыть внутренний мир героев. Природа у Майорова всегда одухотворена, она – активный участник происходящего.

Например, в рассказе «Ломбер йымалне йӱдым» («Ночью под черемухой») описание ночной черемухи создает особую лирическую атмосферу, подчеркивает драматизм происходящего: «Ночь, и вправду, как в сказке. Тишина. В большом озере лягушки начали свой праздник: либо спорят, либо поют непонятные для нас песни» [Там же, с. 280].

В повествовании «Каныме пӧртыштӧ» («В доме отдыха») автор мастерски описывает атмосферу летнего отдыха, используя богатую цветовую палитру: «Ясным утром сосны, укутанные туманом, первыми встречают первые лучи

солнца. Повисший над озером влажный воздух, похожий на молоко, с восходом солнца расстается с землей, тает над лесом» [Майоров, 2016, с. 54].

В рассказе «Шордо-ава» («Лосиха-мать») писатель создает пронзительную картину взаимоотношений человека и природы. Через образ лосихи-матери раскрывается тема материнской любви и самопожертвования: «Лосиха оставила своего теленка. Рыбак подошел к лосенку. Маленькое животное, подняв голову, большими круглыми глазами смотрит на рыбака, будто хочет сказать: «Доброй души человек, помоги мне. Я болен» [Там же, с. 216].

Писатель мастерски владеет искусством детали. Небольшая подробность, точно найденная художественная деталь помогают создать яркий, запоминающийся образ. Например, в «Каныме пӧртыштӧ» («В доме отдыха») автор через мельчайшие детали передает атмосферу места и времени, когда происходит действие: «– Аня! – по ступеням сбегает женщина с верхнего этажа. – Тебе телеграмма!.. – Уважаемый, – послышался голос, – принес ваши фотографии, – крепкого телосложения мужчина вытащил из портфеля и вывалил на стол множество фотографий» [Там же, с. 60–63].

Важной особенностью стиля является умение автора через бытовые детали показать глубинные процессы народной жизни. В каждом рассказе присутствует социально-исторический контекст, но он никогда не заслоняет человеческие судьбы, характеры героев.

Писатель умело использует художественную деталь. В рассказе «Гармонь» через описание интерьера дома передается атмосфера описываемого времени: «В доме и в хозяйстве Насти большие изменения. Новый дом, построенный из кирпича. Когда гостил в последний раз, в доме у стены стояла лавка, сделанная еще дядей, сейчас же – большой диван, стол, накрытый белой, как мел, скатертью, мягкие стулья. На полу палас, на стене – дорогостоящий ковер; у перегородки на стене висит длинное зеркало. В общем, обстановка ничем не отличается от городской квартиры, лишь печь напоминает о деревенской жизни» [Там же, с. 182].

В рассказах Майорова важную роль играют предметные детали, каждая из которых несет смысловую нагрузку. В «Ший сӱан» таким значимым предметом становится висящая на стене рамка с фотографиями: «Вытер пыль с рамки с фотографиями, висящей на перегородке. Оттуда на него смотрели многие знакомые девичьи лица. Петр смотрит на карточки, заметно огорчается» [Там же, с. 66].

Мастерство Ф. Майорова проявляется в умении через портретные детали передать атмосферу времени. В рассказе «Шӱгарже энер воктене» («Могила у реки») точные детали создают картину послевоенной деревни: «Портрет этой женщины до сих пор предстает перед моими глазами: тело сгорбившееся, вены на руках сильно вздуты, лицо в морщинах. Война не

раз бушевала на землях Белоруссии. Старый человек знает, какая она, горечь войны» [Майоров, 2016, с. 33].

В этом рассказе автор использует прием ретроспекции, когда прошлое и настоящее тесно переплетаются в сознании героя. Через воспоминания раскрывается драматическая судьба мальчика, не знавшего своего отца: «Отец Мусанов Сергей. Но родился он не в Пиштане. Пришлый. – Мусанов?! –удивился пожилой человек. – Отец – Сергей Андреевич Мусанов? – Сергей Андреевич. – Мать – Галина Петровна? Учительница?» [Там же, с. 26]. Данный диалог стал отсчетной точкой для дальнейших воспоминаний героев.

Феликс Майоров часто использует символические образы. Так, в рассказе «Яндар памаш» («Чистый родник») родник является символом чистоты и нравственного здоровья народа, его неиссякаемой жизненной силой. В повествовании «Яллан памятник» («Памятник деревне») важную роль играет символика хлеба как основы жизни. Писатель показывает, как через отношение к хлебу раскрывается нравственная сущность человека: «Взрастить хлеб не так уж и просто. Это своеобразная работа. Один год на другой не приходится. Урожайность из года в год неодинаковая. Крестьянскую работу изо дня в день не разделить пополам. Ни временем, ни усталостью не измерить объем работы» [Там же, с. 200]. Писатель дает понять, что труд крестьянина нелегкий, хлеб – основа жизни.

В рассказе «Гармонь» музыкальный инструмент становится символом народной души, связи поколений: «Эх, гармонь, гармонь! – произнес он вслух. – Ты мне в годы юности доставлял и радость, и огорчения. Именно ты изменил течение моей жизни в другую сторону» [Там же, с. 186].

Особого внимания заслуживает композиционное мастерство Ф. Майорова. Каждый рассказ имеет четкую структуру, где все элементы сюжета подчинены раскрытию основной идеи. При этом писатель умело использует различные композиционные приемы: кольцевую композицию, параллельное развитие сюжетных линий, прием контраста. В рассказе «Шочмо кече» («День рождения») автор использует кольцевую композицию – повествование начинается и заканчивается описанием одинокого героя в его шестидесятилетний юбилей: «Буду работать охранником, пока не выйду на пенсию, а потом пусть умоляют, пусть ругают – ни за что не соглашусь сидеть в холодной сторожке свинофермы...»; «Его, как и всегда, ждала сторожка свинофермы» [Там же, с. 229–237].

Писатель умело использует прием психологического параллелизма, когда состояние природы созвучно душевному состоянию героев. Особенно хорошо это передается в рассказе «Марина»: «Из-под холма, игриво танцуя, выходит солнце. Золотистый луч солнца нежно касается лица девушки, утирает слезинки. – Здравствуй, Солнце! – произнесла Марина, – Скажи моему

возлюбленному: я его всем сердцем люблю и жду его возвращения и днем, и ночью» [Майоров, 2016, с. 18].

В своих рассказах автор часто обращается к приему контраста. Например, в рассказе «Эрге» («Сын») противопоставляются мирная жизнь и война, прошлое и настоящее: «Видно, пропало желание рассказывать про тяжелую жизнь в годы войны. Теперь-то и нечего говорить, не как в те годы, есть что есть-пить» [Там же, с. 140–144].

Язык прозы Ф. Майорова отличается богатством лексики, выразительностью. Писатель органично включает в повествование элементы народной речи, пословицы, поговорки. При этом его язык остается современным, способным передать сложность человеческих переживаний.

Особенности стиля Ф. Майорова проявляются в умелом использовании диалогов, которые всегда психологически достоверны и помогают раскрыть характеры персонажей. Речь каждого героя индивидуализирована, отражает его социальное положение, уровень образования, характер. Например, в рассказе «Марина» через диалоги ярко показан конфликт между молодой трактористкой и консервативно настроенными трактористами: «Всем девушкам дали по новому трактору. А нам что? Вот я уже пятый год на этом тракторе езжу. Эчан – седьмой год» [Там же, с. 17]. Парни-трактористы таким образом хотят оправдать свой проигрыш в соцсоревновании.

Особого внимания заслуживает мастерство построения диалога. В рассказе «Оръен» через реплики персонажей раскрывается драматизм и комичность ситуации: «– Йогор! Йогор, – говорю! – Вечер наступил, вставай! – Через силу открыл глаза. Придя в себя, лежит, раздумывая. Присел, посмотрел в обе стороны. – Где мы? – спрашивает. – Хоть меня-то узнаешь? – Ты Василий... Как сюда-то попали? – По-шли сва-тать Чаҥа Ка-че-рий в Пӱ-ты-рем-со-лу! – говорю по слогам, чтобы тот понял. – Кому? – Не тебе, а мне!» [Там же, с. 265]. Прозаик смеется над необдуманным шагом персонажа.

Особенность стиля писателя проявляется в умелом использовании народной речи. В рассказе «Мургаб» живая разговорная интонация создает эффект достоверности: «Платон Петрович, ой, Платон Петрович! Мургаб Романа забодал! – в правление колхоза забежала стройная Ониса, пытается говорить взахлеб» [Там же, с. 11]. Психологическое состояние Онисы характеризует ее речь. В данном монологе стоит обратить внимание и на такие детали, как грудь, сердце.

Сборник «Ший сӱан» демонстрирует зрелость писательского мастерства Феликса Майорова. В нем органично соединились традиции марийской прозы с новаторскими художественными решениями. Писатель создал свой неповторимый стиль, в котором социальная острота сочетается с лиризмом, бытовая достоверность – с философской глубиной.

Особого мастерства Майоров достигает в создании психологических портретов. В рассказе «Чеверын, авай!» («Прощай, мама!») через внутренний монолог героини раскрывается вся глубина материнского горя: «Отец его, как только началась война, ушел на фронт, домой же вернуться было не суждено: спустя полгода сложил голову у Смоленска» [Майоров, 2016, с. 88]. Тема войны и тема детей войны переплетаются в произведении.

Майоров – мастер психологического портрета. В рассказе «Покто веле, корно сай» («Только гони, дорога хорошая») внутреннее состояние героя передается через внешние проявления: «За все лето Семена Ивановича много раз видел, как он стоял на дороге, но ни разу не кивнул ему головой. Вел себя, как глухой-слепой, ездил, даже не смотря в его сторону... Со злости руль повернул в яму с водой. Даже не заметил, как машина успела выскочить, разбрызгав воду. Дорожному же мастеру, открыв дверь машины, помахал кулаком» [Там же, с. 8–9]. Сатира автора направлена на придирчивого, черствого дорожного мастера. Человечность повествователя-рассказчика проявляется в том, что он протягивает руку помощи, когда дорожный мастер оказывается в положении экстренно больного.

Особенно важно отметить умение писателя создавать многоплановые характеры. Его герои никогда не бывают однозначными – в каждом есть свои достоинства и недостатки, свет и тени. В рассказе «Ломбер йымалне йӱдым» («Ночью под черемухой») главный герой предстает и любящим мужем, и ревнивцем, способным на необдуманные поступки: «Ломаю голову, как дальше жить с такой кокетливой женщиной. Дедовскими методами, кулаками, проучить в наше время не годится. Войти перед людьми в бесчестье? Сам останусь в дураках, меня же и осмеют. Тамара виновата, но и я не ангел, тоже виноват» [Там же, с. 283].

В рассказах сборника большое внимание уделяется внутреннему миру героев. Майоров умело передает тончайшие движения человеческой души. Например, в рассказе «Мылам авай кӱлеш» («Мне нужна мама») через переживания маленькой девочки показана общечеловеческая потребность в материнской любви: «Люба, не бойся, я тебе не мама, а тетей буду, наверное? Ты меня зови тетей. – Мне не нужна тетя. Мне нужна мама!» [Там же, с. 150].

В прозе Майорова значительное место занимают внутренние монологи героев. В рассказе «Яндар памаш» («Чистрый родник») через размышления персонажа Тараса показано его отношение к исчезающей деревне: «Сейчас, если посмотреть вокруг, – душа болит: на местах заброшенных построек вырос бурьян, и на улицах по колено трава. Если подумать о былом, как будто все было, как во сне. Но жизнь не останавливается, идет вперед и только вперед» [Там же, с. 242].

Важной особенностью стиля Ф. Майорова является умение органично соединять лирическое и эпическое начала. В его рассказах социально-бытовая

проблематика всегда окрашена глубоким лиризмом. Так, в рассказе «Яндар памаш» («Чистый родник») через историю исчезающей деревни показана связь человека с родной землей: «– Эх, отец ! До последнего своего дня ждал, когда народ вновь вернется сюда жить. Но нам вернуться не было предначертано судьбой, – с тяжестью на сердце сказала женщина» [Майоров, 2016, с. 239].

Особого внимания заслуживает мастерство Ф. Майорова в создании массовых сцен. В рассказе «Гармонь» живо и достоверно показаны народные гуляния: «Приближался праздник Богородицы. Этот день народ в Лопсоле празднует; К празднику Лопсолинцы завершили сенокос, а до уборки хлеба еще рановато, поэтому председатель не стал противиться празднику, колхозникам дал два выходных дня; После заката солнца начался праздник. В каждом доме гости. Через открытые окна можно услышать разговоры и пение» [Там же, с. 189]. Через определенные детали, штрихами автор подчеркивает масштабность деревенского праздника.

В творчестве Ф. Майорова важное место занимают нравственно-философские размышления о смысле жизни, о добре и зле, о человеческом достоинстве. Эти размышления органично вплетаются в ткань повествования, не нарушая его художественной целостности.

В рассказах писателя важную роль играет звуковая организация текста. В «Ломбер йымалне йӱдым» («Ночью под черемухой») ночная тишина наполнена выразительными звуками: «Соловей, украшая пение разными напевами, бесконечно тянет свой мотив. Не нужно и говорить, такая ночь не то чтобы молодых людей, даже пожилых побуждает искать любовь» [Там же, с. 280].

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что малая проза Ф. Майорова отличается тематическим и жанровым многообразием. Основные темы творчества писателя – человек в годы военных испытаний, труд как основа бытия, преемственность поколений, становление детской души, осмысление нравственных устоев в мирное время.

Ф. Майоров с большим художественным тактом и многосторонне исследует внутренний мир своих героев, создает запоминающиеся образы патриотов, людей высоких нравственных качеств. Писателя интересует, прежде всего, духовная жизнь человека, его устремления и идеалы.

Рассказы Ф. Майорова о войне проникнуты высоким гуманизмом, утверждают безусловное право личности на жизнь. В произведениях о современной марийской деревне писатель обращается к острым социальным проблемам, противоречиям колхозной действительности. Но и здесь в центре внимания Майорова остается человек труда с его сложным духовным миром.

По художественному методу Ф. Майоров – писатель-реалист. Опираясь на традиции классической прозы, он стремится к жизненной достоверности в изображении характеров и обстоятельств. Вместе с тем реализм Ф. Майорова не лишен романтических красок, поэтической приподнятости.

Проза Феликса Майорова вносит весомый вклад в развитие марийской литературы второй половины XX века. Его лучшие рассказы обогатили национальную прозу новыми темами и образами, открыли в ней новые художественные глубины. Творчество писателя и сегодня сохраняет непреходящую нравственно-эстетическую ценность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов Ю. Шинча ончылнем шочын-кушкын = Вырос на моих глазах // Марий Эл. 1996. 23 нояб.

Ахметова А.И. Национальный колорит и художественное своеобразие марийской прозы // Вестник Марийского института образования. 2017. № 2. С. 45–52.

Виноградов А. Ялеш шуаралтше писатель = Писатель, выросший в деревне // Марий коммуна. 1992. 29 дек.

Дюкова Г. Феликс Майоров: очерк творчества. Йошкар-Ола, 1990. 64 с.

Зайниев Г. Новелле гыч – романыш: писатель Феликс Майоровын шочмыжлан – 80 ий = От новеллы к роману: к 80-летию со дня рождения писателя Феликса Майорова // Кугарня. 2011. 18 нояб. С. 11.

Зайниев Г.З. Илыш муро: марий сылнымут: ий да ен-влак = Песня жизни: марийская литература: годы и люди. Йошкар-Ола: МПИК, 2006. 301 с.

Иванов А. Путь к зрелости: Очерки истории марийской литературы. Йошкар-Ола, 1985. 148 с.

Иванова И. Жап келге иктешлымашым йодеш = Время требует глубину обобщения // Ончыко. 1994. № 4. С.136–142.

Калашникова Л. Ценность человеческой жизни в рассказах Ф. Майорова «Кленовый лист» и О. Генри «Последний лист» (сравнительный анализ) // Аксиологическая парадигма марийской литературы XX–XXI веков: коллект. моногр. / Мар. гос. ун-т; Р.А. Кудрявцева, Т.Н. Беляева, Г.Е. Шкалина и др.; сост. и науч. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2019. С. 139–145.

Кудрявцева Р.А. Марийский рассказ XX века (история и поэтика): моногр. / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2008. 208 с.

Кудрявцева Р.А. Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья: моногр. / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2011. 324 с.

Любимов В. Вучымо сай роман = Долгожданный хороший роман // Марий коммуна. 1990. 7 февр.

Майоров Ф. Шке илышем нерген = Про свою жизнь // Ончыко. 2006. № 10. С. 112–119.

Майоров Ф.В. Ший сӱан: ойлымаш-влак = Серебряная свадьба: рассказы. Йошкар-Ола: Марий книга изд-ве, 2016. 284 с.

Романов Е. Живет в деревне писатель // Вперед. 1989. 1 июля.

Эман С. Феликс Майоров – мастер рассказа // Марийская правда. 1987. 17 марта.

Юксерн В. В мире прозы Феликса Майорова // Марий коммуна. 1981. 12 дек.

Vlada Berdnikova, Galina Boyarinova

ARTISTIC ORIGINALITY OF FELIX MAYOROV'S SHORT STORIES

Introduction. The article deals with Felix Mayorov's short stories selected from the collection 'Shiy Süan' ('Silver Wedding'), published by Mari Book Publishing House in 2016. **The purpose** of research is to reveal the artistic originality of F. Mayorov's short fiction. **Materials and methods.** The materials are Mari writer's collection of stories 'Shiy Süan' ('Silver Wedding'). This research combines structural and semantic methods. **Research results, discussion.** The prose writer F. Mayorov made a significant contribution to the development of Mari literature. He is the author of novellas, the biographical novel called 'M. Shketan' in two volumes, numerous short stories, essays, and articles. Unfortunately, there is no research devoted to his work. F. Mayorov relied on the achievements of the Mari and Russian writers. It should be mentioned that he is the nephew of M. Shketan, who is a classic writer of Mari literature and one of its founders. **Conclusion.** F. Mayorov's stories primarily focus on rural themes; he writes about what he knows well, and his works are characterized by a realistic approach. In depicting characters and circumstances, he employs romantic élan, and his prose is with the hint of lyricism. Felix Mayorov's prose depicts the life of the Mari people in the second half of the 20th century. He writes about collective farm workers, praising the beauty of labour. The main characters are neither idealized nor without flaws. The writer focuses his attention on human characters. His best stories enriched national prose with new themes and images, revealing new human depths. His work retains enduring moral and aesthetic value.

Keywords: short story; theme; character; composition; language; hero.

REFERENCES

Artamonov Ju. Shincha onchylnem shochyn-kushkyn [Went up in my estimation]. *Marij El* [*Mari El*], 1996, 23 November. (In Mari).

Ahmetova A.I. Nacional'nyj kolorit i hudozhestvennoe svoeobrazie marijskoj prozy [National character and artistic originality of Mari prose]. *Vestnik Marijskogo instituta obrazovanija*, 2017, no. 2, pp. 45-52. (In Russian).

Vinogradov A. Jalesh shuaraltshe pisatel' [A writer who grew up in a village]. *Marij kommuna* [*Mari Communa*], 1992, 29 December. (In Mari).

Djukova G. Feliks Majorov: ocherk tvorchestva [Felix Mayorov: an Essay on his Work]. Yoshkar-Ola, 1990, 64 p. (In Russian).

Zajniev G. Novelle gych – romanysh: pisatel' Feliks Majorovyn shochmyzhlan – 80 ij [From a short story to a novel: on the 80th anniversary of a writer Felix Mayorov's birth]. *Kugarnja* [*Friday*], 2011, 18 November, p. 11. (In Mari).

Zajniev, G.Z. Ilysh muro: marij sylnymut: ij da ен-vlak [Song of Life: Mari Literature: Years and People]. Yoshkar-Ola, Marijskij poligrafichesko-izdatel'skij kombinat, 2006, 301 p. (In Mari).

Ivanov A. Put' k zrelosti: Ocherki istorii marijskoj literatury [The Path to Maturity: Essays on the History of Mari Literature]. Yoshkar-Ola, 1985, 14 p. (In Russian).

Ivanova I. Zhap kelge ikteshlymashym jodesh [Time demands depth of generalization]. *Onchyko*, 1994, no. 4, pp. 136-142. (In Mari).

Kalashnikova L. Cennost' chelovecheskoj zhizni v rasskazah F. Majorova «Klenovyj list» i O. Genri «Poslednij list» (sravnitel'nyj analiz). Aksiologicheskaja paradigma marijskoj literatury XX–XXI vekov [The value of human life in the stories of F. Mayorov 'The Maple Leaf' and O. Henry 'The Last Leaf' (comparative analysis). Axiological paradigm of Mari literature of the 20th-21st centuries]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2019, pp. 139-145. (In Russian).

Kudrjavceva R.A. Marijskij rasskaz XX veka (istorija i poetika) [Mari Short Story of the 20th century (History and Poetics)]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2008, 208 p. (In Russian).

Kudrjavceva R.A. Genezis i dinamika poetiki marijskogo rasskaza v kontekste literatur narodov Povolzh'ja [Genesis and Dynamics of the Poetics of the Mari Narrative in the Context of the Literatures of the Peoples of the Volga Region]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2011, 324 p. (In Russian).

Ljubimoa V. Vuchymo saj roman [A long-awaited good novel]. *Marij kommuna* [*Mari Communa*], 1990, 7 February. (In Mari).

Majorov F. Shke ilyshem nergen [About my life]. *Onchyko*, 2006, no. 10, pp. 112-119. (In Mari).

Majorov F.V. Shij sÿan: ojlymash-vlak [Silver Wedding Anniversary: Short Stories]. Yoshkar-Ola, Marij kniga izdatel'stve, 2016, 284 p. (In Mari).

Romanov E. Zhivet v derevne pisatel' [A writer lives in a village]. *Vpered* [*Forward*], 1989, 1 July. (In Mari).

Jeman S. Feliks Majorov – master rasskaza [Felix Mayorov is a master of storytelling.]. *Marijskaja Pravda* [*Mari truth*], 1987, 17 March. (In Mari).

Juksern V. V mire prozy Feliksa Majorova [In the world of Felix Mayorov's prose]. *Marij kommuna* [*Mari Communa*], 1981, 12 December. (In Mari).

Бердникова Влада Владиславовна
студентка ФГБОУ ВО
«Марийский государственный университет»,
г. Йошкар-Ола

Vlada Berdnikova
a student of the Mari State University,
Yoshkar-Ola

Бояринова Галина Никитьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры марийского языка и литературы ФГБОУ ВО
«Марийский государственный университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: galnikbojar@mail.ru

Galina Boyarinova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of the Mari language and literature of the Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: galnikbojar@mail.ru

УДК 398.2(=511.131)
DOI 10.51254/2312-0312-2025-3-71-42-53

ГЕРОИ УДМУРТСКИХ ПРЕДАНИЙ В ЛОКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННИКОВ

© 2025 г. Г.Ю. Устьянцев

Введение. В фольклоре и нарративах современных удмуртов представлена категория мифологических персонажей – геров (богатырей, удм. *батыръёс*). Они фигурируют в исторических и топонимических преданиях, а также в культурной памяти о прошлом. Удмуртские герои связаны с представлениями о мифологизированной истории населенных пунктов и родов, о локальной идентичности. **Цель статьи** – выявить связь героев удмуртских преданий с локальной идентичностью и культурной памятью, модели их репрезентации в нарративах современников. **Методы и материалы.** Статья основана на полевых материалах, собранных автором в Удмуртской Республике. Основные источники: тексты интервью, предания, опубликованные фольклорные записи. Использованы методы полевой этнографии и качественного анализа текстов. **Результаты исследования, обсуждение.** Проанализированы героические образы локального фольклора жителей Удмуртской Республики. Выявлены представления местного населения о героях преданий как о символах локальной идентичности, связанных с основанием сел или деревень и родов. **Заключение.** В современной традиции героические образы ретранслируются в основном посредством художественной литературы, образования. Сведения о них фрагментарны, лейтмотивом преданий в устной передаче является основание населенного пункта, названного в честь героя. При этом персонажи локальных преданий мало известны за пределами конкретной местности.

Ключевые слова: удмуртский фольклор; батыр; историческое предание; топонимическое предание; культурная память; мифологизация истории.

Введение

В фольклоре и современных дискурсах удмуртов можно выделить категорию *героев* – персонажей исторических и топонимических преданий, которым приписывают подвиги и исторически важные для народа деяния.

Эти персонажи, согласно фольклору, были защитниками удмуртов и их этнических территорий от захватчиков, основывали населенные пункты, выполняли функции культуртрегеров. К героям в эмных категориях культуры относят разных персонажей фольклора – правителей, воинов-богатырей (удм. *батыръёс*). Богатырям присущи мифические черты: огромный рост, нечеловеческая сила. В устной традиции второй половины XX – начала XXI столетия большинство богатырских образов практически не фигурируют. Современные удмурты воспроизводят тексты о героях, которые известны им благодаря учебной и художественной литературе. В нарративах современников богатыри связаны с топонимикой и генеалогией.

Образы фольклорных героев в данной статье рассмотрены в рамках концепта культурной памяти, предложенного Я. Ассманом. Он выделяет две формы памяти о прошлом: коммуникативную и культурную. Последняя связана с событиями давней истории и фиксирует их в прошлом, но не характеризуется детализацией и фактической точностью: «Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [2004, с. 52–57]. Историк рассматривает миф как функциональную категорию, дополняющую и отчасти формирующую историческое знание: «миф – это обосновывающая история, история, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения» [Там же, с. 55]. Культурная память абстрактна, в ней отражено мифологизированное «абсолютное прошлое», а история, как писал Я. Ассман, «преобразуется в воссозданную воспоминанием, то есть в миф» [Там же, с. 55].

Цель статьи – проанализировать, как образы удмуртских героев символически соотносятся с локальной идентичностью и как они представлены в нарративах современников и культурной памяти.

Материалы и методы

Статья основана на полевых материалах, собранных в Удмуртской Республике в 2023–2025 годах (г. Ижевск, Завьяловский район (пос. Завьялово, деревни Лудорвай, Малая Венья, Подшивалово, Сизево), Киясовский район (с. Карамас-Пельга, Киясово), Мало-Пургинский район (с. Малая Пурга, деревни Гожья, Малая Уча), Можгинский район (г. Можга, с. Большая Уча, Поршур, деревни Большие Сибы, Пазял). Среди информантов были представители разных профессий, южные и центральные удмурты, а также русское население. Основные источники: интервью с местными жителями, предания и опубликованные фольклорные тексты. Использовались методы полевой этнографии и качественного анализа нарративов.

Результаты исследования, обсуждение

Удмуртские богатыри, судя по собранным полевым материалам, в основном являются персонажами локального фольклора, как говорят наши информанты: *Они, кстати, других тоже у нас как бы, вообще если брать всю*

Удмуртию, то единого какого-то вот такого батыра, то нет единого для всех регионов, у каждого района свои, и общего такого нет (А.К., м., г. Можга, Удмуртская Республика, 2025).

Герои удмуртских легенд, как отмечают исследователи конца XX века, действуют в пределах определенных локусов и редко известны за пределами этих территорий [Яшин, 1990, с. 7]. В настоящее время благодаря развитию средств массовой информации эта тенденция отчасти меняется. Происходит популяризация героических образов, чему способствовала в том числе публикация литературной версии эпоса, написанной этнографом М.Г. Худяковым и изданной в конце XX столетия. В ней заметна героизация персонажей, подчеркнута их роль в борьбе с завоевателями [Napolskikh, 2003, p. 1–7].

В Завьяловском районе Удмуртской Республики нами был исследован интересный кейс, связанный с трансформацией топонимического предания об одном из батыров по имени Завьял.

В первой половине XX века этнограф Г.Е. Верещагин записал легенду об основании Завьялово от местных жителей (сейчас это село Завьялово Удмуртской Республики). Согласно тексту, на этой территории жили три героя. Среди них были удмурты-язычники Кайван и Ондра, которые занимались рыбным промыслом. Когда они рыбачили на реке Позими, к ним подошел русский по имели Завьял. Они поклялись, что будут жить дружно, не обманывать, не обижать друг друга. Однажды Завьял увидел на противоположном берегу реки Позимь прекрасную женщину. Вместе с братьями они соорудили плот и перевезли ее через реку. Теперь встал вопрос: чьей женой она будет? Ухаживать за девушкой стал Завьял. Ей дали имя Кышнокенак. Со временем между тремя силачами разгорелся конфликт. Завьял и Ондра поссорились с Кайваном. Решили разделить свои угодия: Кайван перешел на другую сторону реки, а Завьял и Ондра остались жить соседями. Однако соперничество между богатырями не прекратилось: Кайван решил убить Завьяла, подпилив мост через реку Позимь. Он рассчитывал, что под Завьялом он сломается и богатырь утонет. Завьял же решил пройти по этому мосту и напасть на Кайвана, а затем ограбить его. Богатырь провалился, но смог ухватиться за доску и вылезть. Ондра и Завьял починили мост, на этот раз уже Ондра отправился на другой берег. Кайван встретил Ондру радушно, они вместе направились к Завьялу. После пира Кайван позвал Завьяла в орешник на горе, в 2–3 верстах от Завьялова. Кайван предложил условие деления земель: «Если эта стрела воткнется в сосну, пусть там у вас будет кладбище, а по ту сторону речки – починок. Места по эту сторону реки Позимь будут ваши, а по ту сторону – мои. Межой между моими и вашими владениями будет Позимь». «Ладно, пусть будет так», – сказал Завьял [Верещагин, 1889: 21]. Кайван попал в сосну, и с тех пор около сосны хоронили умерших, а территории речной долины поделены между батырами. Кайван основал поселение на реке Чумошур,

а Завьял – на месте села, которое и получило имя персонажа. Со временем Завьял настолько сильно возвысился над другими поселянами, что его стали величать мурзой. Однако местным удмуртам пришлось не по нраву правление иноземца. Согласно преданию, они поймали его и задушили. С целью предотвратить появление таких же могучих русских богатырей удмурты провели обряд. Чтобы у русских более рождалось батыры, они прокляли Завьяла и заговорили внутренности убитого, обвили ими вересник и орешник со словами: «Когда из вереска и орешника будут делать чурки (ульи) для пчел, тогда у русских пусть родятся богатыри, как Завьял» [Верещагин, с. 14–22].

Опрошенные нами информанты отмечают, что в настоящее время предание об основании Завьялово известно им уже из книг, в детстве они его не знали. Более того, оно знакомо преимущественно вовлеченным в этнокультурный активизм жителям Завьялово: *В Завьяло мы вчера разговаривали, пытались у бабушек узнать. Вот у нас же Завьял, да, Завьял, богатырь Завьял. Вот скульптуру Завьялу поставили. Ну, к сожалению, уже там никто не помнит ничего про Завьяла* (Н.Н., пос. Завьялово, Удмуртская Республика, 2025).

Респондентами отмечается, что это местный герой, малоизвестный за пределами села: *Рассказывали, но обычно я его почему-то до конца не воспринимаю. Там же завьяловы* (жители Завьялово. – *Г.Ю.*). *Эти, как сказать, они очень много сейчас, не сейчас, а в последнее время внимание берет этот богатырь. Легенда у них есть, а у нас ничего нет такого* (Н.М., ж., д. Подшивалово, Завьяловский район, Удмуртская Республика, 2025).

Существуют различные варианты сюжета о Завьяле. Одна из информанток так рассказала нам предание о нем: *Ну по-другому это мотивируют* (происхождение названия села. – *Г.Ю.*). *Был такой молодой человек Завьял. Кто-то выстрелил луком, да? Из лука. Или он выстрелил как раз, Завьял. У девушки упала эта стрела, и вот они поженились* (М.Н., ж., пос. Завьялово, Удмуртская Республика, 2025).

Согласно интерпретации местного музейного работника, стрелу пустил именно Завьял: «Он пустил стрелу, и там, где упала она, там и было поселение, которое назвали в честь него» (Н.Н., ж., пос. Завьялово, Удмуртская Республика, 2025).

Напомним, что в тексте Г.Е. Верещагина стрела была послана Кайваном. Вероятно, такая трансформация сюжета связана с необходимостью сделать из Завьяла своеобразный бренд села Завьялово, связать название населенного пункта с именем персонажа. Более того, информантка добавила, что в сюжет преданий был добавлен образ лягушки Дэри Эбек[1], которая подобрала пущенную богатырем стрелу (близок к сюжету ATU 402 «Невеста-животное», только без превращения лягушки в прекрасную невесту). Так, на данном

[1] Дэри – удмуртское название села Завьялово, Эбек в пер. с удм. – лягушка.

примере можно наблюдать изменение нарратива в целях привязки его к территории, лаконичности и большей привлекательности для слушателя. Помимо этого, данный пример иллюстрирует трансформацию, происходящую со «сценарными схемами» в культурной памяти, согласно С.Ю. Неклюдову: 1) преодолевается избыточность количества (другие герои, помимо Завьяла, подлежат «забыванию»); 2) происходит клиширование нарратива; 3) события приобретают иерархию (самым знаковым и запоминающимся в рассказах информантов становится стрельба из лука) [Неклюдов, 2004].

Тем временем некоторые местные жители объясняют происхождение топонима без опоры на фольклорный сюжет. Так как село находится в очень болотистой местности, то его название связывают со словом «завязнуть». Более того, удмуртское название поселения *Дэри* переводится на русский как «грязь» (ПМА, 2025).

Менее известным персонажем локальных легенд является батыр Алгазы. Согласно материалам этнографа П. Богаевского, образ этого героя связан с городищем у деревни Нылга-Жикья (современное село Нылга Увинского района). В местном фольклоре Алгазы мог обращаться в медведя и ворона, чем отпугивал соседних марийцев. Он заводил их глубоко в лес в медвежьем образе и обратно возвращался в образе птицы, поджигал деревни противников. Вскоре марийцы покинули эти места, ушли за Вятку. Узнав, что богатырь хочет скакать в Казань, марийцы решили отомстить ему, подпилив столбы у моста. Первый раз он сел на рыжую лошадь, она дошла до моста и остановилась. Тогда удмурт сменил лошадь на пегую, которая поскакала по мосту и провалилась. Марийцы схватили Алгазы, посадили его в темницу. Могучий воин, которого невозможно было сковать цепями, решил бежать. Он передал послание своей жене с просьбой отправить ему оружие и получил от нее хлеб, в котором был нож. Однако этого оружия богатырю было недостаточно. Алгазы удалось бежать, но он был пойман марийцами и убит. Перед смертью герой проклял свою непонятливую жену, которая не смогла передать ему оружие мощнее. Свои внутренности он велел обмотать вокруг дуба. Марийцы обмотали кишки вокруг дерева, но вскоре от него остались только ветки. Тогда марийцы разрубили дуб в щепки. Мать героя, узнав об убийстве Алгазы, прокляла свое потомство: «Пусть же с этого времени у меня не родятся более богатыри, так как нет на свете житья хуже богатырского; пусть лучше их совсем не будет, чем им страдать в жизни!» [Богаевский, 1892, с. 174].

Как видим, тексты эпического фольклора удмуртов транслируют образ коллективного обобщенного противника, «культурного другого». В удмуртских преданиях это чаще всего марийцы и русские (марийцам сюжет о противостоянии с удмуртами тоже известен, но не распространен широко).

Еще одним центральным сюжетом удмуртских преданий следует считать мотив деления земли между мужчинами (часто родственниками) и осно-

вания ими поселений. При этом нарратив о них может не предполагать особых проявлений богатырской силы и героизма: *Мне желание было вот искать корни. Но мне дали, конечно, архив. Сюда поселились пять братьев, как по легенде. Их шестеро было, из Любяка все. И имена-то у них какие еще? Они наши, Келейко, вот такое имя. Не наше удмуртское даже, то ли мусульманское, то ли такое. Мусульманин. Вот мы произошли. И все они на ту сторону поселились. Все вместе. И вот этот род, я собираю, вот хочу, желание есть, конечно, всех собрать, провести какое-то мероприятие. С той стороны по речке они, весь этот род. Но сейчас, конечно, уже по девушкам, которые замуж вышли сюда, и здесь они, всё смешалось уже, но в основном вот род надо искать вот с той стороны. Пять братьев, а один брат остался там же жить. Это 1710-й год* (О.В., м., с. Поршур, Можгинский район, 2025).

В XIX веке Г.Н. Потанин записал у жителя Можги следующую легенду. Когда-то там жил человек по имени Мардан, и у него было три сына: Можга, Кинегыл и Сиби. Их племя разрослось, и тогда Мардан сказал, что только один сын, Можга, может остаться с ним, а остальные должны уходить. Кинегыл и Сиби поспорили, кто из них перейдет по реке Вала. Договорились, что тот, кто сможет перекинуть кочку через реку, тот и останется. У Сиби не хватило на это сил, а Кинегыл предварительно ее подсек и таким образом обманул брата. Пришлось Сиби уходить. Так появилось три деревни, названных по имени их основателей: Можга, Кинегыл и Сиби. В тексте Г.Н. Потанина приводится и объяснение названия поселения Бусурман-Можга (ныне с. Можга Можгинского район). Дело в том, что однажды Мардан разозлился на Можгу и обозвал его бусурманином [Потанин, 1884, с. 194].

Отрывочно известны также предания о богатыре Шудье, который в местном предании удмуртов Завьяловского района воевал с богатырем Калмезом. Шудья вырвал две березы, свил их веревкой и бросил на дорогу по пути шествия Калмеза и его войска. Увидел противник, насколько силен Шудья, и развернулся обратно. По имени этого удмуртского воина названа деревня Шудья [Там же, с. 193].

Образы легендарных основателей Пазял-Жикья Можгинского района и Жужгес Увинского района Удмуртии известны по фольклорным записям XX века. Согласно источнику, Пазял очистил лес от деревьев и основал в лесу поселение. Всё взял с собой богатырь, но забыл огонь. Когда он попросил его у соседа Зумьи, то получил отказ. С тех пор невесты Пазял-Жикьи не выходят замуж за парней деревни Зумья, так как Пазял затаил обиду на жадного соседа. Затем, согласно сюжету, Пазял ссорится с Жужгесом, другим соседом, из-за ловли рыбы в озере Айпак. Силачи поспорили: кто сможет пинком перекинуть кочку на другой берег, тот и сможет ловить рыбу в озере. Жужгес смог пнуть кочку с такой силой, что она перелетела через реку Вала, а Пазял – нет. Жужгес пошел на обман и подрезал свою кочку заранее, что привело

к ссоре героев. С тех пор жители Пазял-Жикьи и Жужгеса не обмениваются молодыми парнями и девушками для заключения брака [Ватка но Калмез ... , с. 102–104]. Данный сюжет не только повествует об основании деревень, но объясняет происхождение запрета на брачные отношения локальных групп. В рассказе информанта, собирателя местных легенд подчеркивается эта этиологическая роль предания: *Есть такая легенда, что был такой богатырь Пазял. Мы мягко так произносим эти согласные. Пазял. Пазял. И вот как-то он наказал своей жене рано утром испечь хлеб, та испекла, он положил этот каравай в сумку, сказал: «Вот где у меня каравай остынет, там, туда мы и переселимся». Ну, наверное, была деревня какая-то переселенная, где урожай, наверное, не родится, земля истощена, нужно искать другие земли, да? И вот он сказал, где хлеб. Это типичная легенда для многих населенных пунктов. Вот как мерять километры и как мерять время. Время фиксируется остыванием каравая хлеба…*

– А что с Жугьес?

– А, ты про огонь, да? У этого, у Пазяла, видимо, потух огонь. Он пошел к Жугьес, к соседу своему. Попросил. А тому, видимо, этого огонька даже жалко стало, да? И он сказал: «Ладно, так и быть. Пойду у другого попрошу. Ни молодые люди, чтобы ни ваши девушки замуж друг за другом не выходили». Так и есть, да?

– Ну, до 60-х годов, вроде бы, да (не вступали в брак. – *Г.Ю.*) (О.Ч. и Л.М., м., д. Пазял, Можгинский район, Удмуртская Республика, 2025).

Указанные выше фольклорные нарративы типичны для удмуртской мифологии и встречаются в разных локальных традициях.

Богатырь Янтамыр, известный в фольклоре удмуртов Сарапульского уезда, по данным Г.Е. Верещагина, был защитником своего народа от русских и казанцев. Однажды, отправляясь в поход на Казань, он попросил жену положить с собой хлеб. Она положила ему еды, хотя хлебом он называл свою саблю. Узнали татары о приближении Янтамыра и устроили ему ночную засаду. Безоружный удмурт был убит, так как не имел при себе оружия. В логике этой легенды батыр погиб по вине жены, как и в тексте про Завьяла [Верещагин, 1889, с. 23–24].

Собиратель удмуртского фольклора XIX столетия Б.Г. Гаврилов записал легенду о Тутое и Янтамыре в Малмыжском уезде Вятской губернии. В ней рассказывается о вытеснении удмуртов и марийцев русскими из территорий Вятки, а также о соперничестве марийцев и удмуртов за землю в дельте реки Вала. В легенде присутствует указанный выше мотив о перебрасывании кочек. Предводитель марийцев хотел обмануть вождя удмуртов Тутоя, но тот вычислил обман. Пришлось марийцам уйти из этих территорий. Новым защитником вятских марийцев стал Янтамыр, который на скаку мог победить любого врага [Гаврилов, 1880, с. 144–147].

Примечательно, что не во всех текстах о мифических первопоселенцах, воинах и охотниках присутствует мотив героической борьбы с захватчиками. В топонимических преданиях их сила и смекалка важны для отстаивания родовых территорий. Земли разделяются путем соревнования в бросании тяжелых предметов или стрельбе.

Анализируя текст удмуртского богатырского эпоса, В.В. Напольских выделяет несколько основных мотивов, которые могут комбинироваться друг с другом. Среди них: 1) способность богатырей быстро передвигаться, бегать или скакать на лошади; 2) демонстрация силы героя; 3) богатыри соревнуются в стрельбе из лука или перекидываются бревнами (часто – кочками); 4) спор о владении землей между богатырями; 5) батыр превращается в животное, чтобы выманить врага; 6) враги подпиливают опоры моста, и герой падает в реку. При этом одна или две лошади не могут взойти на мост, а пегая идет на опасную переправу, что приводит к гибели героя; 7) богатырь забывает дома свое оружие, а жена по ошибке дает ему хлеб вместо клинка; 8) перед смертью батыр просит врагов (русских) вынуть его внутренности, съесть их или обернуть вокруг дерева. Убийцы богатыря съедают внутренности и проклинают род героя, чтобы такие великие войны больше не рождались; 9) перед смертью герой прячет клад и защищает его заговором [Напольских, 2008, с. 31–34].

В современных устных текстах о богатырях детали жизни героя не приводятся, но подчеркивается факт основания персонажем населенных пунктов. Как правило, информанты демонстрируют знание имен героев в контексте топонимических представлений и микроострии (ПМА, 2024–2025).

Процесс мифологизации восприятия исторических фактов подробно описан этнологом В.А. Шнирельманом: «Речь идет о внесении некоторого порядка в хаотичное скопление исторических фактов. Факты отбираются и интерпретируются таким образом, чтобы создалась непротиворечивая картина исторического процесса, основанная на определенной логике. При этом одни факты игнорируются, а другие интерпретируются так, что одним из них придается особое значение по сравнению с другими» [Шнирельман, 2003, с. 115]. В этой логике удмуртские эпические герои воспринимаются как реальные воины, успешно отстаивающие территориальные владения своих групп в борьбе с иноземными захватчиками. С другой стороны, уместно говорить и об историзации фольклора. В рассматриваемых локальных традициях заметно появление персонажей-акторов конкретного исторического периода, встраивание в нарратив реальных исторических сюжетов. Фольклор, таким образом, воспринимается как исторический источник, как отражение реальных событий прошлого (например, противостояния удмуртов Казанскому ханству) [Мельникова, 2016, с. 64–65]. Можно предположить, что мифологизация истории и историзация фольклора являются взаимодополняющими тенденциями и не противоречат друг другу.

Не всех названных персонажей можно считать активными акторами построения национальной мифологии. На основании нарративов можно заключить следующее. Большинство персонажей удмуртских преданий остаются локальными героями и не воспринимаются как общеудмуртские. Среди наиболее известных североудмуртские Донды и Идна, их имена известны многим опрошенным.

– Идна Батыра очень хорошо мы знаем, да, северного.

– Но он, кстати, к этим местам не имеет отношения? (Соб. Г.Ю.)

– Нет, не имеет отношения, нет, нет. Можга Батыра, конечно, сейчас знают, потому что памятник стоит. Мардан Батыра, если не изучишь (в школе. *– Г.Ю.*), *так не будут знать. Но знают вот деревни эти, что в основном названы в честь батыра* (О.В., м., с. Поршур, Можгинский район, Удмуртская Республика, 2025).

В статье про героев удмуртской эпической традиции В.В. Напольских выделяет четыре типа фольклорных произведений. К первой относятся волшебные и бытовые сказки, в которых основные персонажи заимствованы из русского или татарского фольклора. Вторая группа – это легенды о реальных исторических персонажах, таких как как Емельян Пугачев, которые и сейчас широко известны среди местных жителей. Третья группа объединяет тексты о квазиисторических героях, беглых людях и основателях поселений. К ним можно отнести упомянутых выше Завьяла и Кайвана. Героев этих преданий обозначают словом «батыр», а их биографии связаны с конкретными историческими событиями. Более того, им, как правило, не приписывают сверхъестественные способности. К четвертой группе В.В. Напольских отнес легенды о «собственно эпических» батырах: Донды, Идне. В текстах они действуют в эпоху, когда русская администрация еще не утвердилась на территории удмуртов, в период абстрактного «золотого века» [Напольских, 2008, с. 32–33]. Автор отмечает при этом, что образы третьей и четвертой групп текстов могут быть очень схожи своими мифологизированными свойствами, проявлениями нечеловеческой природы.

По нашим наблюдениям, в настоящее время образы удмуртских батыров воспринимаются носителями традиции неоднозначно. С одной стороны, им присущи реалистичные черты исторических персонажей, многие считают их действительно жившими первопоселенцами и основателями родов, борцами с захватчиками. В то же время информанты допускают возможность мифологического генезиса героев, объясняют их появление потребностью в героизации локальной истории. Некоторые респонденты оспаривали достоверность батыров.

Заключение

Образы удмуртских богатырей, сюжеты о них в актуальной мифологии транслируются посредством книжного текста, образовательных практик

и деятельности этноактивистов. Мало кто из информантов слышал предания и легенды о них в детстве. В сообщениях современников тексты о богатырях недетализированы и основаны преимущественно на книжных версиях фольклора. При воспроизводстве фольклорного сюжета в устной традиции происходит его трансформация, актуализируется роль конкретного персонажа в создании населенного пункта, другие образы «размываются» или забываются. Удмуртские персонажи чаще упоминаются в контексте топонимических преданий и локальны. В то же время тексты о богатырях, имеющие привязку к определенному локусу, деревне или селу, актуализируют групповую идентичность на местном уровне, выступая в роли локального фольклорного символа.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ПМА – полевые материалы автора

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянских культур, 2004. 368 с.

Богаевский П. Материалы для изучения народной словесности вотяков // Этнографическое обозрение. Кн. 15. № 4. 1892. С. 171–177.

Ватка но Калмез: Удмурт калык легендаос но преданиос = Вятка и Калмык: Удмуртские народные легенды и предания / дося-зы Н.П. Кралина, П.К. Поздеев. Ижевск: Удмуртия, 1971. 163 с.

Верещагин Г.Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Записки Русского Имп. географического общества по отделению этнографии. Т. 14, вып. 3. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1889. 199 с.

Гаврилов Б.Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань: Изд. Православ. Миссионер. о-ва (Тип. А.А. Коковиной), 1880. 190 с.

Мельникова Е.А. Историзация фольклора и визуальное пространство «народности» // Этнографическое обозрение. 2016. № 6. С. 58–71.

Напольских В.В. Батыр пезьдэт: кто есть ху? // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: сб. ст. в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. Сер. «Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика». М.: РГГУ, 2008. С. 29–44.

Неклюдов С.Ю. «Сценарные схемы» жизни и повествования // Литература как традиция. 1. Темы и вариации. М.: Индрик, 2016. С. 465–478.

Потанин Г.Н. У вотяков Елабужского уезда // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском ун-те. Т. III. 1880–1882 г. Казань: Тип. Имп. Казанского ун-та, 1884. С. 189–259.

Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. 591 с.

Яшин Д.А. Локальный характер эпической традиции в фольклоре пермских народов // Специфика жанров удмуртского фольклора. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. С. 4–9.

Napolskikh V.V. On the Literary Sources of M. G. Khudiakov's Song of Udmurt Heroes // Dynamics of Tradition: Perspectives on Oral Poetry and Folk Belief: Essays in Honour of Anna-Leena Siikala on her 60th Birthday Ist January 2003 / Ed. by L. Tarkka. Helsinki, Studia Fennica Folkloristica, 2003. P. 280–288.

German Ustyantsev

HEROES OF UDMURT LEGENDS IN THE LOCAL CULTURAL MEMORY OF CONTEMPORARIES

Introduction. There is a category of mythological characters or heroes (bogatyrs, in Udm. *batyryes*) in folklore and narratives of modern Udmurts. They appear in historical and toponymic legends, as well as in cultural memory of the past. Udmurt heroes are associated with ideas about the mythologized history of settlements and clans, about local identity. **The purpose** of the article is to identify the connection of the heroes of Udmurt legends with local identity and cultural memory, models of their representation in the narratives of contemporaries. **Materials and methods.** The article is based on field materials collected by the author in the Udmurt Republic. Main sources include interview texts, legends, published folklore records. This research combines methods of field ethnography and qualitative analysis of texts. **Research results, discussion.** The heroic images of the local folklore of the inhabitants of the Udmurt Republic are analyzed. The author reveals ideas of the local population about the heroes of legends as symbols of local identity associated with the founding of villages and clans. **Conclusion.** In the modern tradition heroic images are relayed mainly through fiction and education. Information about them is fragmentary, the leitmotif of the legends in oral transmission is the foundation of a settlement named after the hero. At the same time, the characters of local legends are little known outside the particular area.

Keywords: Udmurt folklore; batyr; historical legend; toponymic legend; cultural memory; mythologization of history.

REFERENCES

Assman Ya. Kul`turnaja pamjat`: pis`mo, pamjat` o proshlom i politicheskaja identichnost` v vy`sokih kul`turah drevnosti [Cultural Memory, Script, Recollection, and Political Identity in Early Civilizations]. Moscow, Jazy`ki slavjanskih kul`tur, 2004, 368 p. (In Russian).

Bogaevskij P. Materialy` dlja izuchenija narodnoj slovesnosti votjakov [Materials for the study of Votyak's Literature]. *E`tnograficheskoe obozrenie,* vol. 15, no. 4, 1892. (In Russian).

Vjatka no Kalmez: Udmurt kaly`k legendaos no predanios [Vyatka and Kalmez: Udmurt Legends and Folk Stories]. Eds. N.P. Kralina, P.K. Pozdeev. Izhevsk, Udmurtija, 1971, 163 p. (In Udmurt).

Vereshhagin G.E. Votjaki Sarapul`skogo uezda Vjatskoj gubernii [Votyaks of Sarapulsky District of Vyatka Province]. *Zapiski Russkogo Imperatorskogo geograficheskogo obshhestva po otdeleniju e`tnografii*, vol. 14, no. 3, Saint-Perersburg, Tipografija I.N. Skorohodova, 1889, 199 p. (In Russian).

Gavrilov B.G. Proizvedenija narodnoj slovesnosti, obrjady` i pover`ja votjakov Kazanskoj i Vjatskoj gubernij [Works of Folk Literature, Rituals and Beliefs of the Votyaks of the Kazan and Vyatka Province]. Kazan`, Izdanie Pravoslav. Missionerskogo obshhestva (Tipografija A.A. Kokovinoj), 1880, 190 p. (In Russian).

Mel`nikova E.A. Istorizacija fol`klora i vizual`noe prostranstvo «narodnosti» [Historicization of folklore and the visual space of 'nationality']. *E`tnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 6, pp. 58-71. (In Russian).

Napol`skih V.V. Baty`r pez`de`t: kto est` hu? [A heroic rebuff: Who is who?] *Kirpichiki: fol`kloristika i kul`turnaja antropologija segodnja: sbornik statej v chest` 65-letija S.Yu. Nekljudova i 40-letija ego nauchnoj deyatel`nosti. Serija «Tradicija - tekst - fol`klor: tipologija i semiotika».* Moscow, RGGU, 2008, pp. 29-44. (In Russian).

Nekljudov S.Yu. «Scenarnj`e shemy`» zhizni i povestvovanija ['Scenario schemes' of life and narrative]. *Literatura kak tradicija. 1. Temy i variacii.* Moscow, Indrik, 2016, pp. 465-478. (In Russian).

Potanin G.N. U votjakov Elabuzhskogo uezda [At the Votyaks of Yelabuga district]. *Izvestija Obshhestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete*. Vol. III. 1880-1882 g. Kazan`, Tipografija Imperatorskogo Kazanskogo universiteta, 1884, pp. 189-259. (In Russian).

Shnirel`man V.A. Vojny pamjati: mify, identichnost` i politika v Zakavkaz`e [Memory Wars: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia]. Moscow, Akademkniga, 2003, 591 p. (In Russian).

Yashin D.A. Lokal`nyj harakter epicheskoj tradicii v fol`klore permskih narodov [The local character of the epic tradition in the folklore of the Permian peoples]. *Specifika zhanrov udmurtskogo fol`klora*. Izhevsk, Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury Ural'skogo otdelenija Akademii nauk SSSR, 1990, pp. 4-9. (In Russian).

Napolskikh V.V. On the Literary Sources of M. G. Khudiakovs Song of Udmurt Heroes. *Dynamics of Tradition: Perspectives on Oral Poetry and Folk Belief: Essays in Honour of Anna-Leena Siikala on her 60th Birthday Ist January 2003*. Ed. by L. Tarkka. Helsinki, Studia Fennica Folkloristica, 2003, pp. 280-288 (In England).

Устьянцев Герман Юрьевич
кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института
этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
ассистент исторического факультета
Московского государственного
университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва
e-mail: ustyan-93@mail.ru

German Ustyantsev
Candidate of Historical Sciences,
Researcher at the Miklukho-Maklay Institute
of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Sciences,
Assistant at the Faculty of History,
Lomonosov Moscow State University
Moskow
e-mail: ustyan-93@mail.ru

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

УДК 94(470.51)“16/19”
DOI 10.51254/2312-0312-2025-3-71-54-65

ЖИТЕЛИ ПОЧИНКА У РЕЧКИ УБЫТИ И ДЕРЕВНИ ЗЯНБУЛАТОВСКАЯ К СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА: НАЧАЛО ОФОРМЛЕНИЯ ТАТАРСКОЙ ДЕРЕВНИ ПАЛАГАЙ И БЕСЕРМЯНСКОЙ ДЕРЕВНИ ГУЛЕКШУР

© 2025 г. Н.В. Пислегин

Введение. Несмотря на наличие богатой историографической традиции исследований бесермянского народа, все еще недостаточны изыскания в сфере обращения к его генеалогическим линиям, которое, в частности, позволяет уточнить возникновение и развитие отдельных населенных пунктов, этнические процессы бесермяно-татарского размежевания. **Целью** настоящей публикации является раскрытие темы с упором на обращение к конкретным генеалогическим линиям истоков татарской д. Палагай и бесермянской – Гулекшур. **Материалы и методы.** Главным материалом статьи являются данные ранних переписей (XVII – середины XVIII века). В основу исследования положен генеалогический метод. **Результаты, обсуждение.** Предком большей части жителей Палагая и Гулекшура является бесермянин Зянбулат Бекбулатов Бедиков, в 1654 году основавший поч. Выше Верхеево Убыти. На рубеже XVII–XVIII веков данный починок разделился на два – У речки Убыти и Зянбулатово. В одном жили потомки Абаша Зянбулатова – Абашевы, в другом – его брата Тубача – Зянбаевы. Массовая христианизация середины XVIII века привела к разделению поч. У речки Убыти на православную и нехристианскую части. Данное размежевание произошло между ближайшими родственниками. Жители не принявшего христианство починка в дальнейшем составили основу населения татарской д. Палагай, все остальные – бесермянской д. Гулекшур. **Заключение.** Рассмотренный пример истории Палагая и Гулекшура иллюстрирует общие процессы этногенеза бесермян и чепецких татар. Сильнейшее влияние на него оказало крещение середины XVIII века.

Ключевые слова: бесермяне; чепецкие татары; Палагай; Гулекшур; христианизация.

Введение

Всестороннее изучение бесермянского народа имеет богатую историографическую традицию. Последняя, в свою очередь, также являлась объектом исследований [см., например: Попова, 1997]. Значительное внимание уделялось таким важным аспектам, как развитие демографических процессов, влияние конфессиональных и иных факторов на развитие этноса [Луппов, 1997; Тепляшина, 1969; ее же, 1970; Исхаков, 1980; Чураков, 2015]. Среди совокупности научных методов, использовавшихся учеными, определенное значение имели генеалогические. Современные возможности доступа к имеющимся источникам (в данном случае – в первую очередь переписям населения), которые можно назвать архивной революцией, значительно расширили их использование. В том числе поэтому достаточно обширные масштабы приобрела практическая генеалогия [см., например: Бесермянские родословные]. В одной из последних публикаций нами рассмотрено развитие поселенческой сети бесермян в XVII – середине XX века [Пислегин, 2024]. Следует отметить, что аспекты развития отдельных групп населенных пунктов в ней не получили должного отражения. В частности, не раскрыты конкретные пути появления современных дд. Палагай и Гулекшур, в наши дни находящихся в Юкаменском районе Удмуртской Республики. Без сомнения, в значительной степени они были связаны с проведенной в середине XVIII века массовой христианизацией.

Целью статьи является раскрытие темы с упором на обращение к конкретным генеалогическим линиям истоков данных селений.

Материалы и методы

Основным материалом статьи служат сведения ранних переписей (дозоров, писцовых описаний, подворных переписей, сказок I–III ревизий), в том числе опубликованных и систематизированных в научных изданиях. Основным методом исследования является генеалогический. В силу особенностей подавляющей части источников, учитывающих только или предпочтительно души мужского пола и, как следствие, формирующих представление о патриархальном характере бесермянского общества, объектом исследования являются патрилинейная его часть.

Результаты исследования, обсуждение

Большая часть жителей трех населенных пунктов (по крайней мере, существовало формальное их разделение на основании принадлежности разным малым административно-территориальным единицам), существовавших в середине – второй половине XVIII века и генетически связанных с современными Палагаем и Гулекшуром, выводятся к семье выходца из д. Гордянское городище на Ключе (современная Гордино Балезинского района) Зянбулата (Янбулата) Бекбулатова Бедикова. Он, предположительно, происходил из

пог. Шамардан (современная д. Шамарданово Слободского района Кировской области), в 1646 году вместе с сыновьями, женатым Абашем (Абышем) и 12-летним Тубашем (Тобачем / Тубачем), являлся половником каринского татарина или бесермянина из Нижнего Погоста (ныне с. Карино Слободского района) Янбахты Урасинова. В 1654 году ими был основан поч. Выше Верхеево Убыти. По переписи новоприставных дворов 1662 года, оба его сына были женаты, дети пока были только у старшего Абаша (Ишмамет, Дусмамет, Ермемет, Зямамет) [Удмуртское Прикамье, 2009; 2016].

В 1678 году в поч. Над речкою Убытью проживали Зянбулат Бекбулатов Бедиков и его внуки Ешмемет, Ермемет, Замамет Абашевы, Дахтубай, Беген и Шахмамет Тубачевы. К 1710 году населенный пункт, очевидно, разделился на два. В поч. У речки Убыти Зянбулатов удмуртской Верхочепецкой Верхней доли числились Ермамет (Ермемет) Абашев Зябулатов с сыновьями Мамятцыфой (Матвеем) и Бекмеметем и его брат Замамет с сыновьями Мусоном и Кулмаметем и внуком Юнусом (в последующем последний указывался сыном). В поч. У речки Угодью (т.е. Убытью) Верхочепецкой Нижней доли жили Тукбай (ранее Дахтубай) Тубачев Зенбулатов с сыном Чюбушем, его братья Бегеней и Шахмемет с сыном Рысом. Мы видим, что потомки Абаша Зянбулатова жили в первом селении, а его брата Тубача – во втором [Пислегин, Чураков, 2020, с. 79, 81; Удмуртское Прикамье, 2009; 2016]. Для удобства восприятия охарактеризованные линии представим следующей схемой (см. рис. 1).

Отдельно следует заметить, что от переписи к переписи названия населенных пунктов варьировались. Обращение к конкретным генеалогическим линиям дополнительно помогает не запутаться. Ландратская перепись 1717 года

Рис. 1. Зянбулат Бекбулатов Бедиков и его потомки (1646–1710 гг.)

и ревизская перепись 1722 года в отношении указанных селений в целом друг другу не противоречат. Однако в сказке 1722 года информация более полная; также встречаются различия в указаниях поколенных связей, «плавающие» имена и изменения в порядке написания отчеств и дедичеств. В это время поч. У речки Угодью приобретает наименование д. Зянбулатовская, чуть позже поч. У речки Убыти Зянбулатов, напротив, в названии «теряет» указание на имя первооснователя.

Ближе к концу первой четверти XVIII века в поч. У речки Убыти Зянбулатов у все еще здравствующего Ермамета Абашева (в 1717 г. назван Ирмаметом Абышевым Зянбулатовым, в 1722 году – Иремеем Зянбулатовым Абашевым) указаны отмеченный ранее сын Мамятцыфа (Матвей, Маметсуфы) с сыном Муслюмом, сын / внук Маметкул (Меметкул) с сыном / внуком Курбаналеем (Курбаноем), сын / внук Бекмемет (Бехмемет; вероятнее, также отмечен в 1710 году) и сын / внук Васька (Василей). Зямамет Абашев (Замет Абашев Зянбулатов, Зямет Зянбулатов Абашев) имел отмеченных ранее сыновей Мусона (Мусека, Мусега), Юнуса и Кулмаметя (Мамета, Мемета), к ним добавились Алмей (с сыном Атабаем), Хадыр, Хулмей и Зянбулат. В д. Зянбулатовская перепись 1717 года была проведена неудачно – упущенными оказались 3 из отмеченных ранее 5 мужских душ. В сказке 1722 года они вновь появились: Тукбай Тубачев Зенбулатов был наименован Тукбаев Зянбулатовым Зянбаевым, его сын Чюбыш – Чабышем, Бегеней (Берекей Зянбулатов Зянбаев) теперь имел сыновей Елыкея и Ерыкея, у Шахмемета (Зябулат Тукташев Зянбулатов, Шихмамет Зянбулатов Зянбаев), кроме указанного ранее сына Рыса, в 1717 году был сын Алексей. Несомненно, с ними был связан ближайшими родственными связями Мираз Зянбулатов Зянбаев, но почему-то в более ранние переписи он не попал. В 1722 году у него уже были два сына – Иркей и Ураза [Удмуртское Прикамье, 2016; Пислегин, Чураков, 2016].

Где-то во второй четверти XVIII века поч. У речки Убыти, в котором проживали потомки Абаша Зянбулатова (Абашевы), начал относиться к Убытскому концу разделившейся Верхочепецкой удмуртской Верхней доли, а д. Зянбулатовская (преемники Тобача Зянбулатова – Зянбулатовы, ставшие Зянбаевыми (Зямбаевыми)) – к Ежевским деревням также раздробившейся Верхочепецкой удмуртской Нижней доли. В середине XVIII века, между 1747–1762 годами (вероятно, вскоре после 1755 года), жители части первого селения и полностью – второго – приняли православие [Пислегин, Чураков, 2020, с. 106, 110, 129, 134, 155, 159, 182, 186, 189]. Приведем их генеалогические линии, в том числе отмечая принятые в крещении имена (см. рис. 2–8) [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3190. Л. 426–427, 429–430об.; Д. 3198. Л. 268об.–271, 412–415; Д. 3199. Л. 337–339].

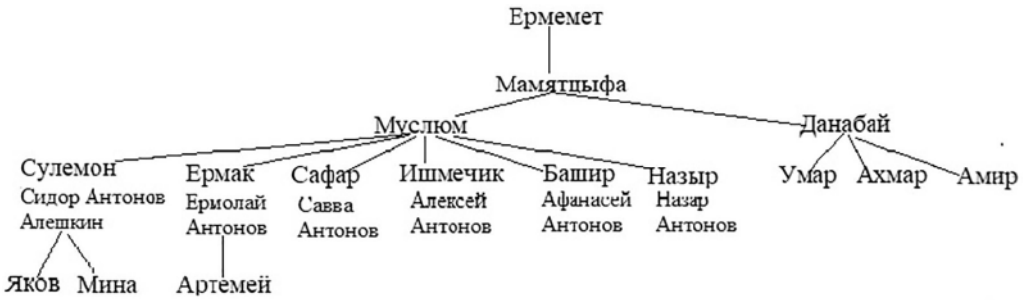

Рис. 2. Потомки Ермамета (Ермемета) Абашева через его сына Мамятцыфу Ермеметева (Меметьсфу Ирмеева) Абашева в период 1710–1762 гг. (поч. У речки Убыти)

Рис. 3. Потомки Ермамета Абашева через его сына / внука Маметкула Ермеметева (Меметхула Ирмеева) Абашева (после 1710–1762 гг.) (поч. У речки Убыти)

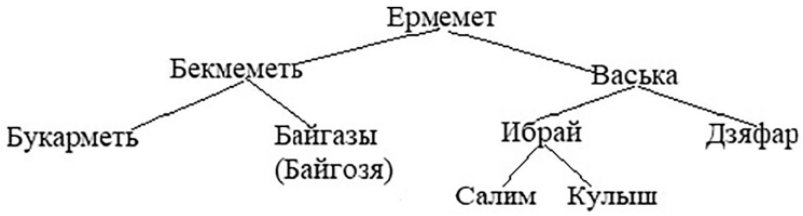

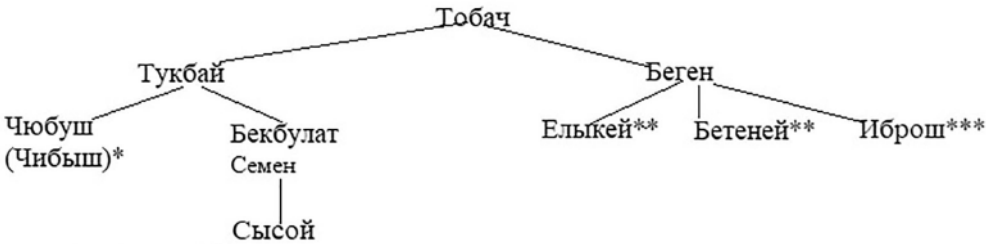
Рис. 4. Потомки Ермамета (Ермемета) Абашева через его сына Бекмеметя (Бекмета) и сына / внука Ваську (Василея) Ермеметевых (Ирмеевых) Абашевых в период после 1710–1762 гг. (поч. У речки Убыти)

Рис. 5. Потомки Зямамета (Замета) Абашева через его сыновей Мусона (Мусега, Мучяка), Юнуса, Кулмаметя (Мемета), Хулмея (Хенмея) и Зянбулата Зямаметевых (Зякмекзяевых) Абашевых в период 1710 / после 1710–1762 гг. (поч. У речки Убыти)

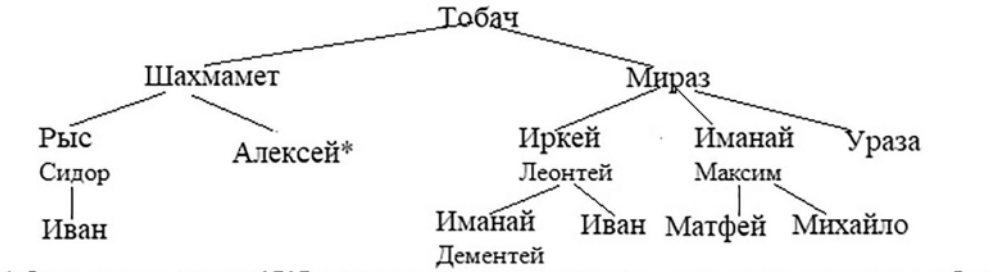

Рис. 6. Потомки Зямамета (Замета) Абашева через его сыновей Алмея и Хадыра Зямаметевых (Зякмекзяевых) Абашевых в период после 1710–1762 гг. (поч. У речки Убыти)

* Умер в 1761 г. некрещеным, две дочери из трех крещение приняли.
** Отмечены в сказке 1722 г., в дальнейшем в населенном пункте не указывались.
*** Умер в 1756 г. некрещеным, потомство не отмечено.

Рис. 7. Потомки Тобача Зянбулатова через сыновей Тукбая и Бегена (Бегенея, Берекея) Тубачевых Зянбаевых в период 1710–1762 гг. (д. Зянбулатовская Ежевских деревень Нижней доли)

* Отмечен в переписи 1717 г., в дальнейшем не указывался, крещен, скорее всего, не был.

Рис. 8. Потомки Тобача Зянбулатова через сыновей Шахмамета (Шихмамета) и Мираза Тубачевых (Зянбулатовых) Зянбаевых в период 1710–1762 гг. (д. Зянбулатовская Ежевских деревень Нижней доли)

При обращении к представленным схемам становится очевидным, что вследствие христианизации между жителями поч. У речки Убыти произошел раскол по конфессиональному основанию. Очевидно, что он случился среди близких родственников. Так, дети Муслюма Мамятцыфеева (Мамецфиева) Абашева, умершего в 1755 году (в переписи отчество указано по деду – Ирмеев), стали православными, а их родной дядя, младший брат отца, Данабай с детьми этого не сделали. Так же случилось у потомков Зямамета Абашева Зянбулатова. Как итог, с III ревизии (1762) официально стали выделяться два починка с одним названием «У речки Убыти». Один из них (крещеные 25 муж., 14 жен.) продолжал относиться к Убытской стороне Верхней доли, другой (некрещеные 31 муж., 34 жен., в 1760 году они перевелись в лашманы, и в этом статусе «служилых» их потомки пребывали, по крайней мере, до 1816 года включительно) вошел в состав Лекомской стороны Бесермянской (с 1782 года – Татарской) доли. Напротив, жители д. Зянбулатовская Ежевских деревень Нижней доли, потомки Тобача Зянбулатова, в подавляющей массе стали христианами. Значит, их потомки остались бесермянами, по крайней мере, вплоть до середины XX века. У всех некрещеных сохранилось дедичество (фактически уже фамилия) Абашев, у крещеных пока были отмечены фамилии Алешкин (данная фамилия, очевидно, не закрепилась и в дальнейшем сменилась на другую), Невоструев и опять-таки Абашев, но у большей части пока были отражены только новые имена и отчества [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3198. Л. 338–415; Пислегин, Чураков, 2020, с. 275, 280, 286, 372].

Уже после разделения основанного Зянбулатом Бедиковым починка, между 1714 и 1717 годами, появился еще один, судя по названию (поч. Зянбулатов у речки Убыти, позднее – д. Зянбулатовская), теснейшим образом связанный с первыми. При этом административно он входил в Бесермянскую долю и его жители, в отличие от других, иногда указывавшихся удмуртами, всегда числились бесермянами. Возникновение данного населенного пункта (или части какого-то другого одноименного, формально относящейся к иной малой административно-территориальной единице) связано с Баймаметом Ахмаметевым Батуневым и его сыновьями Ахмаметом и Алмеем, предположительно, из д. Красная Слудка (современная Нижняя Слудка Глазовского района). Алмей, в крещении Иван Семенов Батюков, умер бездетным в 1754 году. И преемники Ахмамета, также принявшие православие, в конечном итоге не оставили потомства в населенном пункте: один, Василий Иванов, был отправлен в ссылку за воровство в 1755 году, другой, Шукур Ахмаметев Батюков – Иван Васильев Поторочинов, родившийся примерно в 1735 году, умер холостым и бездетным в 1795 году. Наконец, следы Сетхула Ахмаметева – Семена Авакумова Батюкова, отмеченного переписями 1747, 1762 годов, в дальнейшем теряются [Удмуртское Прикамье, 2016; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3190. Л. 1140 об.–1141; Д. 3198. Л. 363;

ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 11, л. 491об.]. Таким образом, данная бесермянская ветвь и, соответственно, связанное с ней поселение, скорее всего, заглохли. По факту принятия христианства и по функционировавшему названию указанный существовавший в XVIII веке населенный пункт следует, в первую очередь, увязывать с одноименной д. Зянбулатово вплоть до отождествления.

Факт отселения некрещеных от крещеных (или наоборот) получил отражение в сказке крещеного поч. У речки Убыти, где имеются указания о переводе не принявших православие «из вышепоказанного починка… в деревню Надыровскую». Однако в последующем населенного пункта с подобным названием не фиксировалось. В 1782 и 1795 годах по-прежнему, как в III ревизию, указывались два поч. У речки Убыти (крещеный и некрещеный) и две д. Зянбулатовская (Убытского конца Верхней доли и Лекомского – Бесермянской). После административно-территориальной реформы 1796/1797 года остались только один поч. У речки Убыти (вначале Починошной волости Глазовского уезда, а после ее ликвидации в 1825 году – Чуринской) и одна д. Зянбулатовская (Юберевской волости Глазовского уезда). После очередного административно-территориального преобразования в рамках реформ П.Д. Киселева 1837–1841 годов оба этих населенных пункта вошли в состав Починошного сельского общества Кочуковской волости. В сказке X ревизии (1850) нам впервые встретился ныне являющийся официальным вариант названия починка – Палагинской. Очевидно, таким образом была обозначена нынешняя д. Палагай. Кроме Абашевых, в ней также было зафиксировано некоторое число носителей фамилии Касимов (очевидно, татар). Последние подселились сюда, скорее всего, в конце XVIII века (между 1795–1811 годами) из д. Кестым (ныне Балезинского района). У деревни, которая в наши дни (и уже значительно более 100 лет) называется Гулекшуром, в 1850 году также был приведен вариант названия – Русско-Палагинская. В ней проживали Абашевы, Зямбаевы, Мышкины, Невоструевы и Калинины. Первые две фамилии восходят к дохристианским, причем как минимум Абашевы, определенно, являлись потомками жителей поч. У речки Убыти первой половины XVIII века. Еще одно неофициальное наименование, Заходпочинка, а также предание об основании населенного пункта из Малого Палагая (вероятнее, образованного в пореформенное время, собственно, из Палагая и в наши дни являющегося частью материнской деревни), скорее всего, указывают на место его первоначального расположения [ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 122. Л. 449–460, 523–544; Пислегин, Чураков, 2020, с. 275, 280, 286, 368, 372, 489, 495, 575; Галеев; Попова, 2011, с. 314–315].

Заключение

Из всего вышесказанного очевидно, что истоком таких современных деревень, как татарская Палагай и бесермянская Гулекшур, является образованный в 1654 году поч. Выше Верхеево Убыти. Его основатели,

бесермяне Зянбулат Бекбулатов Бедиков с сыновьями Абашем и Тубачем, являются первопредками подавляющего большинства современных жителей данных населенных пунктов (по крайней мере, тех из них, чьи деды и прадеды проживали здесь в начале XX века). Где-то на рубеже XVII–XVIII веков починок, возможно, формально разделился на два селения – поч. У речки Убыти и д. Зянбулатово. Немного позже выходцы из д. Красная Слудка, скорее всего, подселились в последнюю, однако их генеалогическая линия заглохла к концу столетия. Оформление Палагая и Гулекшура как действительно самостоятельных населенных пунктов приходится на середину XVIII века, время массового крещения. Жители поч. У речки Убыти, не принявшие православие, составили основу для первого селения, остальные – для второго (см. рис. 9). Только потомки последних остались бесермянами, тогда как палагайцы в конечном итоге через последующее принятие ислама выбрали путь отатаривания.

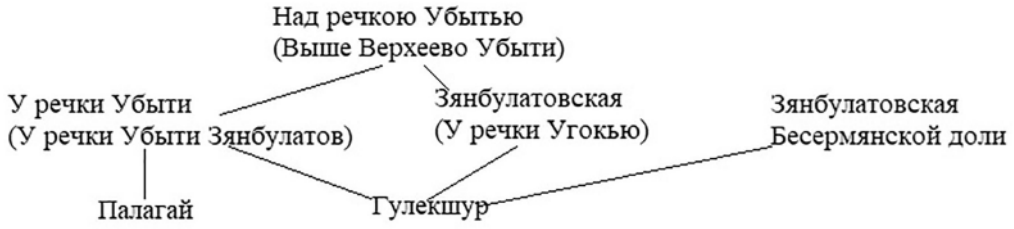

Рис. 9. Схема оформления дд. Палагай и Гулекшур (середина XVII – середина XVIII века)

Таким образом, рассмотренный пример истории Палагая и Гулекшура через обращение к ранней генеалогии их жителей иллюстрирует общие процессы этногенеза бесермян и чепецких татар. Значительнейшее влияние на него оказала массовая христианизация, предпринятая государством начиная с 1740-х годов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бесермянские родословные. Режим доступа: https://vk.com/public206773998 (дата обращения: 10.07.2025).

Галеев А.Х. О происхождении деревни Палагай Юкаменского района Удмуртской АССР. Страницы недавнего прошлого. Режим доступа: http://glazovskaya-zbc.3dn.ru/Galeev/palagaj.doc (дата обращения: 18.06.2025).

Исхаков Д.М. Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия булгарского и золотоордынско-тюркского этносов // Изучение преемственности этнокультурных явлений / Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1980. С. 16–38.

Луппов П.Н. О бесермянах // О бесермянах. Сб. ст. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1997. С. 19–49.

Пислегин Н.В. Населенные пункты бесермян в XVII – середине XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электрон. науч. журн.

Пислегин Н.В., Чураков В.С. Каринский стан Хлыновского уезда по материалам I ревизии (1722 г.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2016.

Пислегин Н.В., Чураков В.С. Населенные пункты Удмуртского Прикамья XVII – середины XIX в. / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2020. 784 с.

Попова Е.В. Бесермяне (краткий историографический обзор) // О бесермянах. Сб. ст. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1997. С. 3–18.

Попова Е.В. Культовые памятники и сакральные объекты бесермян: моногр. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2011. 320 с.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 3190, 3198, 3199.

Тепляшина Т.И. Становление бесермянских фамилий // Советское финно-угроведение. 1969. № 3 (V). С. 189–194.

Тепляшина Т.И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.

Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков / авт.-сост. Чураков В.С. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2009.

Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. Вып. 2 / авт.-сост. Чураков В.С. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2016.

Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 176. Оп. 8. Д. 11, 122.

Чураков В.С. Пионер в области изучения демографии каринских татар и бесермян (статья П.М. Сорокина из фондов Санкт-Петербургского отделения Архива РАН) // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2015. № 3 (28). С. 223–232.

Nikolay Pislegin

THE INHABITANTS OF THE SMALL SETTLEMENT OF U RECHKI UBYTI AND THE VILLAGE OF Z'ANBULATOVSKAYA BY THE MIDDLE OF THE XVIII CENTURY: THE BEGINNING OF THE TATAR VILLAGE OF PALAGAI AND BESERMYAN VILLAGE OF GULEKSHUR

Introduction. Despite the existence of a rich historiographical tradition of research on the Besermyan people, there is still insufficient research in the field of referring to their genealogical lines, which, in particular, makes it possible to clarify the emergence and development of individual settlements, the ethnic processes of the Besermyan and Tatar demarcation. **The purpose of the article** is to reveal the origins of the Tatar village of Palagai and the Besermyan village of Gulekshur, with an emphasis on addressing specific genealogical lines of the inhabitants of these villages. **Materials and methods.** The main material of the article is the data

from the early censuses (XVII - mid-XVIII centuries). The research is based on the genealogical method. **Results, discussion.** The ancestor of most of the inhabitants of the villages of Palagai and Gulekshur is the Besermyan man Z'anbulat Bekbulatov Bedikov. In 1654, he founded the small settlement of Vyshe Verheevo Ubyti. At the turn of the XVII-XVIII centuries, this village was divided into two settlements - the U Rechki Ubyti and the Z'anbulatovo. The descendants of Abash Z'anbulatov lived in the first village, and the descendants of his brother Tubach lived in the other. Mass Christianization in the middle of the XVIII century led to the division of the village of the U Rechki Ubyti into Orthodox and non-Christian parts. This separation occurred between the closest relatives. The inhabitants of the part of the village of the U Rechki Ubyti, who did not convert to Christianity, became the ancestors of the inhabitants of the Tatar village of Palagai. All the others became the ancestors of the inhabitants of the Besermyan village of Gulekshur. **Conclusion.** The considered example of the history of the villages of Palagay and Gulekshur illustrates the general processes of ethnogenesis of the Besermyans and the Tatars of the Cheptsa River. These processes were strongly influenced by the baptism of the middle of the XVIII century.

Keywords: Besermyans; Tatars of the Cheptsa River; Palagay; Gulekshur; Christianization.

REFERENCES

Besermjanskie rodoslovnye [Besermyan pedigrees], available at: https://vk.com/public206773998 (accessed 10 July 2025). (In Russian).

Galeev A.H. O proishozhdenii derevni Palagaj Yukamenskogo rajona Udmurtskoj ASSR. Stranicy nedavnego proshlogo [About the origin of the village of Palagai of the Yukamensky district of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic. Pages of the recent past.], available at: http://glazovskaya-zbc.3dn.ru/Galeev/palagaj.doc (accessed 18 June 2025). (In Russian).

Ishakov D.M. Tataro-besermjanskie etnicheskie svjazi kak model' vzaimodejstvija bulgarskogo i zolotoordynsko-tjurkskogo etnosov [Tatar-Besermyan ethnic ties as a model of interaction between the Bulgarian and Golden Horde-Turkic ethnic groups]. *Izuchenie preemstvennocti etno-kul'turnyh javlenij,* 1980, pp. 16-38. (In Russian).

Luppov P.N. O besermjanah [About the Besermyans]. *O besermjanah. Sbornik statej*. Izhevsk, Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury Ural'skogo Otdelenija Rosijskoj Akademii nauk, 1997, pp. 19-49. (In Russian).

Pislegin N.V. Naselennye punkty besermjan v XVII – seredine XX veka [Settlements of Besermyans in the XVII - mid-XX century]. *Vestnik orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universita*, 2024, no. 3 (51), pp. 257-273. (In Russian).

Pislegin N.V., Churakov V.S. Karinskij stan Hlynovskogo uezda po materialam I revizii (1722 g.) [Karino stan of Khlynov county based on the materials of the First revision (1722)]. Izhevsk, Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury Ural'skogo Otdelenija Rosijskoj Akademii nauk, 2016. (In Russian).

Pislegin N.V., Churakov V.S. Naselennye punkty Udmurtskogo Prikam'ja XVII – serediny XIX v. [Populated Areas of the Udmurt Kama Region in the XVII - mid-XIX centuries]. Izhevsk, Udmurtskij federal'nyj issledovatel'skij centr Ural'skogo Otdelenija Rosijskoj Akademii nauk, 2020, 784 p. (In Russian).

Popova E.V. Besermjane (kratkij istoriograficheskij obzor) [Besermyans (a brief historiographical review)]. *O Besermjanah. Sbornik statej.* Izhevsk, Udmurtskii institut istorii, jazyka i literatury Ural'skogo Otdelenija Rosijskoj Akademii nauk, 1997, pp. 3-18. (In Russian).

Popova E.V. Kul'tovye pamjatniki i sakral'nye ob"ekty besermjan [Religious Monuments and Sacred Objects of the Besermyans]. Izhevsk, Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury Ural'skogo Otdelenija Rosijskoj Akademii nauk, 2011, 320 p. (In Russian).

Rossijskij gosudrstvennyj arhiv drevnih actov. Fond 350. Opis' 2. Dokument 3190, 3198, 3199 [The Russian State Archive of Ancient Acts. Archives 350. Anagraph 2. Document 3190, 3198, 3199]. (In Russian).

Tepljashina T.I. Stanovlenie besermjanskih familij [Formation of Besermyan surnames]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*, 1969, no. 3 (V), pp. 189-194. (In Russian).

Tepljashina T.I. Jazyk besermjan [Language of the Besermyans]. Moscow, Nauka, 1970. 288 p. (In Russian).

Churakov V.S. Udmurtskoe Prikam'e po piscovym opisanijam i podvornym perepisjam XVII – nachala XVIII veka [Udmurt Kama region according to scribal descriptions and household censuses of the XVII - early XVIII centuries]. Izhevsk, Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury Ural'skogo Otdelenija Rosijskoj Akademii nauk, 2009. (In Russian).

Churakov V.S. Udmurtskoe Prikam'e po piscovym opisanijam i podvornym perepisjam XVII – nachala XVIII veka [Udmurt Kama region according to scribal descriptions and household censuses of the XVII - early XVIII centuries]. Izhevsk, Udmurtskii institut istorii, jazyka i literatury Ural'skogo Otdelenija Rosijskoj Akademii nauk, iss. 2, 2016. (In Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti. Fond 176. Opis'. 8. Dokument 11, 122 [The Central State Archives of the Kirov Region. Archives 176. Anagraph 8. Document 11, 122]. (In Russian).

Churakov V.S. Pioner v oblasti izuchenija demografii karinskih tatar i besermjan [A pioneer in the study of the demography of the Karin Tatars and Besermyans]. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoj reconstrukcii*, 2015, no. 3 (28), pp. 223-232. (In Russian).

Пислегин Николай Викторович
кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, г. Ижевск
e-mail: cpeg@rambler.ru

Nikolay Pislegin
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of Udmurt Institute of History, Language and Literature of Udmurt Federal Research Centre of Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Izhevsk
e-mail: cpeg@rambler.ru

УДК 94 (470.343)
DOI 10.51254/2312-0312-2025-3-71-66-79

РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА ОБ УРОВНЕ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МАРИЙЦЕВ XV–XVI ВЕКОВ

© 2025 г. С.К. Свечников

Введение. Историография оценки уровня общественного развития марийского народа в XV–XVI веках в трудах российских ученых XVIII – первой половины XIX века остается важной, но малоизученной темой. **Цель статьи** – проанализировать, как российские ученые XVIII – первой половины XIX века оценивали уровень общественного развития марийцев XV–XVI веков. **Материалы и методы.** Основным материалом статьи служат труды российских ученых XVIII – первой половины XIX века. Методы исследования: конкретно-исторический, сравнительно-исторический, историко-биографический, анализ историографической ситуации. **Результаты исследования, обсуждение.** В трудах по русской истории, созданных в XVIII – первой половине XIX века, общественному развитию народов, вошедших в состав России, в том числе марийцев, уделялось мало внимания. Оценка уровня развития марийского общества XV–XVI веков производилась лишь несколькими исследователями, причем на основе ограниченного круга источников и крайне лаконично. Ученые XVIII века, с одной стороны, исходили из отраженного в «Казанской истории» и русских летописях представления о том, что в XV–XVI веках черемисы были похожи на русское тяглое население, с другой стороны, находились под влиянием европейского концепта «дикости». В первой половине XIX столетия российские историографы применяли более европоцентристские подходы при анализе уровня социального развития марийцев в XV–XVI веках. Черемисы этого периода рассматривались как представители примитивного, нецивилизованного общества. **Заключение.** Российские ученые XVIII – первой половины XIX века при оценивании уровня общественного развития марийского народа XV–XVI веков в основном следовали западноевропейской парадигме, возникшей в результате взаимодействия европейцев с аборигенным населением.

Ключевые слова: историография; марийцы; черемисы; дикий; варвары; полудикие; предания; знать; скотоводы; земледельцы.

Введение

К началу XVIII века марийцы (черемисы), полностью перейдя к мирной жизни, утратили свое центральное место в политических событиях Восточной Европы. Став частью многонационального Российского государства, они перестали привлекать тот же интерес, который ранее проявляли к ним русские и зарубежные авторы. Век XVI, который был «звездным» для марийцев, остался позади, и память о воинственных черемисах постепенно уходила в историю. В сочинениях XVIII века, посвященных марийцам, все больше внимания уделялось описанию их внутреннего уклада жизни. Эти работы, как правило, сосредоточивались не на этнической истории, а на непосредственном наблюдении за реальностью.

В конце XVII – начале XVIII века в России начался процесс формирования исторической науки, ознаменовавший собой переход от летописного нарратива к научному историческому исследованию. В исторических трудах, посвященных периоду XV–XVI веков, можно обнаружить упоминания черемисов, однако их роль в контексте русско-казанского противостояния, как правило, ограничивалась кратким изложением фактов. Социальная реальность марийского этноса этого времени оставалась либо слабо освещенной, либо вовсе не рассматривалась. Это неудивительно, учитывая, что историки XVIII века представляли исторический путь развития страны скорее как череду сменяющих друг друга правителей, нежели как сложный процесс социальных изменений. Более глубокий и комплексный анализ социальных процессов в контексте исторического развития страны стал возможен лишь на последующих этапах эволюции исторической науки, когда сформировались методологические основы для изучения социальных изменений и их влияния на формирование государственных структур и общественных отношений.

Цель статьи – проанализировать, как российские ученые XVIII – первой половины XIX века оценивали уровень общественного развития марийцев XV–XVI веков.

Материалы и методы

Основным материалом статьи служат труды русских историков и этнографов XVIII – первой половины XIX века. В данной работе нашли применение следующие методы исследования: конкретно-исторический и сравнительно-исторический для выяснения исторической последовательности, генетической связи явлений и синхронизации фактов, историко-биографический для определения влияния жизненного пути на создание научных исследований, анализ историографической ситуации для выявления воздействия внешних обстоятельств на развитие национальных историографических традиций.

Результаты исследования, обсуждение

Одним из первых русских авторов, применявших научный подход к истории, был стольник А.И. Лызлов (ок. 1655–1697). Его фундаментальный труд «Скифская история» является первым в России историческим исследованием, имеющим признаки монографии (реконструкция событий, сопоставление материалов, система ссылок на использованные источники и литературу). В этой работе показана история борьбы народов Европы с кочевниками с древнейших времен до конца XVI века. Пять глав книги посвящены российско-казанским отношениям. В основу повествования была положена «Казанская история», однако автор сопоставлял ее текст и с другими источниками – «Степенной книгой», «Историей великого князя московского» А.М. Курбского, «Хронографом редакции 1512 года», не дошедшим до нас «Летописцем Затопа Засекина», а также работами иностранных авторов («Описанием Европейской Сарматии» Александра Гваньини и «Универсальными реляциями» Джованни Ботеро). Опираясь на иностранную литературу, А.И. Лызлов отметил относительно высокий уровень социально-экономического и культурного развития Казанского ханства, а черемис отнес к народам, которые «вельми суть приклонны к чародейству и волхованию» [1990, с. 47–48]. Вместе с тем автор, сосредоточившись на показе военно-политических событий, не позаимствовал из «Казанской истории» описаний жизненного уклада черемис. Из данного памятника оригинальной древнерусской литературы была позаимствована только характеристика социального статуса черемис, причем содержательная фраза из «Казанской истории» «простыя земския люди, черемиса нижная, по рускому же чернь» [Казанская ... , 1954, с. 92] (она свидетельствует о том, что в России XVI века осознавали сопоставимость уровня общественного развития русских и марийцев), преобразована в незамысловатое словосочетание «народ простый» [Лызлов, 1990, с. 49].

Родоначальником исторической науки в России считается ученый-энциклопедист В.Н. Татищев (1686–1750). Он известен как автор крупного исторического труда «История Российская», включающего в себя и сюжеты, связанные с историей марийского народа XV–XVI веков. Однако следует признать, что автор здесь ограничился лишь пересказом русских летописей [Татищев, 1996, т. 5, 6]. Как выразился П.Н. Милюков, «Татищев представил нам в своей «Истории» не историю, и даже не предварительную ученую разработку материала для будущей истории, а ту же летопись в новом татищевском своде» [Милюков, 2025, с. 86]. Тем не менее взгляды В.Н. Татищева на уровень общественного развития марийцев можно выявить на основе его высказываний в других трудах, правда, опубликованных через много лет после смерти ученого.

Татищев являлся одним из первых проводников идей Просвещения в России. На его мировоззрение большое влияние оказали труды Христиана Вольфа, Самуэля Пуфендорфа, Пьера Бейля и других европейских мыслителей. При написании своих работ исходил из принципов рационализма и идеи прогресса человеческого разума («просвещение ума человеческого» [Татищев, 1996, т. 8, с. 76]). В 1733 году в философском трактате «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ» В.Н. Татищев изложил свои взгляды на всемирную историю. Он выделил три этапа в развитии человечества, сравнивая их с периодами жизни человека. Согласно его взглядам, периоду младенчества соответствует дописьменный этап, когда «большая часть, ослепясь буйством, в невежество суеверия впали, сквернодейства и свирепости, яко же протчие самим вредительные обстоятельства и поступки, за благополучие и пользу почитали», «народы в глубочайшей темноте неведения и невежества оставались» [Там же, с. 70, 72]. Юность он связал с появлением письменности и распространением христианства, а «стан мужеский» – с возникновением книгопечатания [Там же, с. 70–79]. Черемисов, причем даже не древних, а современных, В.Н. Татищев относил к дописьменным народам, призывая открывать для них школы, обращать «в христианство и благочестное житие привести и к домовному житию приучить» [Там же, с. 104].

В 1744 году ученый написал «Введение к гисторическому и географическому описанию Великороссийской империи», где он дал краткие историко-этнографические сведения о народах России, в том числе и о марийцах. По словам В.Н. Татищева, черемисы – «идолопоклонники», «люди возрастные и мужественные», наряду с мордвой и вотяками (удмуртами) «прилежные земледельцы», «хотя грамоты не имеют» [Татищев, 1950, с. 172, 182].

В течение многих лет В.Н. Татищев собирал разнообразный материал о России и ее народах. Огромный интерес представляет разработанная им анкета для собирания историко-этнографических и географических сведений через местное начальство разных городов Сибири и Урала. Эта анкета была составлена и разослана в первый раз в 1734 году и состояла из 92 вопросов. Во второй, расширенной редакции, выполненной в 1737 году, она содержала уже 198 вопросов. Ответы на разосланную анкету поступали из разных мест, среди них были и две рукописи, составленные по итогам сбора информации в марийской деревне Батемиркова Бисертской волости Верхотурского уезда (сейчас населенного пункта с подобным названием в верховьях Бисерти нет; в местности, описанной в указанных материалах, ныне существует единственное поселение с преобладающим марийским населением – село Старобухарово (мар. *Ялгиян*) Нижнесергинского района Свердловской области). Эти рукописи, хранящиеся в фонде Г.Ф. Миллера Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, были впервые введены в научный оборот Г.А. Сепеевым в 1965 году

[Сепеев, 1965] и опубликованы А.Г. Ивановым и Г.А. Сепеевым в 1994 году [Иванов, Сепеев, 1994]. К сожалению, других материалов по марийцам среди ответов на анкеты В.Н. Татищева не обнаружено. При этом следует признать, что сведения о жителях деревни Батемиркова, живших на северо-восточной периферии своей этнической территории и, более того, изолированных от основной части марийского народа, недостаточно репрезентативны применительно ко всему этносу. Если полученные материалы по этнографии имеют определенную ценность (используя метод экстраполяции, их можно использовать и при реконструкции социальной реальности марийцев предыдущей эпохи), то сведения по истории XV–XVI веков, основанные на местных устных традициях, не вполне достоверны. В частности, со слов информаторов в рассматриваемых рукописях указано, что «изкони века живут они под владением российских государей» и что «князей и владетелей у них особливых над ними из них черемиского рода как тамо и здесь из других, никогда не бывало» [Иванов, Сепеев, 1994, с. 85, 90, 96–97]. Выходило, что марийцы Верхотурского уезда в первой половине XVIII века не помнили, что в XV–XVI веках их предки были в составе Казанского ханства и имели свою собственную знать.

Дальнейшее этнографическое исследование марийцев и других народов России осуществлялось в рамках академических экспедиций 1733–1743 и 1768–1774 годов (Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, П.С. Паллас, П.И. и Н.П. Рычковы, И.П. Фальк, И.Г. Георги). Был собран огромный, ценный материал по этнической материальной и духовной культуре, однако сведений по истории (исторических преданий) участниками экспедиций выявлено крайне мало. Академик Г.Ф. Миллер (1705–1783) по этому поводу сокрушался: «Сперва надеялся я получить у сих народов о древних их временах, о их происхождении, о прежних жилищах, о бывших войнах и о прочем, некоторое хотя не ясное и с баснословными обстоятельствами соединенное известие, но тщетно. На таковые вопросы они ни малого ответа дать не умеют, а извиняются своею простотою, которая им о таких делах размышлять не позволяет» [1791, с. 30–31]. Между тем современные исследователи В.А. Глухов и Н.Н. Глухова на основе системного анализа фольклорно-мифологического материала, на основе статистических и семантических методов пришли к выводу, что именно в XVII – XVIII веках было создано максимум марийских преданий [2007, с. 48]. Из всех участников академических экспедиций только молодому и сметливому ученому Н.П. Рычкову (1746–1784) впервые удалось записать исторические предания о представителях марийской знати – повествование о «древних владетелях черемисских» Сархандае, Кулсари, Атурае, Адае [1770, с. 152–154] и сказание о малмыжском князе Болтуше [1772, с. 17–18].

Академик И.Г. Георги (1729–1802) в конце XVIII века систематизировал сведения, накопленные в результате академических экспедиций, в обобщающем труде «Описание всех обитающих в Российском государстве народов». Несомненной его заслугой является попытка определения уровня общественного развития марийцев до их вхождения в состав России. Очевидно, под влиянием сведений, опубликованных Н.П. Рычковым, автор пришел к выводу, что подвластные татарам черемисы имели своих собственных ханов, династия которых пресеклась на Адае, «и теперь нет у них ни князей, ни дворян». Полагал, что до присоединения к России марийцы были скотоводами, затем под влиянием русских и «по причине стеснения мест» стали земледельцами. Данная точка зрения коррелируется с его же высказыванием о расселении черемис в период подчинения татарам «ближе к югу, между Волгой и Доном» [Георги, 1776, с. 26]. По всей видимости, И.Г. Георги взял за основу ошибочное мнение В.Н. Татищева о том, что черемисы являются потомками летописных печенегов, которые якобы переселились «в леса за Волгу». Данное предположение русский ученый сформулировал в своей рукописи «Введение к гисторическому и географическому описанию Великороссийской империи», хранившейся в Императорской академии наук и художеств [Татищев, 1950, с. 182, 195]. Разумеется, работавший в этой академии И.Г. Георги имел доступ к данной работе.

В отличие от И.Г. Георги другой участник академических экспедиций П.И. Рычков (1712–1777) относил черемис Казанского ханства к оседлым земледельческим народам. Правда, и он допустил ошибку: анализируя известный фрагмент «Казанской истории», где описываются особенности разных групп «черемис», неудачно отождествил с чувашами и удмуртами кокшайских и ветлужских черемис («сии мнятся быть чуваша и вотяки»), которые в источнике характеризуются «аки дикии» [1767, с. 127].

Многие русские авторы XVIII века (А.И. Манкиев, М.В. Ломоносов, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин), излагавшие историю России XV–XVI веков, хотя и упоминали черемис как поданных казанского хана и участников русско-казанских военно-политических отношений, но не давали оценку их уровню общественного развития. Следует принимать во внимание, что вышеупомянутые ученые являлись ключевыми фигурами эпохи Просвещения и их интеллектуальная деятельность была неразрывно связана с европейскими идейными течениями, включая те, которые сформировались в результате межкультурного взаимодействия между европейцами и коренным населением других частей света. Если представители просвещенной Западной Европы воспринимали все народы, жившие к востоку от их стран, в том числе в России, как дикарей, то и сами образованные русские в XVIII веке точно так же стали смотреть на окрестные народы [Елисеева, 2008, с. 559–568]. В целом в западной

культуре концепт «дикаря» раскрывается в трех смыслах, которые отражают как негативные, так и позитивные коннотации, присущие этому образу: «1. Тот, кто в силу своих негативных качеств ближе к животному, чем к человеку; 2. Тот, кто лишен определенного блага, а поэтому нуждается в руководстве и заботе; 3. Тот, кто лишен недостатков и пороков цивилизованного мира и, одновременно, обладает редкими для «цивилизации» достоинствами» [Воронов, 2020, с. 40, 42]. Иначе говоря, образ дикаря в западной культуре XVIII века представлял собой многослойное и противоречивое явление, отражающее сложные процессы формирования идентичности и восприятия социокультурных различий в эпоху Просвещения.

Формирование более отчетливо выраженного вестернизированного восприятия уровня общественного развития марийцев XV–XVI веков связано с именем выдающегося русского историка Н.М. Карамзина (1766–1826). В первой четверти XIX века он написал и опубликовал свой главный научный труд – 12-томную «Историю государства Российского». С одной стороны, историк учел достижения отечественной науки XVIII века, упомянув про «землю Черемисскую, изобильную хлебом и скотом – управляемую собственными князьями, но подвластную царю казанскому» [Карамзин, 1819, т. 6, с. 15]. С другой стороны, следуя уже западноевропейскому ментальному шаблону, Н.М. Карамзин называл марийцев XVI века «варварами», «дикарями», «дикими» [1819, т. 7. с. 133, 151; 1819, т. 8, с. 85, 201, 202; 1821, т. 9, с. 220, 417]. Важно отметить, что в России XIX века термины «варвар» и «дикий» имели различные значения, однако их прямое соотнесение со стадиями развития общества не прослеживалось. Они скорее отражали уровень культуры и поведения людей, нежели более широкие социальные или исторические процессы. В частности, согласно словарю В.И. Даля, варвар – это невежа, необразованный человек, грубый, жестокий, свирепый; дикий – природный, необразованный, необузданный, свирепый, суровый, странный, необычный [Даль, 1880, с. 167, 447]. Хотя трехчленное деление истории человечества на периоды дикости, варварства и цивилизации было сформулировано еще в трудах теоретиков Просвещения XVIII века, тем не менее четкое концептуальное оформление представления о дикости и варварстве как об универсальных исторических эпохах произошло только в 1870-х годах благодаря трудам известного американского ученого Л.Г. Моргана (1818–1881).

Особого внимания заслуживает то, что, будучи поклонником Ж.-Ж. Руссо (1712–1778), Н.М. Карамзин увидел в черемисских повстанцах второй половины XVI века «благородных дикарей», героически и бескомпромиссно отстаивающих свою независимость: «...бунт черемисский продолжался до конца Иоанновой жизни с остервенением удивительным: не имея ни сил, ни искусства для стройных битв в поле, сии дикари свирепые, озлобленные,

вероятно, жестокостью царских чиновников, резались с московскими воинами на пепле жилищ своих, в лесах и вертепах, летом и зимой; хотели независимости или смерти» [Карамзин, 1821, т. 9, с. 417]. Это высказывание созвучно взглядам Руссо, утверждавшего, что дикари «скорее неистовые, чем злые, более озабоченные тем, чтобы оградить себя от зла, чем подверженные искушению причинить зло другому», но при этом дикий человек, «блуждая в лесах, не обладал трудолюбием, не знал речи, не имел жилища» [Руссо, 1969, с. 67, 69].

Справедливости ради необходимо отметить, что Н.М. Карамзин ассоциировал с дикостью и современную ему русскую деревню, крестьян, сельский мир в целом. Это отчетливо прослеживается в его прозаическом этюде «Деревня» (1792), где он описывает сельскую местность как находящуюся «в тишине, на краю Европы, среди народов варварских». В этом же произведении Карамзин утверждает: «Деревня моя должна быть деревней – пустынею. Дикость для меня священна; она возвеличивает мой дух» [1834, с. 104, 105]. Углубляя эти мысли, в «Письме сельского жителя» (1802) Н.М. Карамзин указывал, что русские крестьяне без «добрых господ» одичают, начнут «в волю лениться и предаваться гнусному пороку пьянства» [Там же, с. 241]. Его взгляды отражают общие тенденции просветительской мысли того времени, которая стремилась к модернизации российского общества, рассматривая деревню как источник архаичных и варварских элементов. Тем не менее, оценивая русскую деревню XIX века как «дикую», Н.М. Карамзин, по сути, уравнивал русское и марийское крестьянство, что можно интерпретировать как невольную репрезентацию нарратива русских летописей XVI века, в которых черемисы рассматривались как люди, сопоставимые по своему социальному облику и статусу с русской «чернью».

Известным оппонентом Н.М. Карамзина был Н.А. Полевой (1796–1846), еще более ориентировавшийся на западноевропейскую историографию. Вместе с тем он придерживался схожих взглядов на уровень общественного развития марийцев и других народов Казанского ханства, характеризуя их как «варваров» и «диких» [Полевой, 1833, т. 6, с. 304, 322]. Также он использовал для их характеристики еще одно понятие – «полудикие народы» [Там же, с. 325, 333]. Автор не пояснил, какой смысл он вкладывает в эти слова. Возможно, он имел в виду то, что данные народы почти вышли из дикости, но не достигли просвещения. Вместе с тем следует учитывать, что в XIX веке слова «дикий» и «полудикий» считались синонимами. Это можно проиллюстрировать строками из стихотворения Н.А. Некрасова (1821–1877), написанного в 1846 году: «В неведомой глуши, в деревне полудикой я рос средь буйных дикарей...» [1981, с. 55].

Казанский ученый К.Ф. Фукс (1776–1846) в своей работе по истории Казани несколько раз упоминал черемис в контексте истории Казанского ханства, но не дал оценки уровню их общественного развития [Фукс, 1817]. Однако позднее в письмах своей жене А.А. Фукс, датируемых 1837 г., он называл современных ему черемис «полудикими людьми», давал им пейоративную характеристику: «... первобытные жители здешних печальных лесов суть унылые черемисы» [1840, с. 267, 284].

В труде Н.К. Баженова «Казанская история» (1804–1848) прослеживается продолжение восприятия марийцев XV–XVI веков как примитивного племени. Черемисы в нем показаны как «необузданные дикари», а также даны им уточняющие характеристики: «пастухи и звероловы», «тучные поля питали многочисленные стада их, а меткие стрелы, настигавшие резвый бег зверя, были единственным их занятием», «народ без всякой гражданственности, без верной идеи о священном назначении царя и долге подданных» [Баженов, 1847, ч. 1, с. 2, 34, 93; ч. 2, с 13]. Иными словами, марийское общество XV–XVI веков Н.К. Баженовым представлено как находящееся на ранней стадии социально-политического развития, где доминируют примитивные формы хозяйствования и общественного устройства.

«Полудикими» и «дикими» названы черемисы XV–XVI веков в первом труде по истории марийцев – «Очерке истории черемисов» А.И. Артемьева (1820–1874). Интересно, что в представлении автора, черемисы перестают быть «дикими», как только они обращаются в православие и начинают «считать себя такими же русскими» [Артемьев, 1848]. По большому счету, подобное отношение к «дикарям», вовлекаемым в цивилизованное общество посредством христианизации, было характерно для всей просвещенной Европы.

Заключение

В трудах по русской истории, созданных в XVIII – первой половине XIX века, процессы социальных изменений почти не затрагивались, соответственно, общественному развитию народов, вошедших в состав России, в том числе марийцев, уделялось очень мало внимания. Оценка уровня развития марийского общества XV–XVI веков производилась лишь несколькими исследователями, причем на основе ограниченного круга источников и крайне лаконично. Ученые XVIII века, с одной стороны, исходили из отраженного в «Казанской истории» и русских летописях представления о том, что в XV–XVI веках черемисы мало чем отличались от русского тяглого населения, с другой стороны, находились под влиянием европейского концепта «дикости». Имелись расхождения по вопросу об основном занятии марийцев до присоединения к России: одни относили их к кочевым скотоводам, другие – к оседлым земледельцам. В первой половине XIX века русские историки,

начиная с Н.М. Карамзина, стали придерживаться более вестернизированных взглядов при характеристике уровня общественного развития марийцев XV–XVI веков. Полностью господствовало мнение, что черемисы в те времена были дикарями, варварами, полудиким народом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Артемьев А.И. Очерк истории черемисов // Казанские губернские ведомости. 1848. № 21–23. Часть неофициальная. Отд. I.

Баженов Н.К. Казанская история. Ч. 1: Казанское царство. Казань: Тип. ун-та, 1847. VIII, 138, IV с.

Баженов Н.К. Казанская история. Ч. 2: По покорении Казани. Казань: Тип. Л. Шевица, 1847. 146 с.

Воронов В.М. Образ дикаря и концепт дикости: варианты сборки опыта понимания другого (теоретический дискурс и образы искусства) // Наука как общественное благо: сб. науч. ст. Т. 6. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2020. С. 40–43 [Электронный ресурс]: Издательство «Русское общество истории и философии науки». – URL: http://rshps.ru/books/congress2020t6.pdf (дата обращения: 01.07.2025).

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 1: О народах финского племени. СПб.: Имп. Акад. наук, 1776. XVI, 76 с.

Глухов В.А., Глухова Н.Н. Системная реконструкция марийской этнической идентичности. Йошкар-Ола, 2007. 184 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1: А–З. СПб.; М.: Изд-е книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. LXXXIV, 723 с.

Елисеева О.И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М.: Молодая гвардия, 2008. 597 с.

Иванов А.Г., Сепеев Г.А. Материалы анкеты В.Н. Татищева о марийцах Приуралья 30-х годов XVIII века // Марийский археографический вестник. 1994. Вып. 4. С. 83–105.

Казанская история. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 195 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 6. СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. 367, 173 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 7. СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. 235, 109 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 8. СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. 308, 163 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 9. СПб.: Тип. Н. Греча, 1821. 472, 296 с.

Карамзин Н.М. Сочинения. Т. 7. СПб.: Тип. Александра Смирдина, 1834. 296 с.

Лызлов А.И. Скифская история. М.: Наука, 1990. 519 с.

Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. 99 с.

Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М.: Юрайт, 2025. 303 с.

Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 1: Стихотворения 1838–1855 гг. Л.: Наука, 1981. 719 с.

Полевой Н.А. История русского народа. Т. 1. М.: Тип. Августа Симена, 1829. LXXXII, 368, VII с.

Полевой Н.А. История русского народа. Т. 6. М.: Тип. Августа Симена, 1833. 459, 60, XIII с.

Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. 703 с.

Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб.: Имп. Акад. наук, 1772. 189 с.

Рычков П.И. Опыт казанской истории древних и средних времен. СПб.: Имп. Акад. наук, 1767. 196 с.

Рычков Н.П. Продолжение журнала или дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства, 1770 году. СПб.: Имп. Акад. наук, 1770. 132 с.

Сепеев Г.А. Архивный документ первой половины XVIII века о восточных марийцах // Вопросы истории и литературы народов Среднего Поволжья: (Сб. ст.). Казань, 1965. С. 83–92.

Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М.: Географгиз, 1950. 248 с.

Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 5: История Российская. Ч. 3. М.: Ладомир, 1996. 345 с.

Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 6: История Российская. Ч. 4. М.: Ладомир, 1996. 439 с.

Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 8: Работы разных лет. М.: Ладомир, 1996. 466 с.

Фукс К.Ф. Краткая история города Казани. Казань: Ун-тская тип., 1817. 60 с.

Фукс К.Ф. Ответы // Фукс А.А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1840. С. 267–329.

Sergey Svechnikov

RUSSIAN SCIENTISTS OF THE 18th – FIRST HALF OF THE 19th CENTURIES ON THE LEVEL OF SOCIAL DEVELOPMENT OF MARI PEOPLE OF THE XV-XVI CENTURIES

Introduction. The historiography of the assessment of the level of social development of the Mari people in the 15th-16th centuries in the works of Russian scientists of the 18th - first half of the 19th century remains an important but little studied topic. **The purpose** of the article is to analyze how Russian scientists of the 18th - first half of the 19th centuries assessed the level of social development of the Mari people in the 15th-16th centuries. **Materials and methods.** The main material of the article is the works of Russian scientists of the 18th - first half of the 19th centuries. This research combines concrete-historical, comparative-historical, historical and biographical methods, and the analysis of the historiographical situation. **Research results, discussion.** In works on Russian history created in the 18th - first half of the 19th centuries, little attention was paid to the social development of the peoples that became part of Russia, including the Mari. The

level of development of Mari society in the 15th-16th centuries was assessed by only a few researchers, and on the basis of a limited range of sources and in a concise way. Scholars of the 18th century, on the one hand, proceeded from the idea reflected in the "Kazan History" and Russian chronicles that in the 15th-16th centuries the Cheremis were similar to the Russian tax population, on the other hand, they were influenced by the European concept of 'savagery'. In the first half of the 19th century, Russian historiographers applied more Eurocentric approaches when analyzing the level of social development of the Mari in the 15th-16th centuries. The Cheremis of this period were considered representatives of a primitive, uncivilized society. **Conclusion.** Russian scientists of the 18th - first half of the 19th centuries, when assessing the level of social development of the Mari people of the 15-16th centuries, mainly followed the Western European paradigm, which emerged because of the interaction of Europeans with the aboriginal population.

Keywords: historiography; Mari; Cheremis; wild; barbarians; semi-wild; legends; nobility; cattle breeders; farmers.

REFERENCES

Artem'ev A.I. Ocherk istorii cheremisov [Sketch of the history of the Cheremis]. *Kazanskie gubernskie vedomosti,* 1848, no. 21-23, chast' neoficial'naja, otdel pervyj. (In Russian).

Bazhenov N.K. Kazanskaja istorija. Chast' 1: Kazanskoe carstvo [Kazan history. Part 1. Kazan Tsardom]. Kazan', Tipografija universiteta, 1847, VIII, 138, IV p. (In Russian).

Bazhenov N.K. Kazanskaja istorija. Chast' 2: Po pokorenii Kazani [Kazan History. Part 2. After the Conquest of Kazan]. Kazan', Tipografija L. Shevica, 1847, 146 p. (In Russian).

Voronov V.M. Obraz dikarja i koncept dikosti: varianty sborki opyta ponimanija drugogo (teoreticheskij diskurs i obrazy iskusstva) [The image of the savage and the concept of savagery: variants of assembling the experience of understanding the other (theoretical discourse and images of art)]. *Nauka kak obshhestvennoe blago. Sbornik nauchnyh statej. Vol. 6,* Moscow, Izdatel'stvo "Russkoe obshhestvo istorii i filosofii nauk", 2020, pp. 40-43. (In Russian).

Georgi I.G. Opisanie vseh obitajushhih v Rossijskom gosudarstve narodov. Chast' 1: O narodah finskogo pelmeni [Description of all the peoples living in the Russian state. Part 1. About the peoples of the Finnish tribe]. Saint Petersburg, Imperatorskaja Akademija nauk, 1776, XVI, 76 p. (In Russian).

Gluhov V.A., Gluhova N.N. Sistemnaja rekonstrukcija marijskoj jetnicheskoj identichnosti [Systemic Reconstruction of Mari Ethnic Identity]. Yoshkar-Ola, 2007, 184 p. (In Russian).

Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. Tom 1 [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. 1]. Saint Petersburg, Moscow, Izdanie knigoprodavca-tipografa M.O. Vol'fa, 1880, LXXXIV, 723 p. (In Russian).

Eliseeva O.I. Povsednevnaja zhizn' blagorodnogo sosslovija v zolotoj vek Ekateriny [Daily Life of the Noble Class in the Golden Age of Catherine the Great]. Moscow, Molodaja gvardija, 2008, 597 p. (In Russian).

Ivanov A.G., Sepeev G.A. Materialy ankety V.N. Tatishheva o marijcah Priural'ja 30-h godov XVIII veka [Materials of V.N. Tatishchev's questionnaire about the Mari people of the Urals in the 1830s]. *Marijskij arheograficheskij vestnik,* 1994, iss. 4, pp. 83-105. (In Russian).

Kazanskaja istorija [Kazan' History]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1954, 194 p. (In Russian).

Karamzin N.M. Istorija gosudarstva Rossijskogo. Tom 6 [History of the Russian State. Vol. 6]. Saint Petersburg, Tipografija Grecha, 1819, 367, 173 p. (In Russian).

Karamzin N.M. Istorija gosudarstva Rossijskogo. Tom 7 [History of the Russian State. Vol. 7]. Saint Petersburg, Tipografija Grecha, 1819, 235, 109 p. (In Russian).

Karamzin N.M. Istorija gosudarstva Rossijskogo. Tom 8 [History of the Russian State. Vol. 8]. Saint Petersburg, Tipografija Grecha, 1819. 308, 163 p. (In Russian).

Karamzin N.M. Istorija gosudarstva Rossijskogo. Tom 9 [History of the Russian State. Vol. 9]. Saint Petersburg, Tipografija Grecha, 1821. 472, 296 p. (In Russian).

Karamzin N.M. Sochinenija. Tom 7 [Essays. Vol. 7]. Saint Petersburg, Tipografija Aleksandra Smirdina, 1834, 296 p. (In Russian).

Lyzlov A.I. Skifskaja istorija [Scythian History]. Moscow, Nauka, 1990, 519 p. (In Russian).

Miller G.F. Opisanie zhivushhih v Kazanskoj gubernii jazycheskih narodov, jako to cheremis, chuvash i votjakov [Description of the Pagan Peoples Living in Kazan Province, such as Cheremis, Chuvash and Votyaks]. Saint Petersburg, 1791, 99 p. (In Russian).

Miljukov P.N. Glavnye techenija russkoj istoricheskoj mysli [The Main Currents of Russian Historical Thought]. Moscow, Jurajt, 2025, 303 p. (In Russian).

Nekrasov N.A. Polnoe sobranie sochinenij v pjatnadcati tomah. Tom 1: Stihotvorenija 1838–1855 gg. [Complete Works in 15 Volumes. Vol. 1. Poems 1838-1855]. Leningrad, Nauka, 1981, 719 p. (In Russian).

Polevoj N.A. Istorija russkogo naroda. Tom 1 [History of the Russian people. Vol. 1]. Moscow, Tipografija Avgusta Simena, 1829, LXXXII, 368, VII p. (In Russian).

Polevoj N.A. Istorija russkogo naroda. Tom 6 [History of the Russian people. Vol. 6]. Moscow, Tipografija Avgusta Simena, 1833, 459, 60, XIII p. (In Russian).

Rousseau J.-J. Traktaty [Treatises]. Moscow, Nauka, 1969, 703 p. (In Russian).

Rychkov N.P. Zhurnal ili dnevnye zapiski puteshestvija po raznym provincijam Rossijskogo gosudarstva, 1769 i 1770 godu [Journal or daily travel records on different provinces of the Russian state, 1769 and 1770]. Saint Petersburg, Imperatorskaja Akademija nauk, 1772, 189 p. (In Russian).

Rychkov N.P. Prodolzhenie zhurnala ili dnevnyh zapisok puteshestvija po raznym provincijam Rossijskogo gosudarstva, 1770 godu [The continuation of the journal or daily notes of the journey through the different provinces of the Russian state, 1770]. Saint Petersburg, Imperatorskaja Akademija nauk, 132 p. (In Russian).

Rychkov P.I. Opyt kazanskoj istorii drevnih i srednih vremen [Experience of Kazan History of Ancient and Middle Times]. Saint Petersburg, Imperatorskaja Akademija nauk, 1767, 196 p. (In Russian).

Sepeev G.A. Arhivnyj dokument pervoj poloviny XVIII veka o vostochnyh marijcah [Archival document of the first half of the 18th century about the Eastern Mari people]. *Voprosy istorii i literatury narodov Srednego Povolzh'ja. Sbornik statej.* Kazan', 1965, pp. 83-92. (In Russian).

Tatishhev V.N. Izbrannye trudy po geografii Rossii [Selected Works on Geography of Russia]. Moscow, Geografgiz, 1950, 248 p. (In Russian).

Tatishhev V.N. Sobranie sochinenij. Tom 5: Istorija Rossijskaja. Chast' 3 [Collected Works. Vol. 5. History of Russia. Part 3]. Moscow, Ladomir, 1996, 345 p. (In Russian).

Tatishhev V.N. Sobranie sochinenij. Tom 6: Istorija Rossijskaja. Chast' 4. [Collected Works. Vol. 6. History of Russia. Part 4]. Moscow, Ladomir, 1996, 439 p. (In Russian).

Tatishhev V.N. Sobranie sochinenij. Tom 8: Raboty raznyh let [Collected Works. Vol. 8. Works of different years]. Moscow, Ladomir, 1996, 466 p. (In Russian).

Fuks K.F. Kratkaja istorija goroda Kazani [Brief History of the City of Kazan]. Kazan', Universitetskaja tipografija, 1817, 60 p. (In Russian).

Fuks K.F. Otvety [Answers]. *Fuks A.A. Zapiski o chuvashah i cheremisah Kazanskoj gubernii,* Kazan', Tipografija Imperatorskogo Kazanskogo universiteta, 1840, pp. 267-329. (In Russian).

Свечников Сергей Константинович
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

Sergej Svechnikov
Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

УДК 39:316.74(=511.151)
DOI 10.51254/2312-0312-2025-3-71-80-92

ПРАВОСЛАВНЫЙ КОМПОНЕНТ В РЕЛИГИОЗНОМ СОЗНАНИИ МАРИ (ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС)

© 2025 г. В.И. Шабыков

Введение. Объект исследования в данной статье – разные группы мари, религиозное сознание которых тем или иным образом связано с православием. **Цель статьи** – выявить особенности современного религиозного (православного) сознания марийского населения Республики Марий Эл. **Материалы и методы.** Эмпирическая база исследования – результаты социологического исследования «Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл» 2018 года в Республике Марий Эл; методы исследования – систематизация, описание и анализ. **Результаты исследования, обсуждение.** Православный компонент в сознании мари рассматривается на основе анализа этноидентификационной роли религии; места религии в жизни респондентов и в жизни страны; мотивов обращения к религии; качества веры; отношения респондентов к социальным проблемам современного общества, к возможности возникновения конфликтов на религиозной почве, к межконфессиональным бракам и т.д. **Заключение.** Православный компонент в религиозном сознании марийского населения Республики Марий Эл структурно и качественно неоднороден; он усиливает его этническую индифферентность.

Ключевые слова: этнология; этносоциология; Республика Марий Эл; религиозное сознание; мари; православие.

Введение

Объект исследования в данной статье – разные группы мари, связанные тем или иным образом с православием: верующие в православие однозначно и колеблющиеся между православной верой и безверием (условно объединим эти две группы под названием «приверженцы православной религии»); соблюдающие православную веру наряду с марийской традиционной религией (МТР) (с ответами: «в основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР» и «в равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР»).

Цель статьи – выявить особенности современного религиозно-православного сознания марийского населения Республики Марий Эл.

Материалы и методы

В статье обобщены результаты социологического исследования «Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл» 2018 года в Республике Марий Эл [3], относящиеся к тем составляющим религиозного сознания, которые связаны, прежде всего, с характером и качеством религиозной веры. Методы исследования: систематизация, описание и анализ.

Результаты исследования, обсуждение

Из 481 респондента-мари в 2018 году 424 человека (примерно 88 %) назвали себя верующими или колеблющимися между верой и безверием. 329 человек верующих и колеблющихся указали на свою связь с православием: 191 человек – исключительно с православием (58,1 %); 70 человек (21,3 %) ответили, что в основном соблюдают православную, а иногда и МТР; 68 человек (20,7 %) – в равной мере и православную веру, и МТР.

Лишь небольшая часть приверженцев православия (13,6 % среди связывающих себя только с православием, 15,7 % среди соблюдающих православие, а иногда МТР, около 12 % среди тех, кто связывает себя в равной мере с обеими религиями) отмечает, что религия сближает их с людьми своей национальности. Таким образом, православный компонент в религиозном сознании марийского населения в определенной мере является фактором (маркером) снижения уровня его этнической самоидентификации и усиления его этнической индифферентности.

Важнейшими компонентами религиозно-психологического комплекса верующих принято считать религиозную установку («предрасположенность верующего к определенной оценке тех или иных социальных явлений и готовность к соответствующим действиям, обусловленным этой оценкой» [2]), и религиозные чувства («эмоциональное отношение верующих к признаваемым объективным существам, свойствам, связям, к сакрализованным <…> вещам, персонам, местам, действиям, друг к другу и к самим себе, а также к религиозно интерпретируемым отдельным явлениям в мире и к миру в целом» [2]). Они хорошо прослеживаются в ответах респондентов на вопрос о месте религии в их жизни (Табл. 1).

Действительно, большое число мари, приверженных в той или иной мере к православию, эмоционально «завязаны» на своей вере и убеждены в том, что она занимает в их жизни важное место. В наибольшей степени это проявляется у марийцев, в основном соблюдающих православную веру, а иногда еще и МТР (ответ «очень важное» дали 4,3 %, «довольно важное» – 58,6 %), а также приверженных исключительно к православию (соответственно 11,5 % и 49,7 %). Равная представленность в сознании двух религий ослабляет эмоциональный фактор религиозности.

Таблица 1

Место религии в жизни респондентов-мари в зависимости от конфессиональной принадлежности (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
Очень важное	11,5	4,3	11,8
Довольно важное	49,7	58,6	38,2
Незначительное	36,1	34,3	42,6
Никакого места не занимает	1,0	0,0	1,5
Затруднились ответить	1,7	2,8	5,9

Данная закономерность проявляет себя и в ответах на вопрос о месте религии в жизни страны (Табл. 2).

Таблица 2

Оценка марийским населением Республики Марий Эл места религии в жизни страны в зависимости от конфессиональной принадлежности (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
В стране должна быть одна официально признанная (государственная) религия	6,8	5,7	2,9
В стране (в особенности, многонациональной) не должно быть государственной религии, за каждым народом и каждым человеком должно быть признано право свободного вероисповедания	80,1	82,9	72,1
Следует запретить распространение любых религиозных воззрений зарубежными миссионерами	3,7	4,3	4,4
Страна должна быть свободной от религии	0,5	1,4	7,4
Затруднились ответить	8,9	5,7	13,2

Так, в группе респондентов, в равной мере соблюдающих и православную веру, и МТР, во-первых, немалое число отвечавших (13,2 %) уклонилось от прямых ответов; во-вторых, среди них оказалось меньше всего приверженцев радикальной (всего 2,9 % отметили, что в стране должна быть одна официально признанная, государственная религия) и больше всего демократической, правовой, позиции относительно официального бытования религий (72,1 % указали, что в стране, в особенности, многонациональной, не должно быть государственной религии, за каждым народом и каждым человеком должно быть признано право свободного вероисповедания); в-третьих, эта группа респондентов более других убеждена в том, что страна вообще должна быть свободной от религии (7,4 %).

Мнение о том, что в многонациональной стране не должно быть государственной религии, за каждым народом и каждым человеком должно быть признано право свободного вероисповедания, характерно значительному большинству мари – сторонников православия и колеблющихся между православной верой и неверием в бога.

Обычно верующие, как отмечают социологи, психологи, часто избегают прямых вопросов о месте религии в их жизни, либо не раскрывают реальные мотивы или руководствуются ложными предпосылками. Марийцы же с православной составляющей в своем мировоззрении активно обсуждают мотивы своей религиозности, выражают свое отношение ко всем предложенным вариантам ответов.

Но при этом основная часть ответов, выбранных респондентами, не связана с мотивами, непосредственно относящимися к религии (Табл. 3).

Среди внешних по отношению к религии мотивов на первом месте по всем группам православных верующих, кроме тех, кто в основном соблюдает православную веру, а иногда еще и МТР, находится влияние семьи – такой ответ получен примерно от половины опрошенных. А если прибавить к ним еще и тех, кто ответил «влияние родственников», то можно считать, что примерно три четверти приверженных к православию мари связывают свой приход в религию исключительно с семейно-родственными влияниями.

Отмечены и другие внешние факторы обращения к религии: влияние верующих людей (16,2 % респондентов, в равной мере соблюдающих православную веру и МТР, 14,7 % соблюдающих православную веру, почти 13 % соблюдающих православную веру, а иногда еще и МТР), нездоровье (11,8 % респондентов, в равной мере соблюдающих православную веру и МТР), влияние мест богослужения (11,4 % в основном соблюдающих православную веру, а иногда еще и МТР), душевный кризис (10 % в основном соблюдающих православную веру, а иногда еще и МТР).

Таблица 3

Мотивы обращения мари к той или иной религии
в зависимости от конфессиональной принадлежности
(в % от числа ответивших)

Мотивы	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
Влияние семьи	48,7	37,1	54,4
Влияние родственников	23,0	25,7	23,5
Влияние верующих людей	14,7	12,9	16,2
Влияние церкви (мечети, молений в священных рощах)	7,3	11,4	10,3
Влияние служителей культа, проповедников	0,0	1,4	0,0
Влияние средств массовой информации	0,5	1,4	1,5
Под влиянием общественного мнения	0,5	1,4	1,5
Душевный кризис	5,8	10,0	8,8
Собственное нездоровье	3,1	2,9	11,8
Болезнь близких людей	3,7	5,7	1,5
Неуверенность в завтрашнем дне	6,8	4,3	5,9
В результате самостоятельных поисков истин и раздумий о смысле жизни	11,0	18,6	16,2
Просто верю в бога	39,8	50,0	42,6
Другое	1,6	0,0	0,0

Религиозного объяснения нет и в мотиве «просто верю в бога», который также выбран достаточно большим количеством опрошенных мари; в этом ответе содержится только констатация самого факта религиозности.

Мотив-ответ «в результате самостоятельных поисков истин и раздумий о смысле жизни», имеющий прямое отношение к сущности (философии) религии, выбран лишь небольшим количеством респондентов (Табл. 3); больше всего таковых оказалось среди тех, кто в основном соблюдает православную веру, а иногда еще и МТР (18,6 %).

«Верующий человек, – отмечает А.Ф. Гавриленков, – находится постоянно в пограничном состоянии – он принадлежит одновременно и к миру

священного и к миру профанного» [1, с. 48]. Именно способность удержать веру со всеми ее атрибутами в реальном (мирском) времени и пространстве определяет качество веры.

Анализ ответов респондентов-мари, связанных с оценкой ими своего отношения к религии, показал предельно низкий уровень качества веры. Приверженцев православия и соблюдающих все религиозные обряды оказалось минимальное число среди мари, придерживающихся исключительно православия, и соблюдающих в основном православную веру, а иногда еще и МТР (примерно по 3 %) (Табл. 4).

Основная часть мари – приверженцев православия – верует, но религиозные обряды соблюдает нестрого (в наибольшей мере таких респондентов оказалось среди соблюдающих в основном православную веру, а иногда и МТР – 71,4 %) или не соблюдает их вообще (больше всего таких респондентов оказалось среди тех, кто связывает себя только с православием, – около 32 %).

«Для верующих характерна специфическая система ценностных ориентаций, отличающаяся тем, что в ней главную роль играют идеи и нормы, вытекающие из религиозной веры. Земное подчиняется неземному, естественное – сверхъестественному. При подобной субординации ценностей все реальные социальные ценности, вытекающие из потребностей и интересов человека, рассматриваются как второстепенные», – отмечает В.Г. Крысько [2]. Он заостряет внимание на том, что «ориентация на религиозные ценности снижает социальную активность верующих или препятствует ей, переводит их энергию, мысли, чувства и стремления в особое русло, создавая иллюзорную форму социальной активности (участие в религиозных обрядах и в деятельности религиозных организации и общин)» [2].

Таблица 4

Отношение мари к религии в зависимости от их конфессиональной принадлежности (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
Верую и строго соблюдаю все религиозные обряды	3,1	2,9	7,4
Верую, но религиозные обряды соблюдаю нестрого	55,4	71,4	61,8
Верую, но никаких обрядов не соблюдаю	31,8	20,0	22,1

Исследование в Республике Марий Эл также свидетельствует о том, что у верующих слабо выражены социальная рефлексия и объективный социальный анализ. Об этом можно судить по ответам на такие вопросы: «*Как Вы считаете, возможно ли в РМЭ возникновение серьезных конфликтов между людьми на религиозной почве?»* (если среди неверующих возможность таких конфликтов видят 16 %, то среди верующих всего лишь 9,5 % [3, с. 139]); *«Как Вы считаете, может ли религия противостоять экстремизму?»* (если среди неверующих только 5,5 % опрошенных однозначно уверены в таких возможностях религии, то среди верующих их почти четверть – 23,1 % [3, с. 145]); «*На Ваш взгляд, различные религии улучшают или, наоборот, осложняют межнациональные отношения в РМЭ?»* (если среди неверующих только 14,1 % считает, что улучшают, то среди верующих верят в это 26,5 % опрошенных [3, с. 155]).

Среди мари – приверженцев православия – более всего переживают по поводу социальной ситуации следующие группы верующих:

– глубоко рефлексируют по поводу межконфессиональных отношений – респонденты, в равной мере связанные с православием и МТР (около 15 % указали на возможность возникновения серьезных конфликтов на религиозной почве) (Табл. 5);

Таблица 5

Мнение марийцев о возможности возникновения в республике серьезных конфликтов между людьми на религиозной почве в зависимости от конфессиональной принадлежности (в % от числа опрошенных)

Возможность возникновения конфликтов на религиозной почве	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
Да	7,3	11,4	14,7
Нет	74,9	70,0	67,6
Затруднились ответить	17,8	18,6	17,7

– объективно рассуждают по поводу антиэкстремистских возможностей религии в современной действительности – респонденты одной веры (православия): 28,3 % отметили, что религия не способна остановить экстремизм (ответы «скорее нет, чем да» и «нет») (Табл. 6);

– очень определенные (конкретные) ответы по вопросу о влиянии религии на межнациональные отношения в республике дают в равной мере приверженные и к православию, и к МТР; именно у них отмечен наибольший

показатель как по ответу «улучшает межнациональные отношения» (примерно 31 %), так и по ответу «осложняют межнациональные отношения» (23,5 %), в то время как, например, приверженцы только православия в большинстве своем отклонились от ответа (затруднились с ответом) – 50,8 % (Табл. 7).

Таблица 6

Мнение марийцев о том, может ли религия противостоять экстремизму в зависимости от их конфессиональной принадлежности (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
Да	26,2	18,6	26,5
Скорее да, чем нет	24,6	27,1	23,5
Скорее нет, чем да	17,3	20,0	10,3
Не может	11,0	7,1	11,8
Затруднились ответить	20,9	27,2	27,9

Таблица 7

Мнение марийцев о влиянии религии на межнациональные отношения в Республике Марий Эл в зависимости от конфессиональной принадлежности (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
Улучшает межнациональные отношения	28,3	22,9	30,9
Осложняет межнациональные отношения	18,8	18,6	23,5
Другой ответ	2,1	11,4	1,5
Затруднились ответить	50,8	47,1	44,1

Религиозно-ценностная замкнутость в отношении к социальным проблемам отражается и в ответах на вопрос *«Что из нижеперечисленного представляется Вам наиболее опасным для современной России?»*.

Как видно из таблицы 8, все группы приверженцев православия мало волнуют такие острые социальные проблемы современности, как бездухов-

ность (менее всего – в равной мере соблюдающих и православную веру, и МТР – около 9 %), политизация религии (не волнует никого из группы соблюдающих в основном православную веру и иногда и МТР), криминализация общества (меньше всего волнует соблюдающих в основном православную веру и иногда и МТР – 5,7 %), а также утрата национальных традиций (меньше всего волнует респондентов, соблюдающих православную веру, – примерно 9 %) и кризис семейных ресурсов, рост числа разводов (менее всего обращают на это внимание соблюдающие православную веру – около 8 %) и др.

Последние две из вышеуказанных проблем затрагивают вопросы этноидентификации, свидетельствуют об ослаблении этнического самосознания верующих мари, связанных в той или иной мере с православием.

Однако нельзя не отметить, что отдельные группы православных мари всерьез встревожены такими социальными бедами современности, как алкоголизм и наркомания (в наибольшей мере – в равной мере соблюдающие и православную веру, и МТР – 58,8 %), спад производства (в наибольшей степени – соблюдающие в основном православную веру и иногда и МТР – 51,4 %), обнищание и дороговизна жизни – соблюдающие православную веру – 46,6 %) (Табл. 8). Намного меньше волнуют марийских приверженцев православия (колебания в выделенных нами их группах примерно от 21 % до 29 %) такие существеннейшие факторы опасности, как несоблюдение законов, терроризм и рост экстремистских настроений, коррупция.

Уход из этноидентификационного «поля» традиций, в том числе семейных традиций, и культуры фиксируют и ответы на вопросы об отношении православных мари к межконфессиональному браку и к истории и культуре своего народа. Утрачивается интерес к семье, построенной на народном (этнозначимом, родовом) ее понимании. Наибольшую лояльность к межконфессиональным бракам (относятся положительно) проявляют в равной мере соблюдающие и православную, и марийскую традиционную веру (более 47 %); равнодушие (нейтральность) к этому вопросу в наибольшей мере выражают соблюдающие только православную веру (47,6 %) (Табл. 9).

Сохранение этнонациональной семьи в большей мере значимо для соблюдающих в основном православную веру, а иногда еще и МТР – у них наибольшее количество противников браков между представителями различных религий (более 17 %). Но в целом число отрицательно относящихся к таким бракам во всех группах приверженцев православия невелико.

Около четверти приверженцев православия в группах с сильным православным компонентом («соблюдаю православную веру» и «в основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР») не интересуются историей и культурой народа мари (ответы «не очень интересуюсь» и «совсем не интересуюсь»). Наибольший уровень выраженности этноидентифика-

Таблица 8

Ответы респондентов-мари на вопрос «Что из нижеперечисленного представляется Вам наиболее опасным для современной России?» в зависимости от конфессиональной принадлежности (в % от числа ответивших)

Факторы опасности	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
Спад производства	34,0	51,4	35,3
Несоблюдение законов	24,1	28,6	26,5
Кризис семейных ресурсов, рост числа разводов	7,9	8,6	8,8
Алкоголизм, употребление наркотиков	50,8	54,3	58,8
Ухудшение отношений между людьми разных национальностей	6,8	8,6	1,5
Обнищание, дороговизна жизни	46,6	45,7	42,6
Утрата национальных традиций и культуры	8,9	10,0	11,8
Бездуховность	9,4	12,9	8,8
Политизация религии	4,2	0,0	4,4
Криминализация	9,9	5,7	13,2
Терроризм, рост экстремистских настроений	23,6	28,6	20,6
Дискриминация по этническому признаку	0,0	0,0	1,5
Коррупция	29,3	24,3	26,5
Другое	0,0	0,0	1,5
Затруднились ответить	1,6	1,4	1,5

Таблица 9

Отношение марийцев к бракам между представителями различных религий в зависимости от конфессиональной принадлежности (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
Положительно	39,8	45,7	47,1
Отрицательно	10,5	17,1	16,2
Нейтрально	47,6	35,7	33,8
Другой ответ	2,1	1,5	2,9

ционного фактора через отношение к истории и культуре своего этноса отмечен среди тех мари, которые в равной мере с православием чтят религию предков (МТР), – 79,5 % опрошенных дали ответы «очень интересуюсь» и «интересуюсь» (Табл. 10).

Таблица 10

Интерес марийцев к истории и культуре народа мари
в зависимости от конфессиональной принадлежности
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
Очень интересуюсь	14,1	8,6	22,1
Интересуюсь	60,2	67,1	57,4
Не очень интересуюсь	21,5	24,3	19,1
Совсем не интересуюсь	3,1	0,0	1,4
Не ответили	1,1	0,0	0,0

Заключение

Анализ структуры современного религиозно-православного сознания мари в этносоциологическом ракурсе позволяет сделать следующие выводы:

– в количественном отношении доминирует группа верующих и колеблющихся между православной верой и безверием, указавших православие в чистом виде, без сочетания с другими религиями (около 60 %);

– православный компонент в религиозном сознании марийского населения снижает уровень его этнической самоидентификации и усиливает этническую индифферентность;

– равная представленность в сознании двух религий (наряду с православием еще и МТР) ослабляет эмоциональный фактор религиозности;

– мотивы религиозности в основном внешние, не связанные с сущностью и философией религии; преобладают как мотив обращения к религии семейно-родственные влияния; близкий к собственно религиозному мотив (итог самостоятельных поисков истин и раздумий о смысле жизни) отмечен лишь небольшим количеством респондентов;

– отдельные группы православных мари встревожены такими социальными бедами современности, как алкоголизм и наркомания, спад производства, обнищание и дороговизна жизни; в гораздо меньшей степени их волнуют такие факторы социальной опасности, как несоблюдение законов, терроризм и рост экстремистских настроений, коррупция; все группы приверженцев

православия очень мало внимания обращают на прогрессирующую бездуховность, политизацию религии, криминализацию общества, утрату национальных традиций и семейный кризис;

– положительное или нейтральное отношение всех групп православных мари к межконфессиональному браку в контексте данного исследования может быть рассмотрено как ослабление этноидентификационного «поля» культуры, как тенденция утраты интереса к традиционной семье, построенной на родовом ее понимании;

– наибольший уровень выраженности этноидентификационного фактора через отношение к истории и культуре своего этноса отмечен среди тех мари, которые в равной мере с православием чтят исконно марийскую религию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гавриленков А.Ф. Структура религиозного сознания и его трансформация // Вестник Московского государственного института культуры. 2008. № 6. С. 47–49.

Крысько В.Г. Социальная психология // URL: https://studme.org/92225/psihologiya/osobennosti_religiozno-psihologicheskogo_kompleksa_veruyuschih#297 (дата обращения: 02.10.2024).

Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2018 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ; авт.-сост. В.И. Шабыков, О.В. Орлова. Йошкар-Ола, 2018. 192 с.

Vitaliy Shabykov

ORTHODOX COMPONENT IN THE RELIGIOUS CONSCIOUSNESS OF THE MARI (ETHNO-SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE)

Introduction. Different groups of the Mari, whose religious consciousness is in one-way or another connected with Orthodoxy, are the object of this study. **The purpose** of the article is to identify the features of the modern religious (Orthodox) consciousness of the Mari population of the Mari El Republic. **Materials and methods.** The empirical basis of the study is the results of the sociological study "Interfaith and Interethnic Relations in the Mari El Republic" carried out in the Mari El Republic in 2018. Research methods include systematization, description and analysis. **Results, discussion.** The Orthodox component in the consciousness of the Mari is considered based on the analysis of the ethno-identification role of religion. The place of religion in the lives of respondents and in the life of the country; religious conversion; characteristics of faith; attitudes of respondents to social problems of the modern society, to the possibility of conflicts on religious grounds, to interfaith

marriages, were taken into account. **Conclusion.** The Orthodox component in the religious consciousness of the Mari population of the Mari El Republic is structurally and qualitatively heterogeneous; it reinforces their ethnic indifference.

Keywords: ethnology; ethno-sociology; Mari El Republic; religious consciousness; Mari, Orthodoxy.

REFERENCES

Gavrilenkov A.F. Struktura religioznogo soznanija i ego transformacija [The structure of religious consciousness and its transformation]. *Bulletin of the Moscow State Institute of Culture*, 2008, no. 6, pp. 47-49. (In Russian).

Krys'ko V.G. Social'naja psihologija [Social Psychology], available at: https://studme.org/92225/psihologiya/osobennosti_religiozno-psihologicheskogo_kompleksa_veruyuschih#297 (accessed 2 October 2024). (In Russian).

Mezhkonfessional'nye i mezhnacional'nye otnoshenija v Respublike Marij El (materialy sociologicheskogo issledovanija 2018 goda) [Interfaith and Interethnic Relations in the Republic of Mari El (based on sociological research conducted in 2018)]. Yoshkar-Ola, 2018, 192 p. (In Russian).

Шабыков Виталий Иванович
кандидат философских наук,
независимый исследователь,
г. Йошкар-Ола
e-mail: sebs9-kud@yandex.ru

Vitaliy Shabykov
Candidate of Philosophy,
Independent Researcher,
Yoshkar-Ola
e-mail: sebs9-kud@yandex.ru

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 811.511.152

ЛАПТЕВА ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА – УЧЕНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ ИЗ МОРДОВИИ

© 2025 г. Е.Н. Бикейкин, Е.Д. Пахмутова

Современный этап развития гуманитарного знания требует от ученого не только специализации в узкой области, но и способности к междисциплинарному синтезу, активному участию в общественной жизни и трансляции научных идей широкой аудитории. Личность главного научного сотрудника – заведующего отделом теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (далее – НИИГН), доктора философских наук, доцента Ирины Валерьевны Лаптевой является ярким примером подобного образа. Ее деятельность – это созидательный путь исследователя, мудрого наставника, общественного деятеля и креативной личности. Влияние И.В. Лаптевой ощущается в научных кругах, образовательных учреждениях и культурной жизни региона. Данный материал, раскрывающий ключевые аспекты профессионального творчества исследователя и моменты личной биографии, поможет визуализировать целостный портрет поликультурного пространства.

Наука и наставничество. Ирина Валерьевна Лаптева родилась 10 марта 1975 года в г. Саранске Мордовской АССР. Становление ученого неразрывно

связано с Мордовским государственным университетом им. Н.П. Огарёва, в котором последовательно протекало обучение сначала на филологическом факультете (1992–1997), а затем в аспирантуре (1998–2001) и докторантуре (2005–2008).

Лаптева Ирина Валерьевна стала доктором философских наук по специальности «Теория и история культуры» в возрасте 33 лет, что свидетельствует о высоком научно-исследовательском потенциале. Впечатляет ее научный вклад: более 200 научных и учебно-методических работ, включая восемь монографий и шесть учебных пособий, участие в более 50 конференциях. Среди последних можно выделить международные конференции «Этнос, язык, культура в коммуникативном пространстве: познание и преподавание» (2023, г. Абакан), «Фольклорный ландшафт сегодня: репрезентации культурных традиций, трансформации, перспективы» (2023, г. Саранск), «Культурная идентичность в пространстве традиции и инновации» (2024, г. Москва), «Многогранный мир традиционной культуры и народного художественного творчества» (2025, г. Казань), «Цифровизация языков народов России: масштабирование опыта и перспективы» (2025, г. Йошкар-Ола) и др. Совместно с коллегами по отделу теории и истории культуры НИИГН она участвовала в реализации научных проектов института «Культура Мордовии. XX век», «Исследование степени медийности мероприятий, реализуемых в Республике Мордовия в рамках национального проекта “Культура”» (2019–2022), «Мордовская мифология»[1] (2020), «Социокультурное развитие Мордовии» (2023 – по н. вр.).

Сфера ее научных интересов отличается широтой и оригинальностью, исследования сосредоточены на ключевых проблемах современности: на сохранении культурно-языкового наследия народов России, теоретических и прикладных аспектах культурологии и межкультурной коммуникации, внедрении информационных технологий в образование; на этнокультурных проблемах и др. Особое внимание она уделяет методике преподавания гуманитарных дисциплин (в том числе проектной), стремясь сделать их не только источником знаний, но и инструментом формирования культурной компетентности.

Одним из примеров междисциплинарного подхода является глава в коллективной монографии под редакцией ее наставника, профессора Н.И. Ворониной «Концептосфера современной культуры» (2019), где проводится семиотический и языковой анализ культурных феноменов сквозь призму философии, эстетики, семиотики, литературоведения и медицины,

[1] Энциклопедия «Мордовская мифология» удостоена международной научной премии // НИИГН: офиц. сайт. URL: http://www.niign.ru/novosti/enciklopediya-mordovskaya-mifologiya-udostoena

демонстрируя беспредельные возможности многогранного познания мира. Ее труды, опубликованные в ведущих научных журналах из перечня ВАК Минобрнауки РФ – «Многоязычие как залог успешного взаимодействия культур в глобальном мире», «Национальное вещание региональных телестудий в телеологии сохранения этнокультурных традиций (на примере ГТРК “Мордовия”)», «Сохранение культурного наследия Республики Мордовия: основные направления и механизмы продвижения», «Развитие фольклористики в НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия: ретроспектива и перспектива», «Релевантность использования нейросетей в гуманитарных практиках: риски и перспективы» и др. – находят положительный отклик у коллег по всей России.

Ирина Валерьевна опубликовала несколько статей, посвященных важным датам своих наставников и коллег по лингвистической и культурологической науке (Е.Д. Пахмутова, А.И. Узойкин, В.П. Фурманова и др.).

Как член редколлегии научных журналов «Центр и периферия», «Бахтинский вестник», «Известия Чеченского государственного педагогического университета» (Психологические и философские науки) И.В. Лаптева занимается рецензированием присланных в редакцию научных статей и принимает участие в обсуждении тематических направлений журнальных выпусков. Будучи членом Диссертационного совета по культурологии при МГУ им. Н.П. Огарёва, она подготовила трех кандидатов наук и на данный момент продолжает делиться опытом, заряжая энергией молодых исследователей. Судя по всему, ее подход к наставничеству основан на вере в «ученика», требовательности и умении вдохновить.

Будучи членом Российского союза германистов (с 2005 года), она содействовала налаживанию контактов с учеными из зарубежных стран. Так, для верификации содержимого статей в энциклопедию «Мордовская мифология», посвященных выдающимся финским ученым У. Н О. Харве, А.О.К. Хейкелю, А. Хямяляйнену, и актуализации материала о Финно-угорском обществе Финляндии (2019) Ирина Валерьевна обращалась за информацией к руководителю общества (2010–2017), профессору Хельсинкского университета У.-М. Форсберг, секретарю общества С. Виртанен, к финскому исследователю мордовских языков М.Л.Т. Сало и др.

Недавно в международном научном журнале «Études finno-ougriennes» (пер. с фр. – Публикации по финноугристике) вышла статья «La triade “ethnie – langue – culture”» pour préserver l´heritage linguistique et culturel»[2] (пер. с фр. – Триада “этнос – язык – культура” в вопросе сохранения лингвокультурного наследия), в которой И.В. Лаптева совместно с коллегами О.Г. Борисовой

[2] Lapteva I., Chernov A. & Borisova O. La triade “ethnie – langue – culture” pour préserver l´heritage linguistique et culturel // Études finno-ougriennes. Paris, Adéfo & Presses de l´Inalco, 2024. Tome 56: 173–186. URL: https://journals.openedition.org/efo/23313

и А.В. Черновым представили работу института по сохранению мордовских языков и систематизации культурно-языкового наследия мордовского народа, по созданию языкового корпуса мордовских языков[3]. Перевод статьи на французский язык был выполнен давним другом НИИГН, ученым с мировым именем, преподавателем финского и эстонского языков в Париже, старшим научным сотрудником кафедры этнологии Тартуского университета, профессором финноугроведения Е. Тулуз (Париж, Франция).

Общественная и проектная деятельность. Ирина Валерьевна – толерантная, неравнодушная личность с активной гражданской позицией и желанием трудиться на благо семьи, института, региона, страны. Она умело совмещает основную работу с руководством (с 2015 года) Мордовской региональной общественной организацией «Культурно-языковое многообразие территории» и волонтерской деятельностью в региональных отделениях Российского военно-исторического общества (далее – РВИО), Российского культурологического общества, Межрегиональной общественной организации мордовского народа, Общероссийской общественной организации «Лига Преподавателей Высшей Школы» и др.

Проектные идеи ученого вносят заметный вклад в популяризацию гуманитарных исследований института как в Республике Мордовия, так и за ее пределами. Она инициирует, а затем совместно с коллегами по институту разрабатывает и успешно реализует социально значимые проекты, которые получают высокую оценку на федеральном уровне. Среди них – проекты-победители конкурсов Президентского фонда культурных инициатив: «Шачем КРАЙняй: визуальный код Мордовии» (2022), направленный на продвижение региональной идентичности, «Цифровая мозаика мордовского языка»[4] (2024–2025) и «Мордовские языки в цифре», которые ставят цель сохранить в цифровом виде и популяризировать мордовские (мокшанский, эрзянский) языки. Ирина Валерьевна идейно вдохновляет партнеров по проектам и поддерживает их проектные идеи: например, патриотические проекты мордовского регионального отделения РВИО «Мастор-синема» (2022), «Поволжье. Взгляд со стороны» (2022–2023), «КраеЛЮБОво: занимательная история» (2024) и др.

Творческая и любознательная натура. Желание креативно подходить к любому «производственному» процессу у И.В. Лаптевой проявляется не только в междисциплинарности исследований, но и ее личностных качествах. Коллеги отмечают ее способность находить нестандартные решения в сложных ситуациях (будь то научная проблема или бытовая неурядица).

---

[3] Веб ресурс с электронными мордовскими словарями // НИИГН: офиц.сайт. URL: https://valviy.ru/

[4] «Цифровая мозаика мордовского языка» победила в конкурсе ПФКИ // МРОО «Культурно-языковое многообразие территории»: офиц. сайт. Режим доступа: https://dlc-mordovia.ru/Цифровая-мозаика-победила-в-конкурсе-ПФКИ/

Тяга к цифровой культуре у ученого усилилась в период пандемии, когда она одной из первых в институте освоила и внедрила в педагогическую практику такие платформы, как Canva, Google, Jitsi и Webex, став для многих коллег проводником в цифровую реальность. Чтобы идти в ногу со временем, И.В. Лаптева и в настоящее время не прекращает обучаться креативному мышлению, медиаэтике и построению контент-стратегии на образовательной платформе АНО «Россия – страна возможностей».

Признание и награды. Награды И.В. Лаптевой являются официальным признанием ее заслуг, среди них – почетные грамоты Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (2006) и Министерства образования Республики Мордовия (2017), Благодарность Главы Республики Мордовия (2022), Почетная грамота Республики Мордовия (2024). В предюбилейный год (2024) она стала победителем Всероссийского конкурса «Золотые Имена Высшей Школы», организованного Министерством науки и высшего образования РФ.

Ирина Валерьевна Лаптева – это ученый, многогранная личность которого органично сочетает в себе глубокого исследователя, способного к сложному междисциплинарному анализу; энергичного и креативно мыслящего общественного активиста со множеством идей, меняющих культурный ландшафт региона; мудрого наставника, умеющего вдохновлять и вести за собой. Ее личность является достойным примером того, каким должен быть современный ученый – открытым к общению и новым знаниям, интеллигентным и социально ответственным, патриотически и творчески мыслящим.

Мельвановикс Ирина Валерьевна! Седейшкава арсетяно тыненк покш шумбрачи, кемечи ды од изнявкст! (Перевод с морд. яз. (эрзя) – Уважаемая Ирина Валерьевна! От всего сердца желаем Вам крепкого здоровья, энергии и новых свершений!).

Бикейкин Евгений Николаевич
доктор исторических наук, профессор,
заместитель директора – ученый секретарь
НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия,
г. Саранск
e-mail: bikeykin1977@mail.ru

Пахмутова Елена Даниловна
кандидат педагогических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела
социально значимых проектов
и инициатив НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск
e-mail: pahmutova@mail.ru

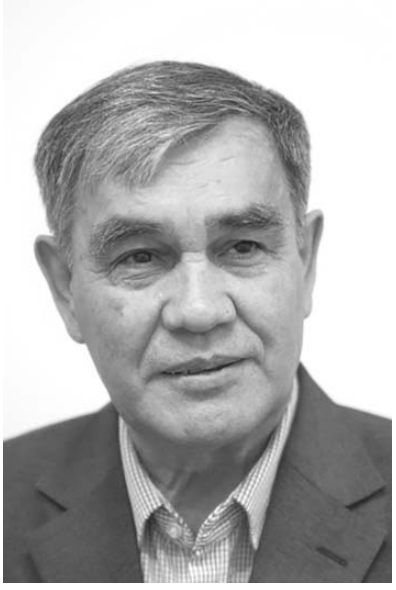
Evgeny Bikeikin
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Deputy Director – Academic Secretary
Research Institute of Humanities under the
Government of the Republic of Mordovia,
Saransk
e-mail: bikeykin1977@mail.ru

Elena Pakhmutova
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Senior Researcher, Department of Socially
Significant Projects and Initiatives
Research Institute of Humanities under the
Government of the Republic of Mordovia,
Saransk
e-mail: pahmutova@mail.ru

УДК 39 (470.343)

К ЮБИЛЕЮ Н.С. ПОПОВА

© 2025 г. Т.Л. Молотова

12 февраля 2025 года исполнилось 75 лет Никандру Семеновичу Попову – известному российскому и финно-угорскому ученому-этнологу, чье имя и труды хорошо известны в отечественной и зарубежной науке.

Малой родиной Н.С. Попова является д. Помосъял Параньгинского района МАССР. Он вырос в трудолюбивой семье колхозников, где было семеро детей. Жизнь научила будущего исследователя быть ответственным, старательным, пытливым, смело двигаться к новым высотам и не бояться трудностей. Как результат – окончание Елеевской средней школы с похвальной грамотой (1965). Дальше – отличная учеба с разносторонними интересами (общественными, спортивными, музыкальными) в Оршанском педагогическом училище (1965–1969), время обучения в Марийском государственном педагогическом институте им. Н.К. Крупской на химико-биологическом факультете. Здесь его поглотила активная и разнообразная студенческая жизнь, Никандр Попов был одним из самых активных участников студенческого научного общества, успешно совмещал учебу с изучением глубинных вопросов, связанных с вероисповеданиями, на секции религии и атеизма.

Эта занимательная работа была продолжена им и в Марийском государственном университете (МарГУ), когда факультет был переведен в 1972 году в новый вуз. Здесь начинаются первые пробные шаги в науке. В первую очередь были нужны фактические материалы, поэтому Н.С. Попов начал активно работать в практическом направлении – по рекомендации кандидата философских наук, доцента МарГУ А.Ф. Ярыгина он стал собирать

разнообразные этнокультурные материалы, связанные с традиционной верой марийского народа, с его обычаями и праздниками. Фиксировался и устный пласт – тексты молитв, заговоров и т.д. На основе собранных материалов студент-исследователь подготовил доклад и выступил на первой научной студенческой конференции университета.

Окончив вуз в 1974 году, молодой специалист был призван на службу в армию. После демобилизации 15 декабря 1974 года Никандр Семенович был принят на работу в Марийский научно-исследовательский институт на должность младшего научного сотрудника сектора археологии и этнографии. Институт стал практически вторым домом будущего ученого и весь долгий и значимый путь в науке был пройден именно там: старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии (с октября 1982 года), заведующий отделом истории (с 1983 года), заведующий отделом этнографии, этнологии (1998–2011), ведущий научный сотрудник (2003–2014), старший научный сотрудник направления «Этнология» (2014–2021). За время работы в институте Н.С. Попов проявил себя как высокопрофессиональный этнолог, религиовед, специалист по духовной культуре марийского народа.

С первых дней научного пути исследователь с головой погружается в научную работу по изучению вопросов религии. Исследуя многогранные глубины марийских традиционных верований, будучи носителем и знатоком этих сакральных кодов, ученый явил на свет одно из своих первых изданий – книгу «Марий веран йыжынже» на марийском языке (1985). Тема религии оставалась у исследователя в приоритете и по итогу дальнейших научных изысканий в 1987 году из печати вышла монография «Православие в Марийском крае». В 1991 году увидела свет собранная Н.С. Поповым книга текстов марийских молитв «Марий кумалтыш мут», ставшая настольной для людей, придерживающихся народной традиционной религии.

Забегая вперед, важно отметить, что в 2003 году была издана написанная в соавторстве с Верховным картом Республики Марий Эл А.И. Таныгиным книга «Юмын йӱла». Издание посвящено традиционной религии марийцев. Первая глава раскрывает пантеон божеств традиционной религии мари, где рассматривается их иерархия, предназначение во вселенной и в жизни человека. В конце главы авторы опубликовали краткое резюме на русском языке «Современные представления марийцев о Боге». Во втором разделе рассматривается иерархия и порядок проведений молений, предназначение священных рощ и деревьев, порядок действий во время молений и многое другое.

Также логичным и долгожданным трудом, связанным с данной темой и выступающим в роли итогового проекта, стал увидевший свет в 2012 году очередной и важный труд ученого – библиографический указатель

«Традиционная вера народа мари (язычество). Марий юмо йӱла». Он посвящен традиционной религиозной вере народа мари, по словам самого автора, «важной составляющей духовной культуры марийского народа». Работа стала первой попыткой собрать воедино публикации по марийскому язычеству на русском, марийском и иностранных языках. Труд включает перечень книжных, журнальных и газетных публикаций за период с 1770 года по настоящее время и состоит из трех разделов. В первых двух разделах собраны источники, посвященные бытованию, функционированию и развитию традиционной религии народа мари в целом, а также характеристике и изучению ее отдельных сторон. Первый раздел включает книги и статьи в сборниках и периодических изданиях, вышедшие в свет в дореволюционное время, второй – материалы, относящиеся к послереволюционному периоду истории и современности. Третий раздел знакомит с религиозными деятелями. Здесь сосредоточены публикации этих лиц, а также литература об их деятельности.

Именно научные изыскания, связанные с религиозно-этнокультурным направлением, стали мощным трамплином для дальнейшей успешной работы. С 1976 по 1978 год Н.С. Попов трудился в качестве стажера в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии Наук СССР в Москве и по окончании срока стажировки в 1978 году успешно поступил в аспирантуру этого института. В его становлении как этнолога, исследователя, несомненно, большую роль сыграла профессиональная научно-методическая подготовка, полученная в академическом учреждении. Н.С. Попов практически досрочно подготовил под научным руководством доктора исторических наук Марины Михайловны Громыко диссертационную работу по теме «Верования марийцев XIX – начала XX века» и успешно защитил ее 2 февраля 1982 года. Нельзя не отметить также, что будущий научный путь исследователя был связан и с докторантурой Института антропологии и этнографии РАН, где он обучался с 1992 по 1997 год. Углубляя тему кандидатской диссертации, он работал над темой «Религиозно-нравственные традиции марийского народа в XIX – начале XX века».

По возвращении в Марийский научно-исследовательский институт Н.С. Попов с 1983 по 1992 год руководил сектором истории.

В круг научных интересов Н.С. Попова входило изучение традиционных верований мари, их религиозно-мифологических представлений, духовных и этнокультурных традиций, истории христианизации мари, православия в Марийском крае, особенностей современной марийской религии, а также история марийской интеллигенции, просветительского и национального движений. Им опубликовано более 270 научных работ, в том числе четыре книги по истории религии. Никандр Семенович работал в масштабных коллективных проектах, давших значимый результат – научные труды

«Религия народов современной России» (1999), «Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне, коми-пермяки, марийцы, мордва, удмурты» (2000), «Марийцы. Историко-этнографические очерки» (в 2005 году признана Книгой года Республики Марий Эл, переиздана с дополнениями в 2013 и 2018 годах), «Энциклопедия Республики Марий Эл» (2009). Он является ответственным редактором 15 научных сборников статей.

Будучи пытливым ученым-практиком, плодотворно работающим в сфере профессионального изучения вопросов, связанных с общими этнокультурными особенностями народа мари, Никандр Семенович был активным участником многих научно-практических форумов различного уровня, в частности знаменитого Международного конгресса финно-угроведов, являющегося самым крупным научным форумом финно-угроведов разных стран, проводимым каждые пять лет. Исследователь принимал участие в работе VII Международного конгресса финно-угроведов в г. Дебрецен (Венгрия) (1990), выступив с научным докладом «Параллели в погребальном обряде марийцев и ираноязычных народов». Также ученый был участником XI Международного конгресса финно-угроведов «Финно-угорские языки в XXI веке», который проводился в венгерском городе Пилишчаба на базе кафедры финно-угроведения католического университета имени Петера Пазманя (9–14 августа 2010 года). Им был представлен научный доклад на тему «Влияние религии на формирование этничности мордвы и мари в первой трети XIX века». С 15 по 21 августа 2005 года для проведения юбилейного X Конгресса финно-угроведов была определена Республика Марий Эл, и у многих марийских ученых появилась возможность радушно принять в гостях своих зарубежных коллег и друзей, обменяться с ними результатами своих научных изысканий. На данном очередном конгрессе Н.С. Попов представил научный доклад под названием «Почитание православных часовен в Марийском крае».

До 2020 года Никандр Семенович являлся организатором Республиканской научно-практической конференции «Йыван Кырла лудмаш» (с 2009 года).

Он неоднократно участвовал в выполнении грантовых работ, поддержанных Российским гуманитарным научным фондом, в частности был одним из авторов и научным руководителем проекта 2018 года при участии организации «Федеральная национально-культурная автономия марийцев России» под названием «Этноэкспедиция ”Семейные ценности и святыни начала XXI века”» (номинация «Поддержка семьи, отцовства, материнства и детства» конкурса Фонда президентских грантов).

Занимаясь научной деятельностью, Н.С. Попов плодотворно выполнял и большую гражданственную работу. В 1990-е годы он был активным участником общественной и политической жизни Республики Марий Эл. В начале

1990-х годов являлся руководителем Общественной организации «Марий ушем» и выдвигался на выборы депутатов Государственного Собрания Республики Марий Эл. С 2003 по 2006 год был членом республиканской экспертной комиссии при Министерстве культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл. Н.С. Попов неоднократно выбирался делегатом на всероссийские Съезды марийцев, являлся членом Совета при Главе Республики Марий Эл по взаимодействию с религиозными объединениями. Никандр Семенович принимал участие при разработке Министерством образования Республики Марий Эл «Концепции развития марийского образовательного учреждения Республики Марий Эл» (1996), «Концепции развития духовно-нравственного воспитания детей и молодежи Республики Марий Эл» (2005). В 2018 году был ответственным за проведение Межрегиональной научно-практической конференции «Народные духовные традиции и современность».

За долгое время научно-общественной жизни Н.С. Попов активно участвует и в популяризации научных знаний. Никандр Семенович всегда выделяется высокой требовательностью к себе, глубокими профессиональными знаниями, исключительным трудолюбием и внимательным отношением к людям, чем снискал глубокую любовь и уважение. Вся его жизнь – это неустанные поиски материала, качественный сбор источников, трудоемкая научная работа, ответственный подход к каждой статье, к каждому изданию. Отличаясь профессионализмом и энциклопедическими знаниями, Н.С. Попов всегда был на первых позициях по защите этнокультурных интересов своего региона, а в жизни он остается простым, скромным и обаятельным человеком, интересным и эрудированным собеседником.

Попов Н.С. – заслуженный деятель науки Республики Марий Эл (2000), международный член Финно-угорского общества (Suomalais-Ugrilainen Seura) (2008). Никандр Семенович является авторитетным ученым, внесшим значимый вклад в развитие этнологии в Республике Марий Эл и Российской Федерации. За вклад в развитие этнологической науки и многолетнюю плодотворную деятельность награжден медалью ордена «За заслуги перед Марий Эл» (2021).

Коллектив Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева сердечно поздравляет уважаемого Никандра Семеновича со славным юбилеем и желает ему доброго здоровья, счастья, благополучия, новых достижений, долгих лет жизни!

Пагалыме Никандр Семенович, тек Тендам эше у лектыш-влак куандарат, кумылда нигунам ынже воло, эре таза, пиалан, кужу ӱмыран лийза!

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Н.С. ПОПОВА

Конфессиональный вопрос в семейных отношениях марийцев в конце XIX – начале XX века // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М.: ИЭ, 1980. С. 131–146.

Культовые объединения марийцев в XIX – начале XX в. // Полевые исследования Института этнографии 1979 г. М., 1983. С. 37–46.

Марий веран йыжынже. Йошкар-Ола, 1985. 96 с.

Культура в период феодализма // История Марийской АССР в 2-х т. Т. 1. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. С. 143–149, 153, 160.

Развитие культуры в период капитализма // История Марийской АССР в 2-х томах. Т. 1. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. С. 254–277.

Православие в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1987. 112 с.

Из истории социорелигиозного движения в Марийском крае в 50–70-х годах XIX века (по материалам Михайло-Архангельского мужского монастыря) // Положение и классовая борьба крестьянства Марийского края / редкол.: Н.С. Попов (отв. ред.), А.С. Казимов. Йошкар-Ола, 1990. С. 132–157.

Марий кумалтыш мут. Марийские молитвы-заклинания. Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1991. 256 с.

Удмуртские верования // Религия народов современной России: Словарь. М., 1999. С. 521–524.

Первое этнографическое исследование о марийцах (к 100-летию со времени издания книги И.Н. Смирнова «Черемисы») // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1999. № 9. С. 7–12. (совместно с Г.А. Сепеевым).

История религиозного движения марийцев в контексте возрождения язычества в конце XX в. // Этнологические проблемы в поликультурном обществе. Материалы Всероссийской школы-семинара «Национальные отношения и современная государственность» / Совет ученых-гуманитариев Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2000. С. 118–131.

Устное народное творчество // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне, коми-пермяки, марийцы, мордва, удмурты. М.: Наука, 2000. С. 306–311 (в соавт. с В.А. Акцориным).

Селения Царевококшайского уезда // Материалы к истории населенных мест Марийского края / Мар. гос ун-т, МарНИИЯЛИ; сост.: А.Г. Иванов, Н.С. Попов, С.В. Нефедов. Йошкар-Ола, 2001. С. 48–153.

К истории возрождения марийских традиционных молений в конце XX века // Этническая культура марийцев (традиции и современность) / науч. ред. Н.С. Попов. Йошкар-Ола, 2002. – (Археология и этнография Марийского края; вып. 26). Йошкар-Ола, 2002. С. 92–120.

Православие в приходах Марийского края Казанской епархии в 20-е годы XX века // Марийский археографический вестник. 2002. № 12. С. 80–98.

Юмын йӱла. Йошкар-Ола, 2003. 272 с. (в соавт. с А.И. Таныгиным).

Вклад С.К. Кузнецова в изучение традиций марийцев и удмуртов // Финно-угроведение. 2005. № 1. С. 58–78.

Православные приходы Марийского края в 30-е годы XX века // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 2006. № 16. С. 61–76.

О роли национальной интеллигенции в формировании этничности мари // Йыван Кырла – киноактер, поэт, гражданин. Материалы I Респуб. науч.-практ. конф. «Йыван

Кырла лудмаш» / Мин-во культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, МарНИИЯЛИ, МарГУ. Йошкар-Ола, 2010. С. 39– 67.

Движение «непоминающих» или Истинно-Православная Церковь в Марийском крае // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 2010. С. 131–146.

Вероисповедная политика государства и церкви в Марийском крае в начале XX века // Марийский юридический вестник. 2012. № 9. С. 44–60.

Традиционная вера народа мари (язычество) = Марий юмо йӱла: библиогр. указ. / М-во культуры, печати и по делам национальностей, Нац. б-ка им. С.Г. Чавайна; сост.: Н.И. Бушкова, Н.С. Попов; авт. вступ. ст., науч. ред. Н.С. Попов. Йошкар-Ола: Нац. б-ка им. С.Г. Чавайна, 2012. 156 с.

Отражение ветхозаветных мотивов в космогонических мифах мари о творении мира и человека // Мифология чувашей. Истоки, эволюция и культурные взаимосвязи. Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. С. 224–235.

Предисловие к книге В.М. Васильева «Марийская религиозная секта “Кугу сорта”». Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, Мар. нац. конгресс, 2018. С. 3–13.

Интеллигенция Царевококшайского уезда в период междувластия в августе 1918 года // Великая Российская Революция и Марийский край. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. С. 121–134.

Просветительская деятельность Г.Я. Яковлева в 1871–1888 годах // XVIII Игнатьевские чтения. Материалы докладов и выступлений на ежегодной Респ. науч.-практич. конфер. «Роль просветителей в истории, культуре и образовании горных мари», посвящ. 175-летию со дня рождения педагога-священника Г.Я. Яковлева (1843–1912). Йошкар-Ола, 2019. С. 141–152.

Особенности проявления этнической идентичности марийцев на Первом Всероссийском съезде народа мари // Национальная культура в социальном пространстве и времени. Материалы V Межрегион. науч.-практич. конф. «Йыван Кырла лудмаш» / науч. ред. Н.С. Попов: Мин-во культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, МарНИИЯЛИ, Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2019. С. 298–307.

Куштымашын юзо вийже // Эрвелмарий калыкын тӱвыра поянлыкше: ожнысо тӱсшӧ да тачысе сынже. Этнографий очерк-влак / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2020. С. 161–168.

Молотова Тамара Лаврентьевна
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: tlmolotova@mail.ru

Tamara Molotova
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: tlmolotova@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.511.131

Рец.: Максимов С.А. Лексика бесермян: наследие Т.И. Тепляшиной / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2024. 816 с.

© 2025 г. В.Н. Максимов

В 2024 году Удмуртским институтом истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН выпущена новая книга «Лексика бесермян: наследие Т.И. Тепляшиной». Автор – С.А. Максимов, кандидат филологических наук старший научный сотрудник УдмФИЦ УрО РАН. Данное издание представляет собой систематизированный свод лексики бесермянского наречия, собранной выдающимся ученым, кандидатом филологических наук, заслуженным деятелем науки Удмуртской Республики, ветераном Великой Отечественной войны Тамарой Ивановной Тепляшиной в результате многолетних полевых исследований среди различных групп бесермян в 1960-х годах XX века. Это пополнение фонда удмуртских научных изданий обогатило отечественное языкознание ещё одним ценным трудом.

Уникальное издание содержит более 7700 заглавных слов, снабженных русским переводом. Их написание выполнено в соответствии с орфографией, установившейся на данный момент при передаче бесермянской речи. Словарные статьи включают примеры употребления слова в связанном тексте, словосочетания и отдельные слова. Иллюстративный материал представлен в финно-угорской транскрипции.

Этническая группа бесермян компактно проживает преимущественно на севере и западе Удмуртской Республики, занимая территории Юкаменского, Балезинского, Ярского, Глазовского районов и города Глазова. Она представлена в общей сложности в 41 населенном пункте, из которых около десятка являются мононациональными. Исторически этот народ упоминается в источниках под различными именами: бесермены, чуваша, чуваша арские, бесермяне и др. (с. 8).

Бесермянский язык до последнего времени считался бесписьменным. Попытки передать на письме его особенности начиная с XIX века имели место в виде индивидуальных практик в личной переписке, ранних документах

местного делопроизводства, в записях фольклора носителями, источниках мемуарного характера и т.п. Основой письма служила прежде всего русская графика, несколько позднее – удмуртская письменность с различными «индивидуальными» чертами (с. 9).

Предисловие книги содержит краткое описание ее структуры и целей составления. Словарь бесермянской лексики предваряется разделом «Язык бесермян: прошлое и настоящее», который включает несколько подразделов. В первом подразделе «Краткие сведения о бесермянах» (с. 8–10) перечислены исследователи, изучавшие этот диалект. Важно отметить, что в 2022 году бесермянский язык официально признан отдельным языком и внесен в перечень языков Российской Федерации (с. 10).

В подразделе «Вехи истории бесермянской письменности» (с. 10–15) автор утверждает, что развитие бесермянского письма тесно связано с исследованием этого наречия и, в свою очередь, неотделимо от научного изучения удмуртского языка и истории становления удмуртской письменности. Первые удмуртские слова легли на бумагу в 1726 году, именно в этом году в своем дневнике записал 350 удмуртских слов немецкий ученый-путешественник Д.Г. Мессершмидт. Ранним письменным памятником, где отражена бесермянская лексика, нужно считать рукописную грамматику Михаила Могилина (Мышкина) (с. 10).

К опубликованному бесермянскому письменному памятнику конца XIX века относится «Сравнительный бесермянский словарь» Н.П. Штейнфельда. Как отмечает автор, в словаре содержится 117 бесермянских лексем. Данный словарь состоит из трех столбцов. В первом представлены русские слова, во втором – бесермянские, в третьем – вотские, татарские, чувашские, коми-зырянские (с. 11). В приложениях приведены два варианта алфавита, один содержит 37 букв, другой – 38 букв.

Подраздел «Тамара Ивановна Тепляшина – исследователь бесермян» (с. 15–23) знакомит читателя с вкладом известного лингвиста Т.И. Тепляшиной в изучение бесермянского языка. В нем приводятся интересные факты о ее исследованиях, проблемах языка и письменности бесермян. Особенное внимание уделено тому, что многие полевые материалы, накопленные ученым, остались неопубликованными. Они хранятся в Научном архиве Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН в 12 стандартных картотечных ящиках (с. 17–18). Достаточно внушительный объем, точная запись слов, выражений, развернутых предложений, а иногда названий предметов и явлений с указанием места фиксации представляют собой большую ценность с научной точки зрения.

В подразделе «Сравнительный бесермянский словарь» Н.П. Штейнфельда – один из ранних бесермянских памятников письменности» (с. 24–55)

подчеркивается особая значимость данного издания. По мнению С.А. Максимова, бесермянское наречие сохраняет много загадок, требующих дальнейшего изучения. Важнейший вывод автора словаря заключается в том, что наибольшее влияние на формирование бесермянского наречия оказал татарский язык. Часть «Характеристика словаря» (с. 26–55) содержит полное описание вокала и консонанта в фонетических вариантах, системы («некоторых закономерностей») отображения бесермянских гласных и согласных, лексических особенностей этого наречия, дистрибуции изоглосс бесермянской лексики по диалектным зонам, что может открыть новые горизонты в понимании происхождения немногочисленного, но самобытного и весьма интересного народа.

Изложение структуры словаря и принципов составления словарных статей, применяемая система транскрипционных обозначений, перечень условных сокращений предваряют основной корпус словаря (с. 56–79). Все заглавные слова расположены в алфавитном порядке. Лексические омонимы даны отдельными словарными статьями с римскими цифрами. Фонетические варианты слов объединены внутри одной статьи. Цифры в квадратных скобках, завершающих цитаты (например, [1]), указывают номера страниц монографического труда Т.И. Тепляшиной. Раздел условных сокращений дифференцирован на пять категорий: 1. Названия населенных пунктов (28 наименований). 2. Удмуртские диалекты (61 единица). 3. Языки и диалекты (111 единиц). 4. Грамматические и стилистические пометы; прочие сокращения (139 элементов). 5. Сокращения научных учреждений и издательств (14).

Бесермянский алфавит насчитывает 41 букву. За ним размещен перечень использованных источников и литературы (с. 759–775). В приложении «Бесермянская ономастика» выделены следующие тематические блоки: 1. Антропонимия: мужские и женские имена, отчества, фамилии, прозвища (с. 776–779). 2. Семейно-родовые названия (патронимы) бесермян (с. 780–790). 3. Зоонимы: клички собак (с. 790). 4. Топонимия: ойконимы (названия населенных пунктов), гидронимы (названия водных объектов), микротопонимы (с. 790–804). 5. Каталог бесермянских имен (с. 804–811). 6. Сокращения (с. 811–812). 7. Список бесермянских терминов родства, свойства, кумовства и взаимоотношений между людьми (с. 812–814). 8. Список неточных и неординарных фиксаций бесермянских слов (с. 814–815).

Таким образом, рецензируемый труд является своеобразной энциклопедией бесермянского языка и культурного наследия.

Исследование нерешенных аспектов бесермянского языка может внести значительный вклад в освещение этнической истории народа. Для этого важной составляющей является применение новых подходов анализа, а также привлечение новых материалов, в частности письменных памятников, в кото-

рых может оказаться необходимая информация, способная прояснить ту или иную сторону предмета дискуссии.

Настоящая книга С.А. Максимова представляет собой значительное достижение в области удмуртского и общего финно-угорского языкознания, которое успешно заполняет недостающее звено в исследовании диалектных особенностей XIX–XXI столетий. Диалектологическое изучение удмуртского языка прошло долгий путь развития и ныне занимает важное место в современной науке, став, согласно мнению автора книги, ведущим направлением удмуртского языкознания.

Максимов Валерий Николаевич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры марийского языка
и литературы,
заведующий научно-образовательной
лабораторией «Марий йылме»
научно-исследовательского центра
изучения уральских языков Марийского
государственного университета,
г. Йошкар-Ола
e-mail: sernur@rambler.ru

Valerij Maksimov
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of the Mari Language
and Literature,
Head of the scientific and educational
laboratory “The Mari Language”,
Research center for study the
Uralic languages
Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: sernur@rambler.ru

УДК 94(470.13)

Рец.: Жеребцов И.Л., Мусанов А.Г. Населённые пункты на территории современного Койгородского района (историко-демографический справочник). Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2024. 226 с.

© 2025 г. С.А. Сажина

Историко-демографический справочник Жеребцова И.Л., Мусанова А.Г. «Населённые пункты на территории современного Койгородского района», открывающий серию «Населённые пункты Республики Коми», посвящен истории зарождения и становления населенных пунктов, локализованных на территории Койгородского района Республики Коми, их происхождению, сведениям о численности населения в различные периоды, строительстве храмов, открытии учебных и культурно-просветительных учреждений и др.

Издание содержит краткий очерк истории заселения территории района и характеристику основных особенностей одного из десяти диалектов коми языка, входящего в южную группу коми-зырянских диалектов, – верхнесысольского, локализованного в бассейне верхней Сысолы от впадения р. Тыбъю, включая в себя говор села Кобра на р. Кобра, правого притока р. Вятка. Первые упоминания о диалекте содержатся в «Зырянско-русском и русско-зырянском словаре» (СПб., 1850) П.И. Савваитова, где русский этнограф поместил несколько диалектных лексем. Позже, в конце 20-х годов XX века, известный финно-угровед В.И. Лыткин выявил и описал оригинальную особенность диалекта – особый гласный звук – закрытый *ө: пөн* «собака» – *пон* «конец», *көрся* «веник» – *корся* «ищу». В 50–60-х годах прошлого века известным диалектологом, лексикологом Т.И. Жилиной диалект был детально исследован: всесторонне изучены с учетом распространения диалекта в контактной зоне пермских языков и трансграничного характера структурные особенности верхнесысольского диалекта, его фонетика и морфология.

Основной словарный состав диалекта совпадает с лексикой других диалектов коми языка. Тем не менее выделяется отдельный пласт лексем, отсутствующих в других диалектах, например, *комӧк* «творог», *вашӧдны* «гнать, выгнать», *шыпень* «снег, прилипший к санным полозьям», *шохра* «сырой кочковатый луг», *кураӧн* «в прятки (играть)», *борны* «царапать», *тшебер* «щеголеватый» и др.

Койгородский район Республики Коми представляет большой интерес и с точки зрения этногенеза коми народа. Это территория, на которой происходили интенсивные языковые контакты коми населения с другими финно-угорскими народами (прибалтийскими и волжскими финнами), а также с русским населением.

Документальные свидетельства о времени заселения и появления поселений в верховьях р. Сысола пока не обнаружены. Возможно, что 11–9 тысяч лет назад, в эпоху мезолита, небольшие группы переселенцев из Волго-Окского междуречья, которые вели бродячий образ жизни, жили в недолговременных поселениях, в жилищах в виде шалашей или чумов, могли появиться на верхней Сысоле. По крайней мере, известно, что в эту эпоху люди побывали по соседству с Койгородским районом, на территории Сысольского района – вблизи нынешних Заозерья, Вотчи и Межадора.

Впервые сведения о том, что эта территория была уже заселена, содержится в «Жалованной грамоте великого князя Ивана III Васильевича жителям Перми Вычегодской» 1485 года. Позднее, в XV–XVII веках, она составляла отдельное административное объединение – Ужгинскую волость. В нее входили верхняя Сысола (примерно половина волости) и верхняя Кама (в частности погосты Кайгород и Зюздино – территория, на которой проживали коми-пермяки и зюздинские пермяки).

То, что верхняя Сысола и верхняя Кама составляли единую Ужговскую волость, доказывает их устойчивую и, несомненно, давнюю связь, позволяет говорить о единстве (или, по крайней мере, об очень большой близости) обитавшего там населения, подчеркивает и свидетельствует в пользу того, что через верховья Сысолы проходил один из основных (если не самый главный) путей переселенцев из Прикамья в бассейн Вычегды. Приток населения способствовал сближению верхнесысольцев с соседями, что нашло отражение в свойствах диалекта, отличающих его от других диалектов коми языка, оригинальной топонимической системе.

Впервые в работе рассмотрены названия поселений с точки зрения их происхождения и в связи с историческими условиями жизни населения региона. Своеобразие ойконимического материала является следствием удаленности и относительной изолированности Койгородского района, а также его пограничного расположения между территориями распространения среднесысольского и лузско-летского диалектов коми языка, районами обитания коми-пермяков и русских.

В исследовании широко использованы древние акты, жалованные грамоты, писцовые и переписные книги, экономические примечания к картам и планам генерального межевания, списки населенных мест, материалы всероссийских и всесоюзных переписей.

Справочник иллюстрирован редкими фотографиями населенных пунктов Койгородского района из Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Койгородского краеведческого музея, Кажымской библиотеки-филиала, Национального музея Республики Коми, архива администрации сельского поселения «Кажым», фондов сектора этнографии ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН и других источников.

Исследования подобного плана актуальны не только в общенаучном, но и в практическом плане. Справочник найдет широкое применение среди историков, этнографов, языковедов, фольклористов, литературоведов, культурологов, регионоведов, преподавателей, аспирантов, студентов, учащихся школ и широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой родного края, при составлении собственно топонимических и диалектных словарей, административных справочников. Материалы могут быть применимы в практике преподавания коми языка в вузах, при подготовке учебников и учебных пособий по финно-угорской ономастике, а также курса коми диалектологии и лексикологии в Сыктывкарском государственном университете, на занятиях по краеведению в среднеспециальных и общеобразовательных учебных заведениях.

Сажина Светлана Александровна
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН,
г. Сыктывкар
e-mail: sazinas@rambler.ru

Svetlana Sazhina
Candidate of Philological Sciences,
Leading researcher of the Institute of
Language, Literature and History
of the Komi Research Centre the
Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences,
Syktyvkar
e-mail: sazinas@rambler.ru

ХРОНИКА

УДК 811.511.131+39

III ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯЗЫК, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА БЕСЕРМЯН: СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ»

© 2025 г. В.А. Иванов, Е.В. Попова

25–26 апреля 2025 года в г. Глазов Удмуртской Республики состоялась III Всероссийская научная конференция «Язык, история, культура бесермян: современные социокультурные практики», посвященная 105-летию государственности Удмуртии и 35-летию Общества бесермянского народа в Удмуртской Республике. Конференция имела научную и практическую направленность, связанную с анализом современных этнокультурных практик, обсуждением вопросов изучения истории, языка и культуры бесермян – коренного малочисленного народа Российской Федерации.

Организаторами конференции выступили Министерство национальной политики Удмуртской Республики, Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (г. Ижевск), Региональная общественная организация «Общество бесермянского народа в Удмуртской Республике», Глазовский государственный инженерно-педагогический университет имени В.Г. Короленко (г. Глазов), Северный ресурсный центр по межнациональным отношениям БУ УР «Дома дружбы народов», Муниципальный округ Юкаменский район Удмуртской Республики. Конференция проводилась при финансовой поддержке Министерства национальной политики Удмуртской Республики. Площадкой проведения конференции вновь выступил Глазовский государственный инженерно-педагогический университет имени В.Г. Короленко.

Третья конференция продолжила традицию научных встреч, прошедших в 2018 и 2023 годах. Первая конференция (2018) имела своей целью объединение научного сообщества и междисциплинарное обсуждение научных вопросов с привлечением общественных объединений; встреча показала необходимость

и актуальность такой дискуссионной площадки[1]. На второй конференции (2023), помимо докладов об итогах актуальных научных исследований, обсуждалась роль и эффективность современных этнокультурных практик[2].

Очередная конференция объединила представителей разных научных направлений, работников культуры и образования, представителей администраций районов, общественных деятелей, краеведов, мастеров декоративно-прикладного искусства. Как и ранее, среди участников и слушателей конференции было много представителей бесермянского сообщества. Центральными темами конференции стали обсуждение результатов актуальных исследований по языку, этнической истории, культуре бесермян, обобщение опыта совместной работы научного сообщества и общественных организаций в сфере этнокультурных проектов по сохранению и продвижению культуры народа. В программу конференции вошли пленарное и три секционных заседания, круглые столы, презентации новых изданий, выставки и экскурсии.

В 2025 году Общество бесермянского народа в Удмуртской Республике отметило свое 35-летие. Гости и участники в приветственной части отметили большой вклад организации в сохранение и популяризацию культуры бесермян, тепло приветствовали организатора и первого председателя Общества, его многолетнего руководителя Валериана Фёдоровича Сабрекова. Пленарное заседание открылось докладом-приветствием действующего председателя Общества бесермянского народа Р.М. Дюкина (д. Ворца, Ярский район Удмуртской Республики), который отметил важность создания общественной организации, вклад старшего поколения и активную работу молодежи. В докладе были отмечены следующие важные события: принятие в 1992 году постановления Правительства «О восстановлении исторического имени бесермянского народа», включение в 2002 году бесермян во Всероссийскую перепись населения, выход в 2021 году первой книги на бесермянском языке «Вортча мадьёс» (В.В. Ар-Серги, Р.М. Дюкин), в 2022 году – первого перевода на бесермянский язык мировой классики – повести-сказки Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц» (Р.М. Дюкин), издание первых календарей на бесермянском языке. Среди ключевых общественных событий отмечались бесермянский национальный республиканский праздник «Көрбан» (проходит

---

[1] Иванов В.А., Попова Е.В. Обзор работы Всероссийской научной конференции с международным участием «Язык, история, культура бесермян: состояние и перспективы исследований» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. Вып. 4. С. 161–170.

[2] Иванов В.А., Попова Е.В. Всероссийская научная конференция «Язык, история, культура бесермян: состояние и перспективы исследований» // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2023. № 2 (13). С. 332–339.

с 1996 года), День бесермянского языка и письменности (21 октября), памятные даты – день рождения постановщика первого спектакля на бесермянском языке Анисии Николаевны Урасиновой (Волковой) (17 декабря), день рождения бесермянского поэта Михаила Ивановича Федотова (7 октября). Председатель общества подчеркнул важность сохранения языка среди детей и молодежи, поддержку и развитие бесермянской культуры. Из доклада следовало, что общественной организацией сформирована структура, которая работает совместно с администрациями районов и учреждениями республики в районах проживания бесермян.

Выступления в честь юбилейной даты продолжил С.С. Антуганов (Общество бесермянского народа в Удмуртской Республике, г. Глазов) с докладом «“Мы были первыми”: из истории первого собрания бесермянской общественности в 1990 году». В докладе и презентации с редкими фотографиями разных лет были представлены события 1990-х годов, когда на фоне перестройки в январе 1990 года по инициативе В.Ф. Сабрекова состоялось первое собрание бесермянской общественности с целью восстановления исторического имени, создания собственной организации, сохранения культуры. В результате выступлений и обсуждений был принят Устав и утверждена программа, выбраны руководящие органы. Начало 1990-х годов, как отмечалось в докладе, было временем становления современного бесермянского национального движения.

Пленарное заседание продолжилось докладом С.А. Максимова (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск) об опыте работы с наследием лингвиста, финно-угроведа Т.И. Тепляшиной (1924–2014), исследовавшей язык бесермян в 1960-х годах. По итогам этих исследований была опубликована монография «Язык бесермян» (М., 1970), однако значительная часть составленной ею картотеки с записями бесермянских слов, выражений и примеров их употребления осталась неиспользованной. Итогом многолетней работы с данной картотекой стала книга «Лексика бесермян: наследие Т.И. Тепляшиной»[3] – фундаментальное лексикографическое издание, представляющее речь бесермян, родившихся в конце XIX – начале XX века. Издание насчитывает 7700 словарных статей.

Завершил пленарную часть доклад Е.В. Поповой (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск) об использовании элементов народного костюма бесермян в современных этнокультурных проектах. В докладе было отмечено, что предметы одежды и декоративные элементы становятся визуальными

[3] Максимов С.А. Лексика бесермян: наследие Т.И. Тепляшиной / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2024. 816 с. Издание доступно для ознакомления на сайте УдмФИЦ УрО РАН: https://udman.ru/ru/scientific-activity/publication/leksika-besermyan-nasledie-t-i-teplyashinoy/.

символами, включаются в сувенирную продукцию, оформление мероприятий и фестивалей, афиш, логотипов, печатной продукции. Отдельные утраченные ранее предметы одежды снова воспроизводятся и включаются в современную культуру.

В программе конференции были представлены доклады по этнической истории бесермян. Об основных этапах расселения бесермян в XVII – середине XX века на основе ранних источников говорил Н.В. Пислегин (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск). В первых письменных источниках (1615, 1629) отмечалось несколько населенных пунктов бесермян в низовьях р. Чепцы, откуда в середине XVII – начале XVIII века происходит массовое переселение на Среднюю Чепцу, вторая четверть – середина XVIII века связаны с некоторым «затишьем» в переселенческих процессах, христианизацией и формированием фамилий; во второй половине XVIII – начале XIX века происходят расселение и этнические процессы на фоне освоения территории и усиления русского и удмуртского влияния. Наиболее значительный рост численности бесермянских деревень и починков имел место во второй половине XVIII – начале XIX века.

Доклад «“Böszörmény” – бесермянская проблема в Венгрии: историко-этнолингвистические аспекты» М.В. Головизнина (Российский университет медицины, г. Москва) был построен на анализе письменных источников и документов, собственных полевых материалов, касающихся топонимов с компонентом *böszörmény* в Венгрии, которые, по мнению венгерских авторов, стали появляться в Венгрии примерно в X веке и имели Волжско-Булгарскую этимологию. Так, в XIII веке местечко Бесермень недалеко от Дебрецена было городком ярмарочной торговли, а примерно в XVII столетии город Бесермень стал называться Хайдубесермень. В презентации были представлены полевые материалы с упоминанием топонима в городских и локальных пространствах Венгрии. В докладе также рассматривались этноним «бесермене-бесермяне», его происхождение и упоминание в ранних письменных источниках, таможенных книгах Московского государства XVII века, его изучение в научных трудах.

Конференция традиционно поддерживает междисциплинарные исследования, в том числе взаимодействие естественно-научных и гуманитарных дисциплин. В этом ключе был совместный доклад этноботаника Н.Ю. Сунцовой (Национальный музей УР им. К. Герда, г. Ижевск) и этнографа Е.В. Поповой (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск) о дикорастущих видах растений в мифологии, поверьях и обрядах бесермян по итогам экспедиций. Докладчики отметили, что мифологические представления и использование дикорастущих видов растений определяются их природными свойствами, строением, местами произрастания, отражены в фитонимах, а их рациональная

и иррациональная составляющие основаны на реальных биоэкологических свойствах конкретных видов.

Филологический блок на конференции был представлен языковедческими и литературоведческими докладами. Л.Л. Карпова (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск) и Н.М. Люкина (ГИПУ им. В.Г. Короленко, г. Глазов) в своем докладе рассказали о некоторых фактах влияния северноудмуртских диалектов на язык бесермян. В языке бесермян воздействие северных диалектов, в частности среднечепецкого, прежде всего наблюдается на морфологическом уровне. Эти особенности прослеживаются во внешнем оформлении и в способах образования некоторых грамматических форм.

Н.В. Сердобольская (Институт языкознания РАН, г. Москва) рассказала о посессивных показателях в языке бесермян с точки зрения теории референции. В отличие от посессивных местоимений германских и романских языков, бесермянские посессивные показатели допускают употребление в контекстах введения нового участника и в отрицательных предложениях, что предлагается объяснять отсутствием т.н. пресуппозиции существования.

Выступление А.В. Камитовой (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск) было посвящено анализу творчества бесермянского поэта Михаила Федотова (1958–1995). Рассматривалась оппозиция «город – деревня» – стержневой мотивно-тематический и образный пласт в поэзии М.И. Федотова, репрезентирующий противопоставление «своего» и «чужого».

В.Л. Шибанов (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск) в своем докладе анализировал художественную специфику повести Олега Зоберна «Бесермяне», напечатанной в журнале «Дружба народов» (2023, № 3). Произведение рассматривалось как чисто художественное, а не историко-этнографическое: было справедливо отмечено, что как по романам Ф. Купера нельзя судить об этнографии индейских племен, так и по повести О. Зоберна сложно судить о жизни бесермян. В сюжетно-композиционном плане текст повести строится по канонам жанра «путешествия», и можно провести параллели с «Хожением за три моря» Афанасия Никитина, в котором также упоминаются загадочные «бесерменины», обычаи и нравы которых непонятны стороннему наблюдателю.

Изучение музыкальной и песенной традиции бесермян имеет свою историю и исследователей, традиционные наигрыши и напевы-импровизации представлены в современной авторской музыке. Бесермянской песне в творчестве композитора Евгении Владимировны Копысовой был посвящен доклад И.М. Нуриевой (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск). Речь шла об использовании календарных обрядовых напевов в произведениях композитора.

Е.В. Мещерская-Робустова (Покровский филиал Московского педагогического государственного университета, г. Покров) посвятила свое

выступление вкладу искусствоведа, ученого и композитора, профессора Глазовского педагогического института им. В.Г. Короленко Альберта Павловича Шаховского в изучение песенных импровизаций бесермян *крезь*, остановилась на научной биографии ученого, трудах и основных научных тезисах о музыкальной традиции в контексте этнической истории народа. Докладчик подчеркнула, что труды А.П. Шаховского, изданные в 1990-е годы при поддержке и на средства Общества бесермянского народа в Удмуртской Республике внесли весомый вклад в исследование культуры и истории бесермян.

В рамках конференции работало два круглых стола. Круглый стол «Обществу бесермянского народа в Удмуртской Республике – 35 лет: итоги и планы» включал обсуждение задач и презентацию современных этнокультурных мероприятий. Речь шла о республиканском бесермянском празднике «Көрбан», работе бесермянских центров в районах, междеревенских праздниках самодеятельного песенного и поэтического творчества «Чеброс», праздниках «Микалёв день» и «Посной», юбилеях бесермянских деревень, гастрономическом фестивале «Кенэс гурт: бесермяне приглашают».

На заседании круглого стола «Этнокультурные практики и проекты бесермян: сохранение и популяризация культуры» речь шла о музыкальном и песенном наследии, праздничной культуре, опыте работе в рамках сельских клубов. Открыл заседание первый председатель Общества бесермянского народа в Удмуртской Республике В.Ф. Сабреков. В своем выступлении он отметил важность создания организации, сделанные шаги в области законодательства, общественной работе, подчеркнул актуальность сохранения языка и этнической идентичности, традиций, участия в переписях населения.

Заседание круглого стола продолжил доклад Ф.А. Сабрекова (Народный ансамбль «Лампачей», д. Шамардан, Юкаменский район Удмуртской Республики) о полевой работе по сбору материалов о празднике «Микалёв день» в д. Шамардан и сведений о местной праздничной культуре, структуре и содержании таких встреч. Продолжили тему М.А. Берсенева (Шамардановский социально-культурный центр, д. Шамардан, Юкаменский район Удмуртской Республики) и И.А. Сабрекова (Центр бесермянской культуры, д. Шамардан, Юкаменский район Удмуртской Республики) с докладом о реализации проекта и праздника «Микалёв день», отметили важность сохранения элементов традиционного праздника, где гостевание и общение, поддержка связей между селениями были задачей таких встреч. Об опыте работы и состоянии современной праздничной и обрядовой культуры на селе, старинных напевах и обрядах в современной жизни, о работе ансамбля

«Бесерман крезь» говорила Е.А. Дюкина (Ворцинский сельский дом культуры, д. Ворца, Ярский район Удмуртской Республики).

Важной темой круглого стола были вопросы практики сохранения языка, разработки письменности, сбор материалов на бесермянском языке. В рамках конференции при финансовой поддержке Министерства национальной политики Удмуртской Республики вышло издание на бесермянском языке: «Бесерманнёс сярӧсь бесерман сямен = О бесермянах по-бесермянски»[4]. В него вошли устные рассказы, собранные в разные годы исследователями. Это рассказы о деревенской повседневности, занятиях, работе и учёбе, службе в армии, буднях и праздниках, обрядах, семейных традициях и деревне в разные периоды истории. Все тексты представлены в орфографической записи и адаптированы для чтения. Научно-практическому значению этой книги, важности опубликованных в ней материалов было посвящено выступление одного из ее рецензентов Л.А. Волковой (Глазовский краеведческий музей, г. Глазов), которая отметила книгу как несомненный успех и важный шаг на пути формирования письменного бесермянского языка.

Публикация издания такого рода вряд ли бы стала возможной, если бы не работа нескольких поколений исследователей, собиравших материалы на бесермянском языке по истории и культуре бесермян. В своем выступлении В.А. Иванов (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск) отметил необходимость продолжения и интенсификации документирования материалов на различных вариантах бесермянского языка, что неосуществимо без помощи и активного участия сообщества.

В рамках конференции работало несколько площадок выставки «Культура бесермян: от истоков до современности» с участием мастеров, центров декоративно-прикладного искусства и ремесел республики и районов проживания бесермян. Были представлены предметы декоративно-прикладного творчества по мотивам предметов бесермянской культуры, фольклора и обрядов. Выставка была призвана показать современные способы и приемы работы с культурным наследием, вызвала большой интерес. Семейный музей Антугановых «Ӱалляна» (с. Юкаменское Юкаменского района Удмуртской Республики) представил бесермянские мужские и женские костюмные

[4] Бесерманнёс сярӧсь бесерман сямен = О бесермянах по-бесермянски: сборник текстов на бесермянском языке. Вып. 1: Улон сярӧсь вераськон = Рассказы о жизни / сост., ред., авт. предисл.: В.А. Иванов, Е.В. Попова; УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2025. 76 с. Издание доступно для ознакомления на сайте УдмФИЦ УрО РАН: https://udman.ru/ru/scientific-activity/publication/besermannyes-syar-s-beserman-syamen-o-besermyanakh-po-besermyanski/.

комплекты, предметы утвари и традиционные инструменты. Мастера Юкаменского районного центра ремесел (РДК «Октябрьский», с. Юкаменское Юкаменского района Удмуртской Республики) показали современные декоративно-прикладные работы с мотивами и предметами бесермянской культуры в текстиле, дереве, бересте, роспись, ткачество, плетение, обработку дерева. Это современные бесермянские костюмы, шкатулки, туеса, утварь, предметы быта и убранства дома, полотенца, гобелены, народная игрушка, матрешки в бесермянских костюмах, сувениры с бесермянской тематикой. Графику и живопись по мотивам календарных обрядов бесермян и сюжетов деревенской повседневности представила художник первого бесермянского календаря Л.В. Бушмелева (Средняя образовательная школа № 17, г. Глазов). Бесермянские текстильные куклы в работах мастера Н.В. Лубниной (Филиал реабилитационного центра «Адели» в г. Глазове), сделанные в народной традиции, были объединены в тематические сюжеты «Рыбалка», «Праздник», «Семья». Выставка кукол Л.В. Бекмансуровой (Дом детского творчества, с. Юкаменское Юкаменского района Удмуртской Республики) знакомила с современными куклами, выполненными в мелкой пластике, которые представляли копии костюмных комплектов бесермян.

С эпизодами фестивалей и культурных событий последних лет можно было познакомиться на выставке фотографий «Бесермяне: традиции и современность через объектив» (Центр культуры и туризма Глазовского района) и фотовыставке об истории общественного движения и современной культуре бесермян (Общество бесермянского народа в Удмуртской Республике).

Отдельный выставочный стенд знакомил с редкими и новыми изданиями, публицистикой о бесермянах (Библиотека ГИПУ имени В.Г. Короленко), в рамках выставки книг прошли и презентации новых изданий.

Примером современных практик в сфере культуры стали выступления бесермянских творческих коллективов: бесермянского фольклорного коллектива «Янчӧк» (г. Глазов), мужского фольклорного бесермянского ансамбля «Өзӧк» (РДК «Октябрьский», с. Юкаменское Юкаменского района Удмуртской Республики), Народного фольклорного бесермянского ансамбля «Бесерман крезь» (д. Ворца Ярского района Удмуртской Республики). Прозвучали традиционные напевы *крезь,* наигрыши на гармошке и восстановленной традиционной бесермянской волынке *бӧз*.

На второй день участники конференции посетили Глазовский краеведческий музей, где познакомились с историко-этнографической экспозицией, предметами культуры бесермян.

Таким образом, конференция стала площадкой обсуждения истории, роли и вклада общественного движения, основных итогов научных исследований,

практик сохранения языка и культуры, предметного обозначения предстоящих задач, необходимости публикации материалов на родном языке, а также пространством для совместного научного и научно-практического обсуждения актуальных проектов и исследований.

Иванов Владимир Андреевич
кандидат филологических наук,
научный сотрудник УИИЯЛ
УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск
e-mail: vovagkmfc@yandex.ru

Vladimir Ivanov
Candidate of Philological Sciences,
Researcher of Udmurt Institute of History,
Language and Literature of Udmurt
Federal Research
Center of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences,
Izhevsk
e-mail: vovagkmfc@yandex.ru

Попова Елена Васильевна
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник УИИЯЛ
УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск
e-mail: elvpopova@yandex.ru

Elena Popova
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher of Udmurt Institute of
History,
Language and Literature of Udmurt Federal
Research
Center of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences,
Izhevsk
e-mail: elvpopova@yandex.ru

«Финно-угроведение», № 3 (71) 2025

16+

Научный журнал

Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–73922 от 12.10.2018 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Корректор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Английский текст *Н.М. Красновой*
Дизайн обложки *Ю.П. Клюкина, В.В. Безденежных*

Адрес редакции и издателя:
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44
телефон: 8(8362) 64-19-28, 45-06-47
т. факс 8(8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.gov.ru

Подписано в печать 24.09.2025. Вышел в свет 30.09.2025. Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 9,91. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Заказ № 1534.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ИПФ «Стринг»
424006, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95,
помещение 12-12А, корпус 101А